

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

КЛЫКАСТЫЕ СТРАСТИ

Галина Дмитриевна Гончарова
Клыкастые страсти
Серия «Другие миры (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42754704

*Клыкастые страсти:
ISBN 978-5-17-115329-8*

Аннотация

Что остается, когда теряешь самое дорогое? Только пытаться жить дальше. Но как быть, если неприятности сыплются, как из рога изобилия, а на помощь приходит самый желанный и опасный кровопийца города? Только принять его помощь и показать вампирам, что я тоже чего-то стою! А значит, берегись, клыкастая нечисть!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	53
Глава 3	168
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Галина Гончарова

Клыкастые страсти

© Г. Гончарова, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Возвращение блудного (или просто блудящего?) сына

День был невинен и ветер был свеж, темные звезды погасли... Что-то Цветаева меня сегодня не вдохновляла. Меня вообще ничего не вдохновляло. Лето, цветочки, травки-муравки, речка опять же, солнечный загар, а у меня жестокая депрессия. И на пляже я не была ни разу. Хотя на то есть серьезные причины. Но, наверное, лучше рассказать все сначала. Зовут меня Юлия Евгеньевна Леоверенская. То еще имечко, с мороза не выговоришь, навеселе – тоже. Поэтому все друзья и знакомые зовут меня просто Юля. Мне девятнадцать лет, а через пару недель будет уже двадцать. Молодость проходит, годы остаются. И чего это меня на философию потянуло? А, ну да, на часах четыре утра. Именно в это время на меня накатывают воспоминания.

Еще год назад в это время я была совсем другой. Жила как все студенты, ходила на лекции, прогуливала, списывала, целовалась с мальчиками, танцевала на дискотеках. Жила и радовалась жизни. Я тогда и не думала, что бывает как-то по-другому. А сейчас смотрю на посветлевшее небо – и накатывает безумная тоска. И приходят вопросы, на которые никогда не получить ответов. Где я ошиблась?! Что пошло

не так?! Почему моя жизнь из нормальной комедии превратилась в гибрид триллера с ужасником?! Почему я потеряла любимого человека?! Что я могла сделать, чтобы Даниэль остался жив?! Если бы сейчас передо мной появился Сатана и сказал: «Ты мне отдашь душу, а я верну тебя назад, в февраль, чтобы ты могла попытаться все исправить! Но никто не гарантирует тебе удачу!» – я бы согласилась не раздумывая. Даже если бы ничего не получилось исправить, я побыла бы еще немного рядом с любимым человеком. Хотя бы час, хотя бы минуту! Увидеть, дотронуться, спросить, не винит ли он меня...

Хотя это я знаю и так. Не винит.

И он сказал бы мне то же самое. Даниэль любил меня. И передал на прощание подарок. Теперь я даже знаю, в чем он заключается. Часть искры божьей. Часть своего таланта. Такой подарок не делают человеку, которого считают виновным в своей гибели. Такое можно передать только любимому. А он любил. И я – любила.

Ах, Даниэль, Даниэль... Как бы мне хотелось, чтобы на одну-единственную секунду ты оказался здесь, рядом со мной! Если после смерти есть жизнь, если есть рай и ад, а вампиры находятся в аду, я попрошусь к тебе! И плевать мне на рай и вечное блаженство! Я не променяю соседнюю с твоей сковородку на самое пушистое облако в мире! Не страшно умирать, когда за черту ушел кто-то очень близкий и дорогой. А Даниэль – моя вечная боль и вечная тоска.

Так получилось, что в феврале подруга втянула меня в очень нехорошую и кровавую историю. В итоге я узнала, что кроме людей на свете живут еще вампиры, оборотни и чертова прорва другой нечисти. Всех их я, правда, не видела – только вампиров и оборотней. Но мне и того за глаза хватило. А в одного вампира я даже незапланированно влюбилась по самое дальше некуда. Хотя Даниэль был прежде всего художником, а уже потом кровопийцей. А я – я искренне готова была ради него на все. Этим воспользовался другой вампир, который и стал в итоге Князем города. А Даниэль погиб. Погиб глупо и бессмысленно, по приказу своей госпожи, которая приревновала его. И ладно бы приревновала к человеку! Нет! Просто ее жаба задавила, что никто ее не любит. И не полюбит! Даниэль по памяти набросал мне ее портрет. И скажу честно: чтобы в такую влюбиться, надо крепко удариться головой о высокое дерево. И не один раз.

Ну ничего, мир тесен, когда-нибудь я доберусь до этой дряни, и тогда... Я ее ИПФ, то бишь Истребителям паранормальных форм, сдавать не буду – сама разрежу на части без наркоза! Буду натирать на мелкой терке и посыпать красным перцем! И руки не дрогнут!

Дз-з-з-з-з-з-з!!!

Звонок взорвался бешеной трелью. Я дернулась и пошла открывать. Интересно, кто это? Оказалось, Надя. Подруга влетела в квартиру, обдав меня волной дорогих духов, и метко чмокнула в щеку.

– Привет, Юленок! Сидишь, глядишь?!

– На луну люблюсь, – отозвалась я. – А что случилось?

Что-то ты с утра пораньше...

Я невольно залюбовалась подругой. И куда только делась забитая девчонка из деревни, работавшая уборщицей и считавшая копейки до зарплаты? Дорогие шмотки, косметика, духи, прическа... Наде вся наша история явно пошла на пользу. Подруга даже похудела килограмм на пять – и явно не собиралась на этом останавливаться. А какая от нее шла энергия... просто как поток света от лампочки!

Мужчины слетались на нее, как комарики на свет фонарика. И Надюшка была этим очень довольна. Она уже успела обзавестись своим домом и теперь по утрам училась, по вечерам подрабатывала, а по ночам в полнолуние бегала на звериной шкурке. Такая вот насыщенная светская жизнь.

– А что, к тебе с вечера и попозже приходите? – парировала Надюшка. – Я же знаю, что у тебя с полудня до темноты тихий час. Юль, кончала бы ты с этой хренью, а? Давай я тебе снотворного надыбаю, что ли? Травки попьешь, пустырник, говорят, хорошо помогает, а то можно и просто по водочке без закуски пройтись! Ну что это такое – по ночам не спать?!

Я покачала головой.

– Надь, ты и сама знаешь, что все это не выход.

– Ну да! А вот всю ночь не спать – выход!

– А что, у меня еще и выбор есть?! – окрысилась я.

Ну да, Надя ни в чем не виновата; более того, это я ее втя-

нула в свои разборки, и по моей вине она стала оборотнем. И, по-хорошему, подруга должна была оторвать мне голову. Ей теперь сила позволяет. Оборотни вообще гораздо сильнее людей. Но Надя простила меня, и мы по-прежнему общаемся. Теперь даже гораздо чаще. Надя утверждает, что у меня жестокая депрессия. Мне же безразлично, как это все называется. Да, мне неинтересно жить, я мало ем, я забросила все свои увлечения, я не могу заснуть по ночам, потому что под кроватью прячутся страшные чудовища и болезненные воспоминания. Теперь мой распорядок дня таков: ночью я сижу дома, читаю, рисую, смотрю телевизор или издеваюсь над компьютером, с восьми утра до трех часов дня – рабочий период, который я посвящаю институту, а с трех и до восьми-девяти часов вечера я отключаюсь и сплю как убитая. В это время меня не волнуют никакие кошмары.

Так вот и живу.

Мама поначалу ужасалась, но дедушка попросил ее оставить меня в покое. Не знаю, какую версию он ей преподнес и как убедил, но теперь мама навещает меня или после девяти, или в первой половине дня. Или я сама хожу к родным в то время, когда мне удобно. Наши квартиры в одном доме, только в разных подъездах, и, чтобы пройти к маме, зимой мне даже одеваться не нужно – парадные связывает очень удобный чердак.

– Вылезь из нирваны! – рявкнула подруга.

Я дернулась и уставилась на нее.

– Что, Надюш?!

– То самое! Я тут с ней разговариваю, а она на кактусе медитирует! Пошли завтра с нами на вечеринку! В «Трех шестерках» будет классная дискотека, живая музыка, коктейли за счет заведения, стрип-шоу! Туда весь город ломится, отпихивая друг друга локтями!

Я решительно замотала головой.

– Извини, Надя, я не пойду!

– Да почему?! Подумаешь, проблема! Пошла да вышла!

– Для кого-то не проблема, а для меня так даже очень, – отрезала я.

Ну да, а еще у этой проблемы есть имя, клыки и на редкость сволочной характер. Ничего не забыла? Забыла. Еще при виде этого вампира у меня челюсти от желания сводит. Как и у девяноста девяти процентов женщин. Оставшийся один процент – слепые, глухие и безнадежно больные на всю гормональную систему.

– Что еще за «Три шестерки»?

Последнее время меня мало что интересовало, поэтому городские новости проходили мимо.

– Недавно открывшийся стрип-клуб, – отозвалась Надя. – Клевая программа, туда все подряд рвутся, Танька билеты достала по чистой случайности!

Я покачала головой.

– Надя, ты знаешь, я после наступления темноты на улицу не выйду даже под угрозой расстрела!

– Да сколько можно?! – взвилась подруга. – Чего ты боишься?! Этого клыкастого?! Да с чего ты взяла, что он к тебе вообще подойдет? У него таких тринадцать на дюжину!

Но ее гнев показался мне несколько наигранным. Может, это и паранойя, но Надя не хуже меня знает, что Мечислав меня в покое не оставит. Почему? На то есть много самых разных причин. Я – его фамилиар, я очень сильна в метафизическом смысле, да и вообще... Я первая женщина, которая смогла отказать ему. Первая за семьсот лет его жизни. Это мне под большим секретом рассказал один из моих друзей-вампиров. Оставит ли он меня в покое после такого? Я сильно сомневалась. И Надя тоже. Сложно при таких условиях говорить убедительно.

– Предпочитаю не рисковать, – отрезала я. – Все. Тема не обсуждается!

– Ну и дура, – отозвалась Надя. – Ладно, мне еще на работу пиликать, если надумаешь – позвони. Билетик я придержу.

– Я не позвоню.

Надя ушла, хлопнув дверью. Я полезла в холодильник. Мда, почти ничего нет. Надо бы в магазин сползать. Я разыскала летние брюки и маечку и отправилась в душ. Мне просто жизненно необходимо расслабиться, чтобы не думать о вампирах. Но легче сказать, чем сделать. Мысли упорно лезли в голову. И мысли были об одном-единственном вампире. Мечислав. Я даже не знала, настоящее это имя или он, как

всегда, притворяется. Познакомил нас мой погибший любимый.

Так вышло, что Даниэль очень рассчитывал на помощь друга. Друг прилетел и переиграл все по-своему. В результате Даниэль погиб, а Мечислав оказался Князем вампиров города. Я же подхватила пневмонию и пролежала несколько дней в коме. А попутно еще получила несколько шрамов от укусов и порезов на запястьях, шрам от ожога в форме креста под ключицей и Печать вампира. И если со шрамами все ясно, их можно закрыть браслетами и воротниками и хотя бы временно не думать о всякой гадости, то что делать с Печатью – я до сих пор не понимаю. А когда пытаюсь что-то выяснить у моих приятелей-вампиров, они опускают глаза к полу и бормочут: «Извини, но Князь запретил нам говорить с тобой на эту тему. Он сказал, что, если ты захочешь узнать о себе что-то новое, ты должна позвонить ему по телефону...» Я этот телефон скоро буду лучше знать, чем собственный. У меня этот телефон уже в зубах навяз.

Но я ничего не могу с этим поделать! Мечислав – Князь города. И я сама приложила обе руки к его возведению на престол. Почему? Жить очень хотелось. Видите ли, предыдущий князь, скотина редкостная, обещал сделать меня вампиром, но прежде еще и надругаться. И если на второе я могла бы еще и согласиться (он был привлекателен, этого не отнимешь, этакий голубоглазый блондин арийского типа, живая мечта Гитлера), то первое мне решительно не нравилось.

Мечислав же предложил мне защиту и дружбу. И я поверила. Зря! Надо было знать, что вампирам доверять – все равно что с крокодилом взапас целоваться. Мечислав не стал исключением из правил. Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, что даже ночевать негде...

Сначала я получила дружбу, а потом и первую Печать. И вампир решительно собрался затащить меня в постель. Я сопротивлялась, как черт, и в результате почти оказалась на свободе. А Мечислав стал самым крутым среди местных вампиров. И если какой-то кровопийца сделает что-то, что не понравится Князю, я не позавидую бедняге. Мечислав – редкостная сволочь в красивой упаковке. Я бы сказала, в сногшибательно красивой и сексуальной упаковке. Кстати, еще одна причина, чтобы не встречаться с ним. И причин этих – вагон и маленькая тележка.

Во-первых, я ему не доверяю.

Во-вторых, я его боюсь.

В-третьих, я себя боюсь!

У меня при одном взгляде на Мечислава все гормоны срываются с цепи, и я становлюсь просто секс-маньячкой! Все мысли, все чувства – только об одном. И вампир отлично это знает. И не преминет этим воспользоваться. Почему? Я еще не сказала? Странно. Хотя это-то самое неожиданное в моей жизни. И произошло по принципу: не было печали, черти накричали. Так получилось.

Я и сама не знаю, как именно, но во мне проснулась си-

ла. А сила притягивает вампиров как... как кровь, только еще сильнее! Потому что кровь можно получить от любого человека, а таких, кто умеет делиться своей *силой*, людей, у которых ее достаточно много, чтобы дарить ее и не умирать, считанное количество. Я вот не знаю ни одного такого человека. И не подозревала, что сама способна на такое. Хотя могла бы и догадаться. Это же передается по наследству, а дедушка у меня – человек необыкновенный. В семьдесят с большим хвостиком лет успешно правит (не управляет, а именно правит, и для подчиненных он просто царь, бог и ясно солнышко) своей фирмой, а выглядит при этом лет на пятьдесят пять, максимум шестьдесят. И вообще, не будь он моим дедом, я бы в него влюбилась без памяти. Вот кто бы еще мог так спокойно принять существование вампиров и прочей нечисти, выслушать мой рассказ и не только не определить меня в психушку, а даже помочь? И не только словом, но и делом?

Как только я выписалась из больницы, дедушка привез меня в мою новую квартиру. И сделал все, чтобы она была отремонтирована и обставлена за рекордно короткое время. Через две недели я уже справляла новоселье. Хотя справляла – это слишком громко сказано. Я пригласила Надю, Валентин пришел с ней за компанию, а Борис и Вадим явились чуть позже. Пришлось пригласить. Хотя мне это и не слишком нравится.

Видите ли, вампиры не могут войти в квартиру или в жи-

лой дом без приглашения. Но если получат разрешение – смогут явиться к тебе в любое удобное им время. Вот я дала права гостя Борису и Вадиму, но так вышло, что они теперь могут пригласить своего Князя. А если Мечислав придет ко мне, я не знаю, чем это все кончится. Даже отдаленно. Но он пока, к счастью, не приходит. Только на лестничной площадке регулярно появляются новые розы.

По приказу вампира там установили здоровенную вазу, и в ней регулярно меняются цветы. Нежно-розовые розы. Вот и сегодня... Я бросила взгляд на цветы и прошла мимо. Пахли они на всю площадку. Да что там – на весь подъезд! Ваза, как всегда, позабавила. Наглый вампир приказал расписать ее в стиле «Дракулы»: волки, летучие мыши, облака, а на переднем плане – девица в объятиях вампира. Вампир изображен был со спины, с черными локонами, а девица подозрительно походила на меня.

Но я уже не реагировала. Какой смысл беситься, если испробовала все возможное – и ничего не получилось? Остается только смириться. Сперва я просила эту вазу убрать – фиг вам! А разбить или изуродовать не получится – она же металлическая и тяжелая, как черт знает что. Попробовала расписать маркером! Так эта дрянь покрыта чем-то вроде лака. Оттереть краску – дело двух минут. Брызгала из баллончика – опять стоит как новенькая. Только ацетоном потом воняло на весь дом.

В итоге я плюнула и бросила попытки избавиться от это-

го «знака внимания». Так вот и стоит на площадке, вызывая умиленные взгляды старых дев и профессиональных сплетниц. Даже подростков со склонностью к настенной живописи на нее не нашлось! Хотя я не теряю надежды и стараюсь верить в подрастающее поколение.

Я заглянула в почтовый ящик. Ничего нового? Ничего. Рано еще. А жаль. Последние полгода я получаю очень интересный журнал. Называется он «В мире сверхъестественного». Бумага серая, иллюстрации черно-белые, а печатали его, такое ощущение, в ближайшей подворотне. Но сведения, содержащиеся на тридцати страницах, для меня просто неоценимы. Это не всякая чушь вроде «Загадок НЛО» или «Ночных страниц». Это серьезная для меня информация. Мне не нравилось только одно: в уголке обложки была изображена эмблема ИПФ. И все сведения подавались именно с их точки зрения. Если вампиры – то обязательно нечисть клыкастая. Если оборотни – то либо людоеды, либо жертвы нападения. Если зомби – надо обязательно уничтожить и их, и некроманта. Эльфы, гномы, гоблины, лешие, русалки...

Приходилось буквально отсеивать выплески злости на страницы. Но в итоге я смогла узнать много нового о нечисти, живущей на земле. Впервые журнал пришел мне вскоре после выписки из больницы. Я проглотила его за ночь, а наутро позвонила Константину Сергеевичу и спросила, сколько должна за ценную информацию. Полковник назвал мне стоимость подписки и номер счета, на который перечисля-

ются деньги. Журнал этот выпускается весьма небольшими тиражами, каждый подписчик на счету, и уйти на сторону не позволят ни одному экземпляру. Для меня сделали исключение. ИПФовцы все еще надеются, что я встану в их ряды. А я не говорю им ничего, чтобы губу не раскатывали. Зачем ссориться? Худой мир – не самое плохое изобретение.

Из магазина я тащилась нагруженная не хуже верблюда. Но это мой принцип. В магазин надо ходить на голодный желудок, чтобы точно знать, чего ты хочешь, и запастись дней на пять-семь. А то и на все десять. Пара куриц, несколько упаковок пельменей, хлеб, сыр, колбаса, всякая мелкая всячина, обязательно несколько банок с оливками (ум-м-м-м... обожаю!), несколько килограммов орешков со сгущенкой – пусть даже от них толстеют, но мне уже ничего не повредит! Я как похудела, так и поправиться не могу! Я когда из больницы вышла, во мне было пятьдесят пять килограмм. Кожа да кости, наглядное анатомическое пособие, блин! Все ребра прощупывались! И вот сейчас, спустя полгода, во мне всего пятьдесят шесть килограмм. Хотя я себя ни в чем не ограничиваю. Да и ограничивать особо не в чем.

Я благополучно распихала все по холодильнику и задумалась. А и правда, что мне делать? На пляж сходить? Почему бы нет! Давно пора! Я решительно засунула в сумку полотенце и шлепки. Потом надела купальник и так же решительно вышла за дверь. Крем для загара по дороге куплю.

Купила. И даже пришла на пляж. Но потом! Высшие Си-

лы! Я почувствовала себя настоящим уродом! То есть уродкой! Ну почему у нас такие противные люди?! Почему?! Почему на меня все пялились, как на чудище о трех головах?! Ну да, шрамы! И самый заметный из них – под ключицей! И на запястьях все очень хорошо заметно! Ну и что?! Мало ли у кого какие травмы! Не обязательно же так смотреть! Просто выложили глаза мне на шрамы и довольны!

А потом стало еще хуже. Чтобы спастись от этих взглядов, я опять ушла в воду. Поплавала полчаса, потом устала и все-таки выбралась на берег. А за это время подвалила компания подростков. Ну, то есть уже не совсем подростков, скорее студентов, но первокурсников, не старше. Сперва они дурачились и визжали на весь пляж. Мне это было глубоко безразлично, шум меня не трогал, «остроумные» комментарии парней и девиц о моей внешности – тоже, шрамов они не видели, я загорала, лежа на животе. Но потом, когда я перевернулась на спину! Высшие силы! Несколько минут они просто смотрели, а потом одна из девиц отпустила пару замечаний, которые показались ей ужасно язвительными.

В какой битве я получила свои шрамы?

Хм, пережила бы она то же, что и я, – потом по ночам орала бы! Если вообще пережила бы! Одного взгляда на Даниэля, каким я увидела его в первый раз, хватило бы этой сопле, чтобы уйти в глубокий обморок. А вышла бы она из него уже вампиршей, это точно.

И на такую реагировать? Фи! В общем, я даже и не смот-

рела на них.

А потом ко мне подсел один из этих уродов. – Привет, – попытался познакомиться он.

– Пока, – вежливо ответила я.

Намека он не понял.

– А как тебя зовут?

– Не твое дело.

– Что, прямо так и зовут?

– Да. А сокращенно – отвали!

Я даже не боялась. После вампиров эти щенки мне казались смешными.

– А я – Серега. Пива хочешь?

Я решила промолчать. Может, отвянет? Не отвял. Наоборот. – А откуда у тебя такие шрамы? Нет, ну правда, как тебя зовут? Ты красивая!

Вот на «красивой» я и сломалась. Повернулась и уставилась на парня холодным взглядом. Вообще-то он был красивый. Высокий, темноволосый, с яркими карими глазами. Вот только никто мне не был нужен. Только покой. Тишина и покой.

– Пошел ты к черту! Оставь меня в покое!

До парня не дошло. То ли привык считать себя неотразимым, то ли что-то еще, но он посмел положить мне на плечо потную лапу. Ладонь была горячей и жирной от какого-то крема. И я невольно вспомнила тонкие прохладные пальцы на своей коже.

Даниэль... Единственный, кто имел право касаться моего тела. И каждое его прикосновение было особенным. Вампир относился ко мне, как я бы отнеслась к произведению искусства. А этот мачо... это ЧМО!!! Я передернулась от отвращения.

– Ну ты че? Правда, как тебя зовут?!

Я уже не могла сдерживаться. Еще чуть-чуть – и я ему зубами в горло вцеплюсь не хуже вампира.

– Слушай, ты, альтернативно одаренный герой-любовник! Лапу прочь, пока не оторвала!

Парень обалдел. Я не стала дожидаться, пока он выполнит приказ, стряхнула его конечность и кое-как начала запихивать вещи в сумку. Потом быстро надела короткую юбочку прямо на купальник и ушла с пляжа. Еще не хватало ввязываться в разборки с этими дурачками. А если уж честно – я их не боялась. Я *себя* боялась. Боялась того, что могу с ними сделать.

В феврале – четыре, почти уже пять месяцев назад – я убила вампира. Перегрызла ему глотку, а потом просто *отпустила* на тот свет. А еще – пытала человека. То есть оборотня. Но тогда он был в человеческой форме. И я даже наслаждалась этой пыткой. А потом пила его кровь. И это дало мне столько *силы*, что я смогла впасть в транс. А в транс я управляла животными. И тоже убивала.

Да-да, убивала именно я. Какая, в сущности, разница – сама ты убиваешь или же ножом, пистолетом, веревкой... Или

крысиными зубами.

Я была чудовищем – и наслаждалась этим. Если у человека на одном плече сидит ангел, а на втором – дьявол, то в феврале мой личный дьявол вышел наружу, сорвался с цепи и овладел каждой клеточкой моего тела. А еще – разума и души.

Я сделала то, от чего меня до сих пор мучают по ночам кошмары – все убитые мной приходят по очереди в мои сны. Но самое страшное другое. Они не упрекают. Они не винят меня в своей смерти. Они спрашивают: «Тебе понравилось, Юля? Хочешь еще?»

И эта черная сторона моей души, та сторона, которую мы стараемся не выпускать наружу, которая облизывается при виде чужих страданий и орет в экстазе, когда видит чью-то смерть, радостно соглашается с ними.

«Да! Хочу! Еще!»

Даниэль был дьявольски прав, нарисовав половину меня в образе чудовища с человеческими глазами. Именно так оно на меня и смотрело. Все понимало, скалило зубы – и смеялось. «Хочешь еще, малышка?»

А стоило обратиться к своей второй половине – и там на человеческом лице сверкали звериные глаза. Лицо было спокойным и чистым, я-человек любила жизнь и была добра к ней, а она ко мне, но стоило нам только разозлиться – и сверкали желтизной с прозеленью вокруг зрачка звериные глаза.

«Кто посмел?!»

Поэтому я и перестала спать по ночам. Я не знала, как объяснить подруге, что я не вампиров боюсь и не мертвецов, а самой себя! Своей собственной тьмы.

И сейчас, когда этот сопляк положил руку мне на плечо, мне ужасно захотелось рвануться – и вцепиться в нее клыками. Ощутить на языке сладкий металлический привкус крови! Почувствовать, как хрустят под моими зубами тоненькие косточки.

Посмотреть ему в глаза, ощутить в них смертную боль и древний, темный ужас – и медленно, но так, чтобы он все видел, выпиться в его горло, до конца наслаждаясь его страхом, его кровью, его безнадежным бегством от смерти.

Меня страшило именно это. И я старалась не допустить, нет, *не выпустить* из себя эту чертову тварь! Я боялась того, во что могу превратиться. Легко ведь сделать первый шаг. Еще легче – второй. Это как с наркотиками. Сигаретка с марихуаной? Запросто! Кокаин в золотой пудренице?! Да еще проще! А потом смотришь, для тебя уже и убойная доза героина – на один зубок! И сам не замечаешь, когда же это произошло. Когда ты перешел грань между человеком и наркоманом.

А кем могу стать я? Не знаю. Но мне страшно. Я не могу стать наркоманкой. Я не могу стать алкоголичкой. Я слишком сильно люблю жизнь, чтобы убивать себя, пусть даже таким приятным способом. И слишком люблю своих родных, чтобы доставлять им такую боль. Но что будет, если я со-

рвусь с цепи, на которую посадила свою темную половину? Что-то мне подсказывает, что тогда все вампиры и оборотни захлебнутся от зависти слюной – и кровью, подбирая ошметки с моего пиршественного стола.

А зверь все чаще выглядывает изнутри. И, когда я смотрю в оконное стекло по ночам, мне все чаще кажется, что с моего лица глядят его глаза. Раскосые, желтого цвета и с легкой прозеленью вокруг зрачка. Хищные – и в то же время всё понимающие. Жестокие – и нежные. Но в любом случае безжалостные. И прежде всего ко мне самой.

Я мрачно стянула с себя мокрые пляжные трусы, но надеть сухие даже и не подумала. А, один черт! Нечего ко мне под юбку заглядывать! Да и некому. Одеться, что ли? Неохота! Лучше сделать кое-что другое. Я решительно нацепила на руки широкие браслеты из бисера, а на шею надела такой же воротник в тон. Бисероплетением я, кстати, занималась сама. Очень полезное занятие, особенно по ночам, когда все вокруг темное и противное, когда телевизор осточертел, книги кажутся пресными и тоскливыми, а попытка взять в руки кисти и краски заставляет корчиться от тоски и одиночества.

Теперь все мои шрамы закрыты. Цветы бы еще на грудь – и будет гавайская девушка. Это меня немного позабавило, а удивленные взгляды военных курсантов, встретившихся по дороге, заставили почувствовать себя женщиной. И даже красивой. А это, согласитесь, всем и всегда приятно. В

таком веселом настроении я и дошлепала до дома. Хорошо, что я жила недалеко от пляжа, можно пройтись по городу пешком.

А вот в парадном все мое хорошее настроение резко улетучилось. Почему? А вот потому что!

Прямо на полу, прислонившись к той самой вазе с вампирами, сидел очень хорошо мне знакомый и совсем не изменившийся за последние девять лет человек. Я узнала его с первого взгляда. Я узнала бы его из тысячи тысяч голубоглазых блондинов! Но на улице прошла бы мимо, не повернув головы. Не желаю иметь никаких дел с теми, кто предает и бросает! Никаких и никогда! Ненавижу предателей!

На площадке, к которой я поднималась, оставляя за собой следы песка, сидел Станислав Евгеньевич Леоверенский. Братец мой! Сволочь блудная! Тварь! Скот! Интересно, зачем он явился? Правды о себе давно не слышал? Ну так сейчас услышит! И говорить я буду долго и громко. Сперва – словами. А потом...

«Скормить падлу вампирам, – мягко шепнул голос зверя-из-зеркала. – А до того еще ногами топтать. Недельку, и с особым цинизмом. Не может быть, чтобы у Мечислава не нашлось ни одного хорошего палача».

И в первый раз я подумала, что моя зверюга права.

Братец окинул меня удивленным взглядом. Сперва он даже не узнал меня – это отражалось в его глазах, лице, улыбке. Так смотрят не на сестру, а просто на красивую и доступную

девушку. Но потом в голубых (совсем как у мамы) глазах что-то мелькнуло. Тень узнавания? Тень памяти? Он поднялся на локте и тихо спросил:

– Юля?

Я остановилась напротив него.

– Юлия Евгеньевна Леоверенская, с вашего позволения.

Вы ко мне? Чем обязана?

Вот так! И никаких соплей! Интересно, на что ты рассчитывал?! Что я, узнав тебя, немедленно побегу закалывать жирного тельца? Кстати, терпеть не могу жирное мясо. А понятия «прощать» и «возлюбить» благополучно выдрали из моего лексикона еще в феврале. Так что будьте любезны, сэр, объяснитесь, мать вашу так и этак!

Кажется, братик не ожидал такого холодного приема. Или он решил, что я его не узнала? Смешно! Во всяком случае, он поднялся на ноги и распахнул мне объятия.

– Юля, ты не узнаешь меня? Это же я, Славка! Я посмотрела на него с откровенной насмешкой.

– Да, вы – Станислав Евгеньевич Леоверенский. И что дальше?

Год назад я бы бросилась ему на шею и была чертовски рада, что он наконец-то нашелся. Год назад я бы не дала ему сказать и слова! Я сразу потащила бы его к бабушке и маме! Но это было год назад. И тогда я была просто Юлей. Обычной студенткой биофака. Я бы и сейчас ею оставалась, но не получилось.

Поэтому год назад я бы корчилась от умиления, а сейчас хладнокровно наблюдала за потугами моего брата изобразить родственную любовь и хладнокровно прикидывала, сколько проблем могу огрести из-за его приезда и что его вообще подвигло на этот поступок. Девять лет – это не девять дней. И даже не два года, за которые любого человека сгрызет тоска по родным. Так что же случилось, что братец решил меня навестить? И как это «что-то» может на мне отразиться? А еще страшнее – на маме с бабушкой. Я теперь никому не позволю их обидеть. Пасть порву, в лучшем случае. В худшем – для опознания не останется даже зубов и костей.

Я с тех пор ни разу не пробовала управлять крысами, но что-то подсказывало мне: может и получится. В случае острой необходимости. А куда уж острее?

Брат растерянно мялся на площадке. Не знает, что ему делать и как реагировать? Отлично! Я добавила немного топлива в его неуверенность.

– Вы так и не сказали, чем я обязана вашему визиту.

Брат наконец сориентировался, сбросил маску братской любви и прищурился.

– А *вы* сильно изменились, *Юлия Евгеньевна*.

– За девять лет изменится любой человек, – парировала я. – Или уже десять прошло? Не думаю, что вы рассчитывали найти девятилетнюю сестру такой же, какой оставили.

– Юлия Евгеньевна, я могу обращаться к вам просто по имени? – ехидно поинтересовался Славка.

Я пожала плечами.

– Вы этого не заслужили, но мне сейчас неохота с вами спорить. Что вам угодно?

– Юля, нам надо серьезно поговорить.

– *Вам* надо серьезно со мной поговорить? – я намеренно подчеркнула это «вам». Его проблемы меня не касаются. Со своими бы разобраться. А к деду братик не сунется. Дед в этом отношении гораздо хуже меня. И с него станется устроить братцу не только моральную, но и вполне физическую порку на виду у всего народа. И есть за что! Если за девять лет ты даже не позвонил ни разу, на что ты в итоге рассчитываешь?! Да тебя за одни мамины ночные рыдания надо вверх ногами подвесить над муравейником! И забыть там навечно. Сволочь!

– Да, мне надо! – начал раздражаться братик.

Устраивать словесную разборку на глазах у всего народа мне не хотелось. То есть сперва хотелось, но потом я быстро передумала. Мне здесь еще жить и жить, не стоит шокировать соседей своим знанием русского нелитературного и сволочным характером. Да и не дай бог до деда дойдет. Дом-то один. Поорать можно и в квартире. Тем более что у меня там полная звукоизоляция. Валентин парочку оборотней подогнал, и те все сделали. О, кстати говоря!..

Если дор-р-р-р-рогой блудный братик очень меня достанет, я просто позвоню тому же Валентину. Готова поспорить, что он с удовольствием спустит Славку с лестницы. И уронит

по дороге пару раз. Предателей оборотень любит не больше, чем я. А ко мне очень хорошо относится. И вообще, какие счета между друзьями?

Я классически выдержала паузу, за время которой уши брата начали краснеть, и кивнула.

– Я поговорю с вами.

Славка замялся.

– Юля, так получилось, я не один.

– Неужели?

– Ей плохо. Она больна.

– Ей?

Я ничего не понимала, но чувствовала что-то нехорошее.

Брат встал и извлек из-за недействующего мусоропровода чье-то тело. Нет! Не чье-то. Девушки. Девушки в простеньких синих шортах и маечке. Она определенно была без сознания. Голова откинулась назад, черные волосы густым ковром рассыпались по полу. Казалось бы, что мне за дело до этой дурехи? Ан нет. А все Надька с ее курсами первой помощи. Да, я и это успела пройти за последние полгода. С моей веселой жизнью надо хоть что-то уметь, а то я и коленку себе не перевяжу. Курсы были удобными, шли при больнице: в восемь вечера – лекции, в восемь утра – практика, и я прекрасно успевала.

Привычка взяла свое. Я шагнула вперед и положила руку ей на шею, пытаюсь нащупать пульс.

Ох, твою зебру с размаха об забор!

Я вскрикнула и отдернула пальцы. Такое ощущение я испытывала только один раз – когда Даниэль просил меня *увидеть* оборотня за человеческой маской. И я увидела лиса. Сейчас я тоже *смотрела*. И могла сказать точно: передо мной лежала девица-оборотень. И, кажется, тоже лисица. По руке словно мурашки забегали. Я покрылась гусиной кожей и едва удержалась, чтобы не вытереть руку о юбку. Не вытерла. И с интересом посмотрела на братика.

– Стой смирно. Я хочу до тебя дотронуться.

– Что-то не так?

Объяснить? Или не стоит? Определенно лучше пока помолчать.

– Все не так. Стой смирно, или пошел к черту!

Брат повиновался. Я медленно коснулась его запястья. Я ожидала чего угодно. Но это ощущение больше не возникло. Не потому, что я больна или устала, нет. Даже когда я лежала в больнице, стоило Надюшке или Валентину дотронуться до меня – и я испытывала это странное чувство. Не неприятное. Но – не такое. Неправильное. Не обычные пять чувств, а нечто шестое. Я начинала видеть их зверей, и это нервировало. Но зверя брата я не видела. Его не было. Так брат ничего не знает? Или втянут самым краем? Это надо выяснить.

Я мрачно поползла вверх по лестнице, на ходу нашаривая ключи в кармане.

Братик подхватил свою девчонку на руки и пошел за мной. Я одарила его мрачным взглядом. Меньше всего мне

нужны были склоки с оборотнями. А именно они меня и ждут. Братик вообще представляет, какой кучей церемоний паранормы вынуждены обставлять свое существование, чтобы не быть перебитыми нафиг добрыми лапушками из ИПФ? И как сложен для них переезд из одного города в другой? И сколько соизволений надо на это получить?

Как минимум четыре: вожака оставляемой стаи, вожака стаи, в которую ты хочешь перейти, Князя оставляемого города и Князя этого города. И это как минимум. Обычно требуется еще принципиальное согласие вожаков других стай этого города на увеличение потенциальных противников на одну боевую единицу. И это не бюрократизм. Это разумная осторожность существ, которых вечно преследуют. ИПФ, знаете ли, не дремлет.

Я пнула дверь, зашвырнула сумку в шкаф и прошлепала в гостиную. Братик замешкался на пороге, но я махнула ему рукой.

– Тащи свою девицу сюда. И дверь закрыть не забудь!

Славка повиновался. Я плюхнулась в кресло у компьютера и с удовольствием повернулась пару раз вокруг себя. Должно же быть хоть что-то хорошее в жизни. Брат сгрузил свою драгоценность на кресло и уселся на диван. Я внимательно разглядывала его.

Пожалуй, я немного погорячилась, сказав, что он не изменился за прошедшее время. Тогда, девять лет назад, я помнила его юношей – высоким, светловолосым, немного хруп-

ким и изящным. У него даже усы не росли, и он очень этого стеснялся. Теперь же передо мной сидел мужчина двадцати восьми лет. От юношеского изящества остались обрывочные воспоминания, сильно раздались плечи, но жира братик не набрал. Маечка веселой траурной расцветки со скелетами рельефно обтягивала накачанные мышцы. Дружим с железяками и ходим качаться? Подражаем старичку Шварцу? Джинсы тоже были в облипochку. Симпатично. Мне бы понравилось. Лицо... Лицо почти не изменилось. Только стало как-то строже, завершеннее, в уголках рта проступили мелкие морщинки, а щеки покрывала щетина. Он стал гораздо симпатичнее. И наверняка пользуется большим успехом у женщин.

На этот раз первой заговорила я.

– Прежде чем мы начнем разговор, я хочу узнать ответ на свой вопрос. Тебе известно, *кого* ты привел в мой дом?

Молчание. Брат пытается что-то сообразить. То ли знает, то ли нет. Боится признаться? Или боится, что я вызову психушку? Доказать-то без превращения у них ничего не получится, а какое превращение днем? Сейчас даже не полнолуние, а девчонка довольно слабая. Надька «билась током» намного сильнее. Вадим мне как-то рассказывал, что вампиры могут просто наблюдать за людьми и узнавать, о чем те думают. Так что гестапо с их милыми методами дознания отдыхает. По дрожанию пальцев, глазам, цвету кожи, запаху... задавать наводящие вопросы – и получать верные ответы да-

же без слов. Я так не умею. А жаль...

– Юля?

Хочет получить более подробные разъяснения? Или не знает, кто такая эта девушка, или не хочет меня втягивать. Одно из двух. Но если втягивать – то во что? В оборотневские разборки или во что-то более серьезное? Ладно, выбора у меня все равно нет.

– Я хочу, чтобы ты мне ответил: ты знаешь, что твоя девушка делает по ночам в полнолуние, или нет?

– Юля?

– Уже столько лет Юля! Или отвечай прямо на мои вопросы, или убирайся прочь!

Лицо брата как-то опустело. Словно стекло вниз по косякам.

– Я скучал по тебе, Лёва.

Лёва – это тоже я. Леоверенская – Лео – лев – Лёва. Так братик звал меня в детстве. Но если он надеялся растрогать меня, то у него ничего не получилось.

– Я задала вопрос. Отвечай или убирайся!

– Расскажи ей.

Голос девушки раздался так внезапно, что я подпрыгнула в кресле. Слабый, тусклый, невероятно усталый. Ей нелегко пришлось.

– Расскажи. Она имеет право знать.

Вот спасибо-то! Радости полные штаны! С чего только ты взяла, что я сама не догадалась? Шерсть не скроешь, девоч-

ка. Во всяком случае, от меня. Братец тем временем колебался.

– Клара, ты уверена...

– Да! Расскажи ей!

Я откинулась на спинку стула и уставилась на братца.

– Расскажи мне то, о чем я догадываюсь, Станислав.

Он вдохнул, выдохнул и словно в воду бросился.

– Юля, Клара – оборотень.

– Оборотень-лис, – уточнила я. – И что?

Брат смотрел на меня так, словно у меня вторая голова выросла. Я скривилась.

– Слушай, подбери челюсть пальчиком, пока слюнями пол не закапал. Да, я вижу, кто она. И что дальше?

Я насмешливо разглядывала братца и не обращала внимания на девицу. Но она зашевелилась и кое-как села на диване. Чертовски худая рука вцепилась в спинку, обтянутую черным мехом. Кожа и кости. Что же ее так вымотало? Девица была не просто худа – она была скелетообразна. И черные волосы только подчеркивали ввалившиеся щеки и запавшие черные глаза.

– Вы черная лиса? – уточнила я.

– Да. Откуда вы знаете?

Рассказать, что ли? Лучше не надо. Еще грохнется в обморок, потом нашатырем всю квартиру провоняем. Гадость!

– Хотите почувствовать еще раз? Не стоит. Я плохо держу свою *силу*. Если Славка дорожит вами, я не стану причинять

вам вред.

– А вы можете?

Я искривила губы в подобии улыбки. Лучше не получилось. Потом подумала – и стянула с себя браслеты и колье, беспощадно обнажая шрамы.

– Это вас не убеждает?

И брат, и Клара вытаращились на меня так, что мне захотелось завывать. Да что же это такое?! Неужели так всегда и со всеми будет?! И никто не примет меня такой, какая я есть?!

– Откуда у тебя это?

– Не поздно ли вы решили это выяснить, Станислав Евгеньевич? – поставила я на место братца.

– Юля...

– Ближе к делу. Да, я знаю, что на свете существуют вампиры и оборотни. Хотя о вампирах так говорить не стоит. На свету они существовать как раз не могут. Что дальше?

– Могу я попросить стакан воды? – подала голос Клара.

Я внимательно посмотрела ей в глаза. И кивнула братцу.

– Пили на кухню и притарань нам чего-нибудь пожрать. Можешь бульон сварить. Обрато явишься, когда позовем. Ясно?

Славка без разговоров поднялся и пошел на кухню.

– Ну?

Клара опустила глаза. А она ничего, симпатичная. Для любителя костей. Насколько я знаю, таких обаяшек среди оборотней большинство. Что шерстистые, что клыкастые от-

личаются хорошим вкусом и кого попало инициировать не станут.

– Для начала представлюсь. Клара Карловна Карелова.

Я невольно фыркнула.

– Долго на скороговорках тренировалась?

– Не смешно! – надулась оборотень. Хм, ну это кому как... мне так даже очень.

– А что тогда? Родители оригиналы были?

– Мама. А отца я даже не знала. Какой-то немец-турист.

Интересно...

– А в вашем Зажопинске и такие водятся?

– Я из Тулы! – возмутилась Клара.

Я кивнула. Теперь понятно, откуда немец взялся. Оружие, пряники, самовары... Есть за чем ехать.

– А чего вам в Туле не сиделось, Клара Карловна?

– Вот не сиделось, – отозвалась Клара.

– И у вас, конечно же, есть разрешение вашего вожака и вашего Князя на проезд сюда? – язвительно поинтересовалась я. – А также местного Князя? О местном вожаке не спрашиваю, и без того знаю, что вы к нему не обращались!

– А откуда?

– Не ваше лисье дело. – Распространяться о своих знакомствах я не собиралась. – Не слышу объяснений. Кто вы такая, как стали оборотнем и как оказались рядом с моим братом?

– Медсестра. Работала в больнице. Оборотнем стала случайно. Пошла на дискотеку. Там познакомилась с одним

классным парнем. Кто же знал, что он оборотень?! Сперва мы потанцевали, потом выпили, потом он предложил подвезти меня до дома, а привез к себе. Вкусы у него в постели были весьма экзотические. Как я выжила – сама не знаю. – Девушку явственно передернуло. – Через месяц я перекинулась в первый раз. Местные лисы взяли меня под покровительство. Точнее, приняли в свою стаю.

М-да. Девчонка отвечала по-военному четко и коротко. Это было то, что мне нужно. Ни соплей, ни слез, ни истерик... С другой стороны – это что же надо носить внутри, чтобы быть такой спокойной? Чего мне стоит мое спокойствие? Лучше не вспоминать об этом. А что внутри у нее?

Но что бы ни было, уже за эти короткие фразы она заслуживает уважения.

– И кем ты была? – уже более доброжелательно спросила я.

Девушка на миг замешкалась, а потом выдала, как в воду бросаясь:

– Пади.

Я покачала головой. Пади. Грустно... Плохая роль, плохая судьба. Вообще, как мне объяснила Надя, иерархия лис-оборотней строится по следующим принципам. Сами лисы-оборотни называют себя вольпами. На первом месте в стае, разумеется, стоит ее вождь. Его слово – закон для любого члена стаи. Он самый сильный, причем не только в физическом, но и в метафизическом смысле. На втором месте – свита вожа-

ка, или прима-вольпы. Они тоже имеют голос и власть. Это внутренний круг вожака. Его телохранители, друзья, руки и ноги. Их всегда очень мало – уж очень серьезна эта роль. Во-первых, примы должны быть очень сильными. Ментально и физически. То есть и как люди, и как оборотни. И, во-вторых, примы – это опора стаи. Они лечат, защищают, оберегают... иногда извращенным образом, но все же, все же... что-то вроде «я тебя сам прибью, никому другому не отдам». И это в самом худшем случае. В лучшем случае – «мы с ним одной стаи... кто тут на моего одностайника хвост поднял? Оторву к такой-то матери...».

Потом идут обычные вольпы. Это просто лисы, которые достаточно сильны, чтобы постоять за себя, но недостаточно сильны для места примы. Миди-класс. Своего рода рабочая прослойка. Не суперсильные, но и не тряпки. Могут постоять за себя, могут защитить тех, кто слабее...

И, наконец, пади. Низший слой оборотней. Самые слабые, минимум способностей, подстилки для каждого, кто их захочет, шестерки, вечные подчиненные. Обычно выживают, если у них есть покровитель из прим или вампиров. Или если они никого сами по себе не интересуют. Или если вожак решит навести справедливость и заступиться за пади. Но такое бывает крайне редко. Валентин – один из немногих, кто не разрешает обижать пади. Насколько я знаю, в других стаях положение пади ниже низкого, фактически это просто коврик при пороге: хочу – наступлю, хочу – вытру ноги. Остает-

ся только терпеть. Хотя есть и такие оборотни, которым это доставляет удовольствие. Но, кажется, Клара к ним не принадлежит.

В чем-то организация оборотней здорово похожа на тюремную. Пахан, он же вождь стаи, его личная гвардия, обычные заключенные и – самая нижняя ступенька – пади. И все они пленники – своего тела и духа. Пленники своего оборотничества, заключенные в нем, как в пожизненной темнице.

– Это плохо.

Клара широко раскрыла глаза. Удивлена? Еще бы.

– Ты знаешь, что я имею в виду?

Я полоснула от души по незащищенному месту.

– Тот, кто тебя сделал лисой, был одним из прима-вольпов?

Клара опустила глаза.

– Наш вожак. Роман.

Я присвистнула.

– С этим ясно. Что дальше?

– Практически ничего, – замялась девица.

– Вот и рассказывай всё «ничего», а то потом хуже будет!

– Кто ты такая, чтобы я тебе подчинялась?!

Я нехорошо смотрела на девушку.

– Вопрос поставлен неправильно. Дело не в моем статусе, а в твоём. Ты пади. А я сильнее тебя. Поэтому рассказывай все начистоту!

Девица зашипела. Тело ее напряглось на черном мехе ди-

вана. Я всей кожей почувствовала, как ее *сила* потекла в комнату. Она пыталась надавить на меня. Не перекинуться, нет, но просто показать, что я ей не указ, испугать, заставить понервничать. Так смотрит и рычит оскалившийся зверь, запугивая противника. Теплая волна хлынула по комнате, омывая мое тело незримым потоком. Это был не тот прохладный ветер, которым я ощущала *силу* вампиров. Эта *сила* была плоть от плоти, суть от сути природы. Не могильная земля, но земля луговая, земля, на которой растут и радуются мириады растений и животных. То, что должно быть мне чуждо по сути своей. Я ведь получила свое от связи с вампиром, так?

Но меня лисица не испугала. Я непроизвольно выставила перед собой руку. И внутри раскрутился знакомый огненный вихрь. Взревел, полосуюя когтями невидимую решетку, мой зверь-из-зеркала.

Но сейчас это было даже приятно. Поток невидимого огня хлынул из меня по комнате – и столкнулся с теплым вихрем. Я не стала бороться. Я просто начала *выпивать* его, *втягивать* в себя, присоединять к своей *силе*. И знала, что могу вернуть себе потраченное в любой момент. А вот лиса – не сможет. И еще я знала, что, если заберу слишком много, Клара просто погибнет. Кажется, это и было то, о чем говорил мне когда-то Вадим. Или Даниэль? Я уже не помнила. Но если я могла поглощать *силу* из окружающего мира неосознанно, то могла делать это и вполне спокойно и даже управ-

ляемо. И могла *выпить* всю *силу* из человека, как вампиры выпивают кровь из своих жертв.

Этого я для Клары не хотела. Девушка обмякла на диване. *Сила* все еще текла из нее по комнате, но теперь это было не по ее воле, а по моей. Я сосредоточилась. Закрыла глаза. И другим, внутренним зрением увидела, как от Клары по комнате идет слабенькое желтоватое возмущение, а от меня – мощный красно-оранжевый вихрь. Смерч. Этот смерч втягивал в себя желтенькое марево, и с каждой минутой его становилось все меньше и меньше. Всё его я выпить не могла. Не должна была. Я просто убью девчонку! Не то чтобы я жалела глупую пади, но мне и так хватало ночных кошмаров. Видеть еще одно лицо в темном оконном стекле мне не хотелось. И я резко подняла руку.

– Мое – ко мне! Мое – в меня! Ее – вернуть!

Я и сама не знала, зачем все это говорю. Чтобы лучше представлять себе, что я делаю? Возможно. И одновременно с этим я потянула в себя свой вихрь. Медленно, почти неохотно он возвращался ко мне.

Внутри обиженно взревел зверь с человеческими глазами. Ему как раз хотелось выпить глупую пади до дна! На кого она хвост поднять посмела?! Уничтожить! Порвать на тряпки! Р-р-ра-а-а-ау-у-у!

Я стиснула зубы. Так хорошо было бы сейчас бросить его вперед, погрузить в тело оборотня, выпить ее разум, *силу*, душу... Так вкусно... приятно... Но я не могла себе этого

позволить. Алый смерч приблизился ко мне – и я дотронулась до него рукой, пытаюсь вернуть на место.

– А-а-а!

Жестокая боль пронзила все мое тело. Сброшенная *сила* вернулась ко мне, судорогой сводя разум и душу. Я всхлипнула и выгнулась в кресле. К счастью, это было ненадолго. Я быстро пришла в себя, вытерла пот со лба и посмотрела на Клару. Девушка кучей грязных тряпок обвисла на диване. Из кухни примчался брат и тут же бросился к ней.

– Клара, что с тобой, милая?! Что с тобой?!

Лицо его было таким искренним, что я даже позавидовала Кларе. Она дура, но ее, кажется, и правда любят. А вот свою любовь не сберегла. Даниэль, любимый мой, почему тебя нет рядом, когда ты мне так нужен?! Даниэль...

Я проговорила про себя его имя, и стало легче. Гораздо легче. Словно воспоминания о любимом сняли часть боли и ярости. Братец повернулся ко мне с искаженным от страха и ярости лицом.

– Что ты с ней сделала?!

– Только то, на что она сама напросилась, – отозвалась я. – Ее никто не тянул за руку, когда она попыталась выпустить когти.

– Юля!

Не знаю, что сделал бы братик и что сделала бы я, но тут Клара зашевелилась и застонала.

– Все в порядке, – кое-как хрюкнула она.

Я лежала в кресле, полностью расслабленная.

– Скажи спасибо, дура, что жива осталась. Я уже говорила, что плохо контролирую свою *силу*. Тебе проверить хотелось или просто жить надоело?! Идиотка! Кретинка убогая! Пади, одно слово!

– Юля!

На этот раз братец был искренне возмущен. Но Клара оборвала его.

– Не смей. Она права. И она действительно могла убить меня!

– Я не хотела этого делать, – отозвалась я. – Слушай, приволоки нам чего-нибудь выпить. Я там сока купила. Тащи!

– Алкоголя нет? – спросил братик.

– Тащи чистый сок, – оборвала я его. – Живо!

Славка развернулся и поплюхал на кухню, чтобы скоро вернуться с двумя бокалами. Сок был мой любимый. Апельсиновый. И даже не слишком отдающий химией. Да, в нем наверняка полно всякой дряни, но это лучше, чем ничего. Я пила, наслаждаясь острым цитрусовым запахом и кислым вкусом. Каждый глоток освежал меня и физически, и духовно. Но усталости не было. Наоборот, я становилась бодрее и сильнее. Твоего стегозавра, что со мной происходит?! Но я и так знаю, что именно. Стоит ли орать в небеса? Нужно просто-напросто прийти на поклон к вампиру, который объяснит мне все это с точки зрения науки и обучит меня пользоваться моей *силой*. Да, Мечислав может это сделать. Но что

он попросит взамен? Хотя и это я тоже знала. *Силу*. Душу. Тело. Разум. Три последних пункта, может, и не в этом порядке, но попросит. И обязательно постарается подчинить меня себе. А играть с семисотлетним вампиром в какие-либо игры? Я не стану этого делать! Здоровье дороже! Тем более что мне все равно не выиграть!

– Ты оправилась?

Славка.

Клара смотрела на меня своими черными глазами. Но сказать ничего не решалась. И правильно. Она бросила вызов и проиграла. Я выиграла. Теперь она ломала голову, кто я такая. И не будет ли им хуже. Ну что же, помучайся, стервочка! Я надменно взглянула на нее.

– Ну что, *пади*, ты убедилась, что со мной не стоит играть в эти игры?

– Да.

– Да?

Мой голос был спокоен и холоден. Чему же я научилась от вампиров? Я впервые задумалась: а так ли невинны были мои беседы с Вадимом и Борисом? Или что-то они в меня вкладывали? Потихоньку, исподволь... Каждый вампир – отличный психолог. Иначе им просто не выжить. И опыт у них столетний. Раньше, говоря с Кларой, я бы пропустила этот момент. Сейчас же я требовала, чтобы мне отдали должное.

– Да, госпожа.

Последнее слово вырвалось как слизняк. Клара буквально выплюнула его. Но у меня тоже не было выбора. Или она подчиняется, а я веду, или я заработаю себе сильную головную боль. По обычаям вольпов, Клара бросила мне вызов. Она хотела сломать и напугать меня. Мой удар едва не убил ее. Теперь я показала, что сильнее ее, а стало быть, стою выше. И обращаться ко мне надо соответственно – госпожа. Если мы подружимся, я разрешу ей оставить этот титул в прошлом и никогда не напомню о нашей ссоре. Если же нет – пусть лучше боится того, что я могу сделать.

– Отлично. Что было дальше?

– Мне... я больше не смогла выдержать! – почти выкрикнула Клара. – Я нравилась жожаку, ему нравилось заниматься со мной сексом, пока я была человеком, а он перекидывался. Мы можем выдержать много ран. Очень много. Роман мог не дать мне перекинуться! Это было ужасно больно! Еще ему нравилось, когда кто-нибудь другой или другие занимались со мной сексом, а он смотрел или участвовал! Дальше рассказывать?!

Голос ее поднялся почти до визга. Я пожала плечами. Меня сложно было напугать описаниями группового секса. Да и зоофилии тоже. Я и так знала, что у некоторых оборотней своеобразные вкусы. И не только у оборотней. Маркиз де Сад, к вашему сведению, вообще оборотнем не был, мне Борис рассказал. А какие сцены описывал?! И что, удавиться и не жить?

– Можешь опустить постельные сцены. Что было потом?

Мой голос был по-прежнему спокоен и холоден. Я даже сама себе удивилась. Но так мне нравилось гораздо больше. Клара зло смотрела на меня.

– Что-что! То самое! Я по-прежнему работала медсестрой в больнице! А потом туда попал Славка! С открытым переломом левой ноги. Я ухаживала за ним.

– И как далеко зашли ваши ухаживания?

– Так далеко, что я влюбился в Клару, – вставил Славка, входя в комнату и присаживаясь рядом со своей девушкой на диван. Робко обнял ее за плечи – и Клара качнулась назад, прижалась к нему всем телом, как к якорю спасения. – Ты не возражаешь, если дальше расскажу я?

Клара замотала головой. Я перевела взгляд на брата.

– Когда немного поправился, я начал ухаживать за Кларой. Она долго старалась держаться от меня подальше, но потом разрешила встречаться с ней. Я нашел работу в Туле и смог снять квартиру. Ну, то есть комнату в коммуналке, но мне и этого хватило. Мы встречались примерно полгода. А потом Клара рассказала мне, кто она такая. Я был потрясен. А когда она перекинулась для меня, я был просто в шоке!

– И она тебя не сожрала?

Вопрос был очень насущным. Я знала, что многим оборотням, кроме самых сильных, после превращения необходима кровь. И лучше живая. Пади вообще не могли удержаться после превращения. Они начинали жрать, все равно

кого или что. Лишь бы была горячая кровь. Корову так корову, свою мать так свою мать. Пади!

– Я никогда бы такого не сделала! – в голосе лисы слышались нотки возмущения.

– Неужели?

– Я поставила для себя миску с мясом, – нехотя объяснила девица.

– И смогла переключить себя на нее?

Я была так въедлива, потому что не хотела, чтобы Славке перегрызли горло в одну из замечательных ночей. Он скотина и сволочь, но все-таки мой брат! Если кто его и прибьет, то только я!

– Да! – выкрикнула Клара.

– Похвально. Вы познакомились. Что потом?

– Я хотел, чтобы мы жили вместе. И тогда Клара рассказала мне о вожаке своей стаи. Роман не собирался отпускать ее. Издевался, мучил, но давать ей свободу даже и не собирался! Тварь!

– Да, но он в своем праве, – задумчиво протянула я.

Цинично, жестоко, но ничего не поделаешь. Пади – низшая ступенька социума оборотней. Валентин, придя к власти в стае, потратил немало времени на то, чтобы пади не обижали и не насиловали. Ему это удалось, потому что я выбила большую часть садистов и маньяков, которые радовались, причиняя другим боль: часть – сама, часть – с помощью ИПФ. И Валентин прочно взял власть в свои руки. Но

он был очень неплох для вольпа. В других же стаях... Вожак мог издеваться над Кларой хоть до посинения, причем любыми способами, какими хотел, мог вообще убить ее во время секса или в любое другое время – никто бы ему и слова не сказал. Интересы Клары тут не учитывались. Почти рабовладельческий строй. Ладно, над печальной судьбой пади я потом поплачу.

– Вы решили сбежать?

– Да!

– И чем же кончилась ваша попытка? – ехидно допытывалась я. И так ясно, что ничем хорошим, но надо же знать уровень дерьма, в которое я лезу?

– Тем самым, – пожалала плечами Клара. – Нас догнали. Два оборотня. Прима-вольп и один из простых вольпов. Мы дрались.

– И смогли справиться с примой? Выкрики из зала не слышите? Не верю, и точка!

Ну да, такую, как Клара, даже я узлом завязала, чего уж там говорить о ком-то серьезнее!

– У меня есть оружие, – признался братец.

– И какое же?

– Пистолет.

Я фыркнула. С тем же успехом можно пользоваться против оборотня зубочисткой! Тем более против прима-вольпа! Раны от пуль они залечат в два счета.

– Пули были серебряные, – пояснил братец.

– Понятно. Вы их обоих убили?

– Да.

Я выразилась непечатно. Вот черт! Как хреново-то! Складки с тульскими вольпами мне точно не хватало! Да и Валентину тоже!

– Хорошо. А что вы после всего этого делаете здесь?

Славка опустил глаза.

– Юля, я хотел попросить денег на билеты до Австралии. У нас почти ничего не осталось. А это далеко, и там мы сможем затеряться.

И тут я взорвалась. Вся злость, которая копилась во мне с февраля, выплеснулась наружу в одном бешеном взрыве.

– Ах, так вы в Австралию собрались?! Ты, козел, шляешься по всей стране, сбегаете из дома, воруете деньги у матери и деда, а потом растворяетесь в воздухе на девять лет! И сколько раз за эти девять лет в тебе просыпались родственные чувства, позвольте узнать?! Ты звонил?! Писал?! Хотя бы интересовался, как мы тут живем, все ли у нас в порядке, живы мы вообще или нет?! Ты хоть раз дал о себе знать?! Мама по ночам рыдала – тебя ЭТО не волнует?! Я до сих пор помню, как она плакала, а дед утешал ее, говоря, что лучше никакого сына, чем тупой и неблагодарный, и что лучше уж разобраться со всей грязью сейчас, чем потом, в более серьезной ситуации! К счастью, прошло девять лет, раны немного закрылись и зарубцевались! Мама успокоилась! А теперь ты приползаешь с невинным видом?! Да у меня про-

сто слов на тебя не хватает! И ладно бы ты просто приехал в гости! Типа, здрасте, вот, я тут устроился, решил прощения попросить! Нет! Ты ждал, пока земля под ногами не загорится! И только тогда соизволил броситься за помощью к родным и близким! Что, зад припекло?! И на что ты надеешься?! Что тут все обалдеют от радости и мгновенно кинутся помогать тебе?! Как же, блудный сын вернулся! Мама продаст золото, дед вытянет деньги из бизнеса и отдаст тебе?! И ради чего?! Ради какой-то пади, которую ты имел неосторожность трахать?! Да вы оба, вместе взятые, перемноженные и возведенные в девятую степень, и десятой доли такой заботы не стоите! Дешевле вас обоих под забором закопать! В моей-то жизни от этого ничего не изменится! Как я тебя до того девять лет не видела, так и потом не увижу! Жить спокойнее буду! Думаешь, поплачу на вашей могилке?! Да даже не чихну! И не смей отводить глаза! Знаю я, о чем ты думаешь! Ори сколько хочешь, только помоги мне! Ну смотри! Моя помощь – то еще благодеяние! Кстати, я уже немного остыла, и меня очень заинтересовал один вопрос. А именно – как ты меня нашел и почему явился именно сюда?!

– А я больше никого найти не смог, – признался братец.

– Не поняла.

– Ну так! Ты в справочной зарегистрировалась, так я тебя и нашел! Вы же переехали со старой квартиры!

– А, ну да, конечно!

Я вспомнила, как лет шесть назад мы поменяли кварти-

ру в старой хрущевке на другую – в одном из старых, еще сталинской постройки домов. Квартира была большая, пятикомнатная, а в парадной сидел охранник, что позволяло обходиться без пивных бутылок и бомжей на площадках. Нового адреса дед в справочники не давал и позаботился, чтобы кто попало его телефон не получил. Я таких мер предосторожности не приняла, за что и поплатилась. И тут же порадовалась, что так поступила. Хуже было бы, если эта тварь заявила бы к деду. Маме было бы очень больно. А так – чего она не знает, то ей не повредит. И пусть лучше не узнает и дальше. Я приняла решение.

– Сейчас я позвоню своей подруге. Она тоже дама с мехом, так что пусть придет и решит, что с вами делать. Я не слишком хорошо разбираюсь в оборотневских проблемах. Надя же в этой области специалист. Кстати, что с твоей подругой? Она больна?

– Клара была сильно ранена. Большая кровопотеря. Она быстро восстанавливалась, но...

– Понятно. Пади – она и есть пади, – проворчала я. И потянулась к телефону. Как хорошо, что у Нади есть мобильник! Теперь ее всегда можно найти! В любое время!

– Да?

– Алло, Надюш, это я.

– Юлька? Передумала, что ли?! Идешь с нами в «Три шестерки»?

– Нет. Надя, ты не могла бы приехать ко мне? Чем скорее,

тем лучше.

Надя ненадолго задумалась.

– Это ужасно срочно?

Я посмотрела на братца с Кларой.

– Да я бы не сказала, что очень. Это нужно сделать сегодня, но не обязательно сейчас.

– Что-то серьезное?

– Не по телефону, – попросила я.

– Но не смертельно?

Я ответила со всей возможной честностью.

– Надеюсь, что для меня – нет.

– Сейчас у нас сколько натикало? – Надя перешла от слов к делу.

– Около полудня.

– О! Отлично! В пять у меня смена заканчивается, полшестого подрулю к тебе! Идет?

– Идет, – согласилась я.

– Договорились! Чао?

– А домани!

Я щелкнула кнопкой и посмотрела на братца.

– Отлично. В полшестого приедет моя подруга. Она оборотень и сможет о вас позаботиться. Или хотя бы решить, что с вами делать. До этого времени будете вести себя как мышки под метлой – тихо и незаметно. Можете пошуршать на кухне, все, что найдете в холодильнике, – ваше. Из квартиры не выходить, никому не звонить и не писать, компом

не пользоваться. Ясно?

Братик хмуро кивнул. Я довольно улыбнулась.

– Вот и хорошо. И учтите: одно нарушение правил безопасности – и вас ни один черт не спасет. Сама лично сдам обоих вампирам, чтобы те использовали вас по своему усмотрению! От меня и в Австралии не спрячетесь. Если звонит телефон – разбудите меня. Все ясно?

– Да, госпожа, – отозвалась Клара.

Я потеряла виски. Спать хотелось до ужаса.

– А ты чем займешься? – спросил Славка. – И почему Клара так к тебе обращается?

– Я буду спать. А разъяснения получишь у своей пади, – ответила я. И пошлепала в спальню.

Сон сморил меня, как только голова коснулась подушки.

Глава 2

Вот иголки и булавки выползают из-под лавки

Я проснулась очень рано. В четыре часа. Но чувствовала себя бодрой и свежей. Привыкла уже спать по минимуму. А, ладно, так все равно лучше. Еще с полчаса я валялась на кровати и с удовольствием разглядывала свою спальню. Мне вообще очень нравилась моя квартира. А спальня была пределом моих мечтаний. Половину комнаты занимала роскошная кровать с ортопедическим матрасом и кучей подушек. Когда я не спала, я застилала ее темно-зеленым покрывалом, а подушечки были в виде ягод земляники, малины и черники. На полу лежал толстенный темно-зеленый ковер. Стены были оклеены нежно-зелеными обоями в серебристых, почти незаметных разводах. Впрочем, одну стену от пола до потолка занимал здоровенный шкаф-купе с зеркальными дверцами. А противоположную – фотообои с изображением деревьев и кустарника. Мягкая, ненавязчивая, прозрачно-зеленая лесная поляна, пронизанная солнцем. Она отражалась в створках шкафа, и мне часто казалось, что я сейчас где-то в лесу, на этой поляне.

Сейчас в зеркале отражалась еще и я, растрепанная и полусонная. В шкаф я обычно складывала всю свою одежду.

Еще в этой комнате были тумбочка рядом с кроватью, телевизор и лампа с зеленым абажуром, дающая мягкий приятный свет. Тяжелые шторы закрывали окна, но солнечные лучики пробивались сквозь них, и я чувствовала себя как в летнем лесу. Все вокруг зеленое, уютное, теплое и спокойное.

Старенький чебурашка сиротливо выглядывал из-под одеяла. Я потянулась за ним и прижала к себе игрушку. Как хорошо, Высшие Силы! Если бы только я могла остановить это мгновение! Лет так на триста, на четыреста!

Не могла. И пришлось встать, накидывать халат и тащиться в душ. Я довольно быстро привела себя в порядок и даже сменила халат на домашнюю одежду – майку леопардовой расцветки под горло и такие же брюки на резинке. Все из дешевенького ситца, но, по-моему, в самый раз. Никогда не понимала тех женщин, которые дома бродят распустехами! В этом отношении мне ближе мусульманки. Они считают, что дома, для мужа, женщина должна одеваться как можно лучше, а на улице прятать себя. Я, конечно, прятать себя не стану, но даже дома слежу за собой.

Вот так, теперь браслеты и серьги – и достаточно. Из зеркала на меня смотрела бледная и не слишком симпатичная девица. Резко выступали скулы, алели губы, лихорадочно блестели глаза. Прошедшее время не пошло мне на пользу.

Я отправилась на кухню. Заглянула в холодильник – и присвистнула. Кто-то сварил бульон, пожарил котлеты и да-

же сделал кучу маленьких симпатичных бутербродов. Интересно кто – братик или его подружка? Я налила себе стакан воды и сунула его в морозилку. Так, на завтрак у меня будет чашка бульона, котлета и пара бутербродов.

На кухню кто-то вошел. Я даже не обернулась. Братик. Пади так топать не будет.

– Да?

– Юля, я ведь так и не спросил, как ты живешь.

Голос брата был чуточку виноватым. Я пожала плечами, не испытывая желания исповедаться.

– Так вот и живу. Днем сплю, по ночам кошмарами мучаюсь, утром хожу в институт, шрамы прячу, в душу никому не лезу, но и к себе лезть не позволю!

В переводе на русский язык это означало «отвали по-хорошему». До братца не дошло.

– Лёва, я серьезно. Что с тобой произошло? Ты же была таким милым и добрым ребенком!

Я нехорошо рассмеялась. Ага, была! И даже оставалась таким до февраля этого года. А потом милая и добрая девочка повстречалась на свою голову с вампирами!

– Ты бы еще через двадцать лет спросил!

– Лёва, я серьезно!

– Я тоже. И не называй меня так! Ясно?

– Как скажешь. А все-таки? Как получилось, что ты познакомилась с оборотнями? Я же знаю, обычно они скрываются от людей!

– В моем случае было по-другому. Скорее я от них скрывалась, чем они от меня.

– Юля, я серьезно!

Славка смотрел так трагично, что, ей-ей, ситуация напоминала мексиканские сериалы. С поправкой на колорит родных осин. Ну не получается у меня воспринимать такое без смеха.

– А если ты серьезно, то объясни, почему я должна с тобой откровенничать?

– Я все-таки твой брат.

Ор-ригинальное у паренька чувство юмора. А я теперь должна ему кинуться на шею с воплем «Братик! Да где ж ты пропадал-то?!». Ага, счаз-з-з-з.

– Неубедительно. Ты бы еще позже об этом вспомнил.

– И хочу знать, чего можно от тебя ожидать!

– А я не скажу, – насмешливо отозвалась я.

– Клара сказала, что ты не оборотень, но у тебя есть какая-то *сила*. И очень большая. Она сказала, что ты могла бы убить ее, – ломился в запертую дверь братик. Но давать ему ключ я не собиралась.

– Да. И что?

– И ты так спокойно об этом говоришь?!

– А ты рвешь на себе волосы, прикончив двух оборотней? Волосы брат не рвал. Жалко было прическу, наверное.

– Юля, а как получилось, что тебя укусил вампир?

– Так вот и получилось. Шли, шли, а потом встретились.

Он меня за руку, а я его по зубам – и познакомились.

Братец еще немного посопел за спиной. Правды он от меня не добьется, это Слава уже понял, но хоть что-то ему узнать хотелось.

– Юля, а ты теперь рисуешь?

– Да.

– Забавно. А я и не помню, чтобы ты когда-нибудь даже пробовала рисовать. Ты в художественную школу ходила?

– Нет.

– Серьезно?! И такой талант?! Юля, ты себя не ценишь! Ты могла бы бешеные бабки заколачивать!

Я покривилась.

– Славка, если ты не можешь заткнуться, то иди в комнату и поговори со своей пади. Мне с тобой даже разговаривать неохота.

– Почему ты не называешь Клару по имени? А только «пади»? Это же унижительно для нее!

Какое праведное негодование в голосе. Но не я начала первой!

– Унижительно? Но она *действительно* пади! Что тут может быть оскорбительного? Она бросила мне вызов. Я еще раз показала ей ее место. Не более того.

Я залпом выпила стакан ледяной воды и принялась за бутерброды, запивая их бульоном. Вкусно.

– Это ты готовил?

– Я. А что?

– Да ничего. Просто спросила.

Славка сидел напротив меня, ужасно несчастный и тоскливый. Наверное, на женщин это действует сногшибательно! Такой супермен – и такой лапушка. Милый и беззащитный. Готовить умеет. Редкостное сочетание. Так и хочется погладить его по головке, взять на руки, поцеловать... Хотя меня это особо не тронуло.

– Ты побрился? Выглядишь лучше. И пахнет от тебя лучше.

– Мы два дня добирались автостопом.

– Да?

Это меня порадовало. Выследить в нашей веселой стране кого-то, кто передвигается автостопом? Да легче кошку поймать в темной комнате. Хотя... Я же не знаю, как там, у вампиров или оборотней... Может вожак стаи чувствовать своего подчиненного в другом городе или нет? А, черт их разберет! Не стану я над этим голову ломать! Пусть Надя мучается!

Дз-з-з-з-з!

О! А вот и подруга! Легка на помине!

Я отлепилась от стула и направилась в коридор.

Надя влетела в квартиру как вихрь, обдав прихожую запахом каких-то цветочных духов, и прицельно расцеловала меня в обе щеки. Выглядела она просто очаровательно. Обращение пошло ей на пользу. Кожа стала более здоровой, глаза – ярче, волосы – гуще, а движения – четче и уверен-

ней. Одежда в данный момент не отличалась изяществом – джинсы и свитер (жутко дорогой фирмы, подчеркивающие и скрывающие все, что нужно), – но теперь в подруге появилось и нечто новое. Уверенность в своей красоте и силе. И это притягивало взгляды гораздо сильнее яркой внешности. Иногда я задавалась вопросом: какой бы нарисовал ее Даниэль сейчас? И даже знала ответ. Но рисовать пока не спешила. Рано.

– Юлька! Как дела? Жива? Цела?

Я остервенело стирала (сдирала?) с физиономии губную помаду.

– Жива, как видишь. Надя, у меня тут такая проблема! Ладно, пошли в гостиную!

– Здравствуйте, – Славка выбрал именно этот момент, чтобы выйти на сцену.

Надя воззрилась на него, как на привидение.

– Это и есть твоя проблема?

– Пятьдесят ее процентов. Знакомьтесь, это мой брат Славка, это Надежда.

– Надя, – представилась подруга. И подозрительно посмотрела на брата. – Юль, а почему ты никогда не говорила, что у тебя брат есть?

– А у меня его и нет, – пожала я плечами. – Только что биологически. Видишь ли, девять лет назад мы с братом застали моих маму и деда в компрометирующей ситуации.

– В постели застали, – вставил Славка.

Надя смерила его внимательным взглядом с головы до ног, как вещь, выставленную на продажу.

– Хрюкать будешь, когда тебе рот разрешат открыть, ясно?

– Что вы... – закипятился было Славка, но Надя не дала ему продолжить.

– Твоя версия меня не интересует. Въехал? Засохни, плесень! Юль, я так поняла, что твой дед – он тебе со стороны отца?

– Ну да. Мама ему со всех сторон чужая. А моего деда ты и сама видела.

– Еще бы. Эх, будь я чуть постарше, я бы точно не удержалась...

– Мама тоже не смогла устоять. Отец в то время уже год как умер, бабушка – еще раньше...

– Нет, ну если общей крови нет, инцеста, соответственно, не случилось, то люди взрослые, сами бы разобрались. Не на центральной городской площади ведь дело было?

– Вот именно. Но братец психанул, стащил у деда деньги, удрал из дома и не показывался в родные края девять с лишним лет, пока жареный петух не клюнул.

– Что, и не писал, и не звонил?

– Вообще ничего.

Надя еще раз взглянула на Славку и покривилась.

– Отстой. Юля, как *твоим* братом может быть такой урод?

– Ну, ты же сама знаешь, в семье не без уroda, – пожала

я плечами. – И потом, я в деда пошла, а Славка – копия маминой матери.

– Слабое объяснение, но для начала сойдет. Дальше что?

– А вот сегодня заявляется ко мне это существо и просит, чтобы я дала им денег на билет до Австралии.

Славка закрыл лицо рукой. Кажется, он решил, что попал в театр абсурда. Что ж, пусть привыкает.

Надя от души захохотала.

– Это что, шутка такая? И кому это – им? Мы, Николай Второй, едим бутерброды с икрой?

– Им – это ему и еще одной девице. Ее ты увидишь в гостиной. Если мы наконец выберемся из коридора.

Надя послушно прошлепала в гостиную. И, конечно, первой на глаза ей попала Клара, свернувшаяся клубком на диване. Подруга принялась к воздуху в комнате, потом пристально посмотрела на Клару – и скривила губы.

– Это и есть вторые пятьдесят процентов? Юль, ты что, ничего получше найти не могла?

Я глубоко вздохнула и шлепнулась в кресло перед компьютером. Разговор обещал быть очень тяжелым. Как грузовик. Или даже два грузовика.

– Надя, это не я, а они меня нашли. Дело было так. Прихожу я с пляжа...

Я рассказывала, Клара и Славка жались друг к другу, Надя мрачнела с каждым словом. Потом подруга встала и начала мерить шагами комнату.

– Юля, я хотела бы сказать тебе, что все будет хорошо, но это немножечко не так.

– А как? – вмешался Славка.

– Хреново. Понятно, что денег ты им дать можешь хоть на билет до Луны, не суть важно. Только это их не спасет.

– Почему вы так думаете?

– А тебе что-то не ясно? – удивилась подруга. – Вы двое сбежали, вы убили двоих членов стаи... или их было больше?

– Нет. Только двое, – поспешила ответить Клара.

– Ну, тоже не суть важно. За убийство члена стаи полагается либо казнь, либо инициация, смотря что для человека болезненнее. Но вас-то прибьют сразу. Кстати, такой актуальный вопрос. У вас в городе есть Князь?

– Есть, – отозвалась Клара.

– И его подвластный зверь?

– Лиса.

– Значит, еще и вампирские разборки. Хреново вдвойне.

– Надя, прочти мне лекцию по меджустайной политике, – попросила я. – Плиз-з-з.

– Мне казалось, ты и так разбираешься...

– Тебе это только казалось. Каюсь, я даже с Валентином на эту тему старалась не говорить. От вампиров тошнило.

– Бывает.

– Я бы не попросила, но сейчас нет выбора.

– А Вальку ты расспросить не хочешь? Он бы получше

объяснил...

– А ты моя подруга. Жалко тебе, что ли?

– Ты еще чего поглупее скажи. Внутривидную политику тебе читать?

– Нет. Это-то я знаю.

Об этом Валентин мне много рассказывал. То есть советовался. Ну а у меня выбора не было. Друзья? Друзья! Значит, надо выслушать и постараться помочь хотя бы этим.

– А что нужно для перехода из одной стаи в другую – это ты знаешь?

– Знаю. Четыре согласования. Минимум.

– Хоть одно было получено?

– Нет. Они сбежали и убили двоих оборотней, посланных за ними.

Надя закатила глаза.

– Хуже не придумаешь. Эта дура виновна в гибели двух членов своей стаи. Ранг ее – ниже низкого. Своим побегом и убийством она нанесла удар по авторитету вожака стаи и местного Князя. Теперь они оба обязаны найти виновных и наказать. Не со злости, а просто чтобы поддержать свой авторитет. И если оборотни могли бы еще потерять беглецов, то у вампиров есть такое понятие, как Совет. Через Совет вампиров их найдут в течение трех минут. Ну ладно, не трех и не минут, но довольно быстро. Что с ними будет, я даже думать не хочу. Даже если твой брат и эта девица сменят имя и внешность, запах они поменять не смогут. И их найдут. Да,

скорее поздно, чем рано, но это «поздно» измеряется месяцами, а не годами. Им и года-то не проскитаться. Что бы они ни сделали. Хоть наизнанку вывернутся – не поможет.

– Это несправедливо! – возмутилась я. – Я так поняла, что местный вожак не отпустил бы ее?

– Он не отпускал меня, – тихо произнесла Клара. – Я ему нравилась.

– Да, но он был в своем праве, – отозвалась Надя.

– Тогда получается, что у них не было выхода? – спросила я. – Он не отпускал ее, она не могла перейти в другую стаю? Все так безнадежно?

– Я бы не сказала, – пожала плечами Надя. – Все так безнадежно именно сейчас. Именно потому, что эта пади не может соображать, как нормальный волк. Она могла бы просить все стаи подряд дать ей защиту. Или кого-нибудь в своей стае уговорить. Рано или поздно нашелся бы какой-нибудь дурак, который помог бы ей. Одного я даже знаю.

– Валентин?

– Хотя бы. Это было бы в его стиле. Нет, я не возражаю против наших нововведений, они мне даже нравятся, но наживать себе дополнительных врагов из-за лишнего добродушия? Глупо!

– Глупо, – согласилась я. – А теперь это невозможно? Принять ее к вам?

Надя закатила глаза.

– Юля, если ты его попросишь, он может и согласиться.

Но ты этого не сделаешь.

– Почему?! – возмутился Славка. – Если это единственный шанс для нас с Кларой?! Юля – моя сестра...

Надя пригвоздила его насмешливым взглядом.

– Не рано ли ты об этом вспомнил? Через девять лет полнейшей неизвестности ты являешься к сестре, которая, кстати говоря, младше тебя, и просишь о помощи?! Твое счастье, что Юля добрая; я бы тебя в унитаз спустила без разговоров!

– Стоило бы, – вздохнула я. – Но Надя права. Я действительно не смогу поговорить о вас с Валентином.

– Юля! – в голосе брата было столько надежды.

– Слушай, если я попрошу Валентина о помощи и о защите для вас, я втяну его в чужие разборки, – принялась объяснять я. – Ради кого и чего я должна это делать? Валентин – хороший человек и хороший лис, но во-первых, он мой друг, а во-вторых, он просто не выстоит против оборотней и вампиров.

– С другой стороны... – медленно произнесла Надя.

– Что? – дернулся в ее сторону Славка.

– Юля, если бы Мечислав помог тебе...

– Надя, ты понимаешь, о чем говоришь?! – взвилась я.

– Отлично понимаю. Он тебе кое-чем обязан. Борис, Вадим, да и его собственная жизнь, то есть смерть. Ты просто за уши вытащила всех троих из дерьма.

– Кто такой Мечислав? – спросил Славка.

– Не твое свинячье дело! – рыкнула я.

– Князь города, – улыбнулась Надя.

– Юля, ты знакома с Князем города?! – голубые глаза братца полезли из орбит.

– Знакома, – огрызнулась я. – И что?!

– И он тебе кое-что должен, – хитро улыбнулась Надя.

– Это еще ничего не значит! – отбивалась я.

– Юля, – теперь Надя говорила грустно и даже устало. – Ты не сможешь вечно прятаться от него.

– Не твое дело!

– Мое. И ты это отлично знаешь. Ты моя подруга, и я тебе кое-чем обязана. Но мы не сможем разгрести эту ситуацию с твоим братцем самостоятельно. Сил не хватит. Более того, если попробуем это сделать, мы можем развязать войну, в которой погибнут многие наши друзья. Тебе это нужно? Нет? Вот и мне тоже! Мы с тобой новички, а Мечислав варится в этом котле семьсот лет! Для него это все знакомо вдоль и поперек! Более того, Мечислав, конечно, сволочь, но он умен. Если он не сможет вытащить твоего братца из этой передраги, то не сможет никто.

– Я не могу! – стоном вырвалось у меня.

– Юля! Твое «не могу» живет на улице Не хочу!

Я уставилась в окно, пытаюсь собраться с силами. Не вышло. Мою медитацию нарушил братец.

– Юля...

– Сто лет как Юля! И не смотри на меня так, – набросилась я на родственника. – Тебе легко говорить, ты не знаешь,

о чем меня просишь! Если я дам Мечиславу краешек ногтя, он через месяц руку по плечо заграбастает! Надя сказала, что он сволочь?! Редкостное преуменьшение! Этот вампир гораздо хуже! Я с таким трудом избавилась от его внимания...

– Неужели? – Надя определенно издевалась надо мной.

– Довольно!

– Между прочим, вы очень похожи, – протянула подруга. – Что-то в вас есть такое неуловимое, даже не знаю, как это объяснить... У тебя глаза бывают совсем как у него. Не цвет, а выражение. Даниэль был прав со всех сторон, когда рисовал тебя.

Ее взгляд сместился к портрету на стене. Моему портрету. Я – и мой зверь-в-зеркале. Женщина с портрета смотрела на меня со странным выражением. Вопросительным? Ехидным? Не знаю. Но на портрете я была совсем другой. Даниэль сказал, что однажды я стану такой. Кажется, он не хотел этого. Я тоже не хотела. Меня все устраивало и в старой шкурке лягушки. А что, уютно, удобно, компактно, никакие царевичи с поцелуями не лезут... Зато вампиры лезут. И все чаще из моих глаз на этот мир смотрит зверь-из-зеркала.

– Я уже становлюсь такой?

– Иногда. Очень редко, но бывает. Юля, ты должна поговорить с Мечиславом.

– Я не хочу! – от всей души взвыла я. – Не смогу! Не буду! Не стану!

– Ты себе потом не простишь. Ты не я. Это я бы плюнула

и забыла, а ты так не сможешь! У тебя сильное чувство ответственности. Эта тварь – твой брат. Даже невзирая на его предательство, ты знаешь, что это *твоя родная кровь*! Когда его убьют, тебе станет еще хуже. А его обязательно убьют, если ты не поговоришь с Князем.

– И после этого его убивать постесняются? – Яда в моем голосе хватило бы на клубок гадюк.

Надя предпочла ничего не заметить.

– Вряд ли. Но вдвоем вы сможете что-то придумать.

– Скажи честно: мы сможем принять то, что предложит вампир.

Надю мне смутить не удалось.

– Я рада, что у тебя нет склонности к самообману.

Я схватилась за голову. Да что же это такое?! Она что, решила меня с ума свести?!

– Надя, он виновен в смерти Даниэля. Ты думаешь, что я смогу посмотреть ему в глаза и не вспоминать об этом?

И тут подруга взорвалась. Железные пальцы поймали меня за воротник майки, Надя притянула меня к своему лицу. Если бы захотела, я могла бы укусить ее за нос – настолько близко мы оказались.

– Ах, я не могу! Ах, он виновен в смерти Даниэля! Ах да ох! Юлька, я тебя не узнаю! Что с тобой происходит?! Я молчала все это время, надеясь, что ты придешь в норму! Я не мешала тебе прятаться в этой дыре от мира! Я ничему не мешала, просто старалась тебя расшевелить! Это не действует!

Ну и черт с ним! Но сейчас, богом клянусь, ты выслушаешь о себе всю правду! Ты просто маленькая дрянная эгоистка! И ведешь себя соответственно! Забилась в угол, размазываешь по морде сопли и ноешь. И отлично знаешь, что это никому и ничему не поможет! Ты отказываешься выходить на улицу не из страха перед Мечиславом! Ты боишься сама себя! Боишься, что захочешь с ним переспать! И более того, ты боишься даже признать, что хочешь этого! Ты хочешь этого проклятого вампира, как... как я – свежего мяса! А еще ты создала себе этакую икону из Даниэля! Бедный вампир в гробу бы перевернулся, узнав, какой нимб ты на него приляпала! В жизни-то он был гораздо хуже! И Печать на тебе поставил не из добродушия! Не бывает такого качества у трехсотлетних вампиров! Он тоже хотел тебя использовать! И не его вина, что он умер раньше, чем успел это сделать! Его вина только в том, что ты не успела хорошо изучить его и послать к черту! А это наверняка случилось бы! И очень скоро! А сейчас ты винишь себя не столько из-за своей любви, которой толком и не было, сколько из-за того, что боишься выпустить себя на свободу!

– Да что ты несешь?! – взорвалась я. – Какую свободу?!

– А вот такую! Ту, которая тебе и нужна! Хочешь ты того или нет, но ты обладаешь *силой* и должна ее использовать! Или она разрушит тебя! И ты хочешь ее использовать! Хочешь, но боишься выйти из образа милой страдающей девочки, в который завернулась по самые уши! Ты боишься са-

мой себя! Дай себе наконец волю, Юля! Или просто пойд и бросься с высокого дома! Это будет гораздо быстрее и безболезненнее! Для всех нас!

– Если захочу – пойду! И вы мне не мешаете!

– А вот и не пойдешь! Ты для этого слишком живая!

– А ты хочешь загнать меня в могилу к живым трупам!

Меня всю трясло, пальцы сводило судорогой. Никогда не думала, что моя подруга вот так... да за что?!

– Живые трупы – это зомби! А что до Мечислава – тебя могила волнует или то, чем вы будете в ней заниматься?!

– А это не твое лисье дело!

– Я живу в этом городе, и это *мое дело*! Иначе нас всех закопают под обломками твоих разбитых мечтаний! Я жить хочу! Жить, а не пресмыкаться абы перед кем! Мечислав хоть и сволочь, но не полная мразь! И он не подлый. Он не будет вытирать об тебя ноги для собственного удовольствия! Только если это нужно для дела! Он обеспечивает безопасность тех, кто ему служит, и он порядочный вампир!

– Ха-ха!

– Да, как бы это ни звучало! И ты знаешь, что он не виноват в смерти Даниэля. Никто не виноват, кроме Елизаветы и Рамиреса. И твоей дуры-подружки! Никто! Но тебе страшно это признать! И боишься ты не Мечислава, а того, что при ближайшем рассмотрении найдешь его привлекательным! И не сможешь устоять! Но ты же боишься! Не его! Себя! Своих чувств! Своих мыслей! *Себя*! И сама себя разрушаешь, толь-

ко бы не смотреть правде в глаза! Даже Даниэль рисовал тебя двойственной. Человек? Да! Чудовище? Да! И что?! Что это меняет?! Если он видел тебя такой – и все равно любил?! Думаешь, ему было бы приятно наблюдать, как ты загоняешь в могилу и себя, и его друзей?! Да будь он здесь и сейчас, первый бы отправил тебя на переговоры! Более того, к этому времени ты бы давно уже относилась к Мечиславу как к старому другу! Я ведь тебя знаю! Но ты боишься! Тебе причинили боль, и ты упала на колени! И не можешь подняться! Не хочешь! Боишься еще одного удара?! Но чаще бьют сдавшихся!

Надя замолчала и зло посмотрела на меня. Я опустила глаза. Обидно сознавать это, но она права. Может, и не во всем, но во многом точно. Я действительно боюсь самой себя. Тогда, в феврале, я убивала и пытала людей. Это было ужасно. А еще ужаснее было то, что меня это даже не волновало. И кошмары мне по ночам начали сниться, только когда все закончилось. Я боялась того, во что могу превратиться, и неосознанно выбирала самый простой способ самоубийства. Неужели это так?

К сожалению, да. Можно было бы и дальше орать и спорить, но почему-то я не могла как следует разозлиться. И орать больше не могла. Слов не находилось. Увы.

И сейчас я отправлюсь на встречу с вампиром. Хватит прятаться в тени. Жизнь больше не позволит мне этого делать. Славка и Клавка сдвинули лавину. И меня уносит вниз,

в обычную – или не совсем обычную – жизнь, из той пещеры, в которую я себя загнала. И так надо. Все правильно. Пора выйти на сцену, или меня вытащат туда за волосы. Лучше уж выбирать момент и декорации самостоятельно. Только вот...

– Надя, если ты еще раз скажешь хотя бы одно плохое слово о Даниэле, мы поссоримся. И серьезно.

Подруга глубоко вздохнула.

– Прости, Юль. Я признаю, что была жестокой. Если хочешь, ударь меня. Или поссорься, наговори гадостей – я приму что угодно. Но пойми: у меня нет выбора. Хватит прятаться от самой себя! Пора проснуться!

– Пора, – согласилась я.

Подруга смотрела на меня, словно не верила.

– И ты позвонишь вампиру?

– Позвоню.

– Когда?

– Прямо сейчас. При тебе, чтобы точно не передумать.

Надя взвыла от восторга и бросилась мне на шею, от души сжимая в железных объятиях.

– Задушишь, ненормальная!

Я стряхнула руки подруги и взяла трубку телефона. Набрала намертво врезавшийся в память номер.

Мягкий, словно бархатный голос волной окатил все мое тело. Колени как-то неожиданно ослабели, и я рухнула в кресло. Этот голос я узнала бы из тысячи тысяч. И он всегда действовал именно так.

Мечислав. Только он один умел соблазнять одним своим присутствием в комнате. Он ничего не делал, только дышал, но даже этого было более чем достаточно. Во всяком случае, для меня.

– Вы позвонили в клуб «Волчья схватка». Оставьте на автоответчике свое сообщение, и мы перезвоним вам как можно скорее. Для нас будет удовольствием видеть вас в гостях.

Я вздохнула, собираясь с мыслями.

– Это Юлия Евгеньевна Леоверенская. Мечислав, я прошу вас перезвонить мне как можно скорее. – И не удержалась от дозы яда: – Телефон не оставляю, наверняка вы и сами его знаете.

Я повесила трубку и потеряла руки, неожиданно покрывшиеся мурашками. Даже сейчас, после всех месяцев разлуки, даже по телефону, голос вампира действовал на меня... возбуждающе. Что же будет, когда мы встретимся лицом к лицу? Не знаю. И я вовсе не уверена, что хочу узнать. А придется. Теперь уже поздно отречься. Хотя я многое бы отдала, чтобы вернуться во вчерашний день и поехать куда-нибудь на Аляску. Или еще куда подальше. Только теперь уже не выйдет.

Надя сочувственно и немного виновато смотрела на меня.

– Юль, хочешь, я останусь с тобой? Поедем вместе?

– Перебьюсь.

Я мрачно смотрела на небо. Солнце еще не зашло, но Мечислав – Князь города. Ему многие законы не писаны. Он

может передвигаться днем и даже гулять по миру под солнцем. Хотя нет, вру, не под солнцем. На тот момент оно было закрыто тучами.

А какая, к чертям, разница?!

* * *

Мы сидели вместе в гостиной. Я, Славка, Клара, мысленно переименованная мной в Клавку. Надя ушла вскоре после моего звонка. Я втайне подозревала, что за свой совет она получит от вампира если и не комиссионные, то устную благодарность, но озвучивать эту догадку не спешила. Что толку? Поссоримся с подругой – вот и вся прибыль. Славка и Клавка молчали. Я мрачно раскладывала пасьянс. Косынка не сходилась в семнадцатый раз, и я нервничала. Телефонный звонок не прибавил мне радости. Я мрачно посмотрела на телефон, борясь с недостойным меня желанием залезть под диван и не вылезать оттуда лет пять-шесть. А лучше все десять. Телефон продолжал надрываться. Я подняла трубку.

– Слушаю?

– Добрый вечер, Юленька.

Я задрожала всем телом. Как хорошо мне знаком этот голос: мягкий, нежный, обволакивающий, как меховое одеяло, ласкающий кожу, словно легкий летний ветер. Напрасно я надеялась, что разлука поможет мне избавиться от чар этого вампира. Всех моих сил хватило только на то, чтобы бо-

лее-менее ровным голосом произнести:

– Добрый вечер, Мечислав.

– Я очень рад снова слышать твой голос, Кудряшка. Ты позвонила мне просто так?

Ну да, в этом весь вампир. Воплощенная прагматичность под маской сексуальности.

– Не совсем. Вообще-то у меня возникли определенные проблемы.

– Вот как?

– Увы. – Я не удержалась от яда. – Если бы не мои проблемы, я бы вам еще сто лет не позвонила. До самой смерти. А так вот приходится общаться. Могу я вас увидеть?

Вампир привычно не обратил внимания на мои попытки (довольно слабенькие) сказать гадость. Я даже знала почему. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы я свое получил. А он ведь получит – и свой килограмм мяса (моего), и свой литр крови (черт, моей!), – нравится мне это или нет.

– В любое удобное для тебя время, пушистик.

– Сегодня вечером?

– Я буду рад тебя видеть у себя в клубе.

– Я не поеду в «Волчью схватку»!

Это вырвалось у меня почти криком. Но я и правда не могла! Не могла приехать туда, где каждая стена, каждый угол напоминали мне о Даниэле. Воспоминания могут изгладиться со временем, и даже наверняка это случится, но пока мне все еще больно.

– Я не пригласил бы тебя сюда, Кудряшка.

В голосе вампира было сочувствие? Мне не показалось? Невероятно! Что-то где-то сдохло, точно!

– Но куда тогда?

– Ты знаешь клуб «Три шестерки»?

– Да. Знаю.

– Приезжай туда. Скажи охраннику, что ты ко мне, и тебя проведут.

Я на минуту замешкалась, и вампир тут же уловил мою неуверенность.

– Что-то не так, детка?

– Да, – призналась я. – Могу я взять с собой двоих людей? То есть человека и оборотня?

Вампир ни на секунду не замешкался с ответом.

– Ты можешь привести с собой кого угодно, зайка. Но я хотел бы знать, кто они.

– Мой брат и его девушка-оборотень.

– У тебя есть брат, Юлечка? Я не знал.

– А я не верю, что вы не знали.

Мечислав тихо рассмеялся, и даже по телефону его смех заставил меня дрожать. Он был почти осязаем. Появилось ощущение, как будто вампир провел кончиками пальцев по моей коже.

– Я полагал, что он мертв.

– Я тоже так полагала.

– Я не слышу в твоём голосе радости от возвращения до-

рогого родственника?

– И не услышите, – мрачно отозвалась я. – Разве что небо на землю упадет! Или я окончательно свихнусь.

Вампир не стал ни комментировать, ни выяснять, что я имела в виду.

– Приезжай, Кудряшка. Я буду ждать тебя.

– Я буду через полтора часа.

– Отлично. До встречи, пушистик.

– До встречи.

Я повесила трубку и закрыла лицо ладонями, приходя в себя. Этот голос все еще звучал во мне. Голос Мечислава был одним из лучших его номеров. Но если даже на голос я реагирую так – что же будет, когда я увижу его? Брошусь вампиру на шею? Но я не хочу! Я не буду! Нет!

Я посмотрела на брата и Клавку, сидящих на диване в обнимку. Они любили друг друга. Это было видно за версту. И я даже позавидовала. Я ведь тоже узнала любовь. Узнала на несколько коротких безумных дней – и потеряла, только-только успев осознать, *что* получила и *что* теряю. И от этого было еще больнее! Если бы Даниэль не умер, мы могли бы так же сидеть на диване в обнимку. Высшие Силы, как бы я хотела еще раз увидеть его светло-серые глаза! Хотя бы раз, хотя бы на секунду!

– Собирайтесь, – холодно сказала я. – Мы едем на прием к Князю города.

– Это ты с ним разговаривала? – спросил Славка.

– Да.

– Ты в таких отношениях с Князем?! – это уже Клавка.

– Не твое дело, в каких я отношениях и с кем.

Клара ничего не ответила. И я внимательнее посмотрела на нее.

– Встань, пожалуйста.

– Зачем?

– Не ехать же тебе в этом тряпье?

– Твои вещи мне не подойдут, – Клавка медленно поднялась с дивана.

Я еще ни разу не видела ее стоящей. Она оказалась почти на голову выше меня. Ну и каланча. Я кивнула.

– Ладно, поедете так. А я пошла одеваться.

Я выбрала из шкафа летний брючный костюм. Симпатичная вещица песочного цвета. Брюки-клеш, топ, открывающий спину, но плотно облегающий грудь и закрывающий шрам под ключицей, легкий летний пиджак с короткими рукавами. Чем больше будет на мне одежды, тем лучше. На руки – браслеты из золотистого бисера. Такие же серьги. Сумочка и босоножки на высоких каблуках. Косметикой я принципиально не пользуюсь, даже глаза и губы не подкрашиваю. Осталось только пригладить волосы – и я готова к встрече с самым страшным вампиром города. Красавица. Просто картинка. Принцесса! Нет. Королевна! Разве с такой симпатичной девушкой может случиться что-то плохое? Да никогда! Это я так пытаюсь себя подбодрить, если кто не по-

нял. Жаль, что даже сама себе не верю.

Из дома мы вышли этакой веселой тройкой. Впереди – я, за мной, под ручку, – Славка и Клавка. Еще дома я вызвала такси, в которое и запихала влюбленных идиотов. И плюхнулась на переднее сиденье.

– Куда едем? – спросил шофер.

– «Три шестерки». Знаете, где это?

– Прокачу с ветерком!

Другого ответа я и не ожидала. Мечислав просто обязан был обеспечить рекламу своему заведению. И, зная вампира, я не сомневалась, что «Три шестерки» станут хитом нескольких сезонов. Интересно, а когда Надя приглашала меня в клуб, она знала, что это последняя игрушка Князя города? Должна была знать, на то она и оборотень. Тем более не пади и даже не рядовой вольп, а одна из прим. Не могла она пребывать в неведении! И все же тащила меня туда? Надо бы прояснить этот маленький вопрос. Если не забуду, обязательно поинтересуюсь.

И лучше бы ей этого не знать!

Клуб занимал целое здание. Тоже довольно старое, с колоннами и разными завитушками на фасаде. Красивое, бледно-розового цвета. Но если с ним и была связана какая-то история, я ее не знала. Да и черт с ней, с историей. Принцип все равно один – подальше от центра города, чуть ли не в частном секторе, – а если бы я спустилась в подвал, там наверняка обнаружила бы стальная дверь. И несколько уютных

комнат со всеми возможными изоляциями – чтобы никто на поверхности не догадался, что происходит внизу. На фасаде алым неонам горели три шестерки. Число зверя. Название наверняка выбрал вампир. Интересно, а почему алый цвет? Кровь? Решение дизайнера? Или просто утроенный красный фонарь, как в некоторых заведениях для серьезной публики? Ладно, потом спрошу.

Я решительно вошла внутрь. Мне ужасно хотелось удрать, но я не позволила себе задержаться даже на миг. Страх и нерешительность остались дома, я была спокойна и собрана, как перед схваткой. Хотя почему – как? Адреналин бурлил в крови.

Не успела я переступить порог, как к нам бросился какой-то тип в белой рубашке. М-да, с такими габаритами ему бы вышибалой работать. А может, он и работает. Морда гориллы, мускулатура быка, выше меня чуть ли не на две головы, улыбка зверская. От такого с воплем на улицу вылетить. Хотя мне ли бояться какого-то качка? Меня вампиры не напугали, а тут всего лишь обычный разожравшийся анаболиков мордоворот! На кармане белой рубашки у него была прикреплена пластиковая карточка с именем.

Дима.

Всего лишь имя, ничего больше. Кто он в этом клубе? И кто он вообще? Человек? Вампир? Вряд ли. Оборотень? Или гибрид? Черт их всех разберет!

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Добрый вечер, Дима, – мягко сказала я.

– Добрый вечер, – смутился Дима.

Я улыбнулась ему.

– Меня зовут Леоверенская Юлия Евгеньевна. – На лице человека было недоумение, и я нехотя добавила: – Некоторые несознательные типы называют меня Кудряшка.

Лицо орангутанга озарилось пониманием.

– Шеф приказал провести вас к нему, как только появиться. Ваши друзья могут подождать в зале.

– Сперва усадите их так, чтобы я знала, где их искать, – распорядилась я, – а потом мы с вами пойдем к вашему шефу.

Славка удивленно смотрел на меня.

– Юля, шеф – это...

Я отвесила ему пинок по ноге.

– Славик, иди в зал. Будь хорошим мальчиком, сиди и смотри стриптиз. Молча!

– Ты стала жуткой стервой, – заметил брат.

Я неприятно оскалилась.

– У меня было девять лет для тренировки.

У братца хватило совести опустить глаза.

Дима усадил брата и Клару в зале, за самый близкий к двери столик. Я кивнула.

– Отлично. Проводите меня к шефу?

– Разумеется... Кудряшка.

Я не стала спорить. Мечислав всегда останется самым со-

бой. От его подручных я другого имени не услышу. И от самого вампира тоже. Разве что мне удастся разозлить его. Когда он злился, то называл меня моим настоящим именем. Но разозленный вампир – неприятная альтернатива восьми вполне приличным буквам. В конце концов, имя – это вовсе не так серьезно. И спорю я, в общем-то, только чтобы он не считал меня своей собственностью.

Мы поднялись на третий этаж. Вообще-то я ожидала, что мы спустимся в подвал, но, видимо, на сегодня вампир запланировал другую культурную программу. Дима подошел к двери с черной табличкой «Директор», повернулся и посмотрел на меня.

– Дальше мне нельзя. Так шеф распорядился.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Дима развернулся и потопал вниз. Я подумала – и решила все-таки постучать. Зря. Я едва успела поднять руку, когда дверь распахнулась внутрь. Мечислав стоял прямо передо мной. Я резко выдохнула, забывая дышать. Даже думать в его присутствии не получалось. Прошедшее время ничуть не повлияло на него. Вампир был так же невероятно, ошеломляюще красив. Черные волосы локонами рассыпались по плечам, и мне хотелось запустить в них руки, проверить, такие ли они мягкие на ощупь, как и на вид. Пальцы невольно напряглись, и я сжала руки в кулаки, от греха подальше. Зеленые глаза сияли ярче электрических ламп в коридоре. Он был одет во все черное: черные обтягивающие брюки, бар-

хатные даже на вид, и черные высокие сапоги до середины бедра. Черная рубашка из такой прозрачной ткани, что под ней четко виднелся торс, распахнута на груди, оттеняя золотисто-медную кожу, – и мне вдруг ужасно захотелось провести по ней руками, дотронуться, распахнуть рубашку еще дальше, прильнуть всем телом... Я еще помнила, каково это – ощущать его кожу своей, скользить по его телу руками, ласкать, гладить... Высшие Силы!

– Опять вы принялись за свои штучки?!

Мой голос прозвучал так хрипло, что я даже вздрогнула.

– Слово чести, на этот раз я с тобой ничего не сделал, Кудряшка.

Кажется, вампир наслаждался моим замешательством. Он чувствовал мое желание, и ему было приятно. Я закусил губы. Что еще можно сказать? Разумеется, гадость!

– Какая жалость, что я не открыла эту дверь пинком. Не знала, что вы поджидаете меня на пороге!

– А тебе так хочется ударить меня?

Я пожала плечами.

– Вряд ли ваш расквашенный нос избавит меня от ночных кошмаров. И потом, рукопашные с вампирами?! Мне еще жить хочется!

– Ты можешь меня ударить, Юленька. Я разрешаю. И никогда не подниму на тебя руку.

Вот спасибо, утешил! Сам, может, и не поднимешь. А твои подчиненные?

– Если я попробую ударить вас, это кончится не дракой, а сексом, – отозвалась я. – Вы же отлично знаете, что даже просто видеть вас – уже искушение.

– И насколько сильное искушение, Кудряшка?

Голос вампира шелком прокатился по моей коже, и я задрожала. Я чувствовала его взгляд, как теплую руку на своем теле, и мечтала о большем. Как и раньше. Но – нельзя. Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Как и всегда.

– Что ж, я всегда знала, что меня к вам тянет. Это не ново. Мы так и будем стоять в дверях?

Вампир тихо рассмеялся, и этот смех скользнул по моей коже прохладной волной. Я почувствовала, как у меня напряглись соски, и тихо пожалела, что не надела лифчик. Но я никогда не ношу эту упряжку – не с моим неполным вторым размером, – и зря. Вампир смотрел на меня, и красиво очерченные губы его тронула легкая улыбка. Он знал, что со мной происходит. Наслаждался моим замешательством и желанием. И мне это решительно не нравилось.

– Как давно я тебя не видел, девочка моя. Очень давно.

– Полгода – это много для вампира?

– Даже день без тебя, пушистик, кажется мне вечностью. Я крепче стиснула кулаки. Ногти впились в ладони. Разумеется, вампир издевался надо мной. Таких как я – тринадцать на дюжину, если не считать метафизики. Ну и чего я злюсь? А того, что мне хочется услышать эти слова, произнесенные искренне, от всего сердца? Юля, осторожно!

– День? Вы же мертвы днем?

Мой голос все еще звучал неестественно, но внутренне я уже собралась. Мечислав смотрел прямо на меня. Медленно, очень медленно его взгляд скользнул по моему телу, задержался на набухших сосках, на бедрах... я почти физически ощущала это. Как будто по моему телу скользили ласковые руки. Мелькнула картинка: два сплетенных тела на ковре, безумный шепот неуголенной страсти, огонь играет на золотой коже, превращая ее в расплавленный металл, черный локон скользит так близко к губам... я ловлю его и целую, наслаждаюсь ароматом его тела, его волос...

И я знала: если сделаю хоть один шаг назад, если дрогну – это видение станет реальностью.

Вампир чуть отошел в сторону от двери, пропуская меня внутрь. Я на секунду замешкалась. Не хотелось оставаться с ним наедине. С другой стороны, все, что могло произойти между нами, могло произойти и на виду у всего города. В прошлый раз зрители ни ему, ни мне не помешали. Я сделала два шага внутрь. Мечислав оказался от меня так близко, что я чувствовала тепло его тела. Заемное тепло. Чужое. Сегодня он пил чью-то кровь. Но кровь наверняка отдали добровольно и даже с радостью. Это одно из преимуществ титула Князя города: ему нет нужды охотиться – сами всё предложат.

Кабинет Мечислава подчеркивал индивидуальность его хозяина. С первого взгляда он казался самым обычным – с

белыми стенами и потолком, с черной кожаной мебелью, со всем необходимым оборудованием вроде компьютера и ксерокса, – но в то же время все здесь было устроено так, чтобы подчеркнуть личность вампира. Ни один человек не смотрелся бы здесь на своем месте. А вот вампир в этом интерьере выглядел очень естественно. Черно-белое сочетание цветов, на фоне которого Мечислав смотрелся гораздо эффективнее. На стене – картина в черной раме, изображающая кроваво-алый закат, и тяжелые черные портьеры вместо обычных жалюзи, и роскошный ковер на полу, в который погрузались мои каблукы, да так, что я кожей чувствовала прикосновение меха, и ваза черного матового стекла с белыми розами. Эта ваза немедленно напомнила мне о другой.

– Это вы распорядились поставить вазу у меня в подъезде? Вампир улыбнулся, не показывая клыков.

– Разумеется, я.

– Чтобы лишний раз напоминать мне о вашем существовании?

– Чтобы иметь возможность дарить тебе цветы, Кудряшка.

Я не поверила, но продолжала спорить.

– Я отсылала их назад. Неужели не ясно, что ваши цветы мне не нужны?!

– Ты сама не знаешь, чего хочешь.

Голос очаровывал, околдовывал, завораживал. Я провела ногтями по коже, стараясь с помощью боли рассеять нава-

ждение. Главное, не оцарапаться. Даже запах крови заводит известных мне вампиров. А мне не хотелось бы оказаться рядом с возбужденным Мечиславом.

– Очень хотелось бы избавиться от вашего присутствия в моей жизни!

Лицо Мечислава было совершенно серьезно. Только глаза смеялись. Ну да, он находит меня забавной. Я для него всегда была источником развлечений.

– Это не я пришел к тебе, Юля. *У тебя* проблема, которую могу решить только я. Если я исчезну, кто сможет тебе помочь?

Плюх! Я покраснела так, что едва уши не задымились.

– Ненавижу, когда вы оказываетесь правы!

Вампир скользнул мне за спину. Он был так близко, что я ощущала его дыхание на своей коже. Поворачиваться и удирать на другой конец комнаты не было смысла. Все равно не помогло бы.

– Ты не меня ненавидишь, Кудряшка. Ты ненавидишь свое желание ко мне. Тебе не нравится, что ты не властна над своими чувствами.

Теплые пальцы скользнули у меня по шее, вампир намотал на палец непослушную прядь. Я дернулась, словно от электрического удара, и отскочила подальше.

– Не дотрагивайтесь до меня!

Мечислав присел на край стола, поиграл с бутонем розы. Я, как замороженная, смотрела на его руки.

Тонкие нервные пальцы художника и музыканта. Пальцы, умеющие и ласкать, и ранить. Я помнила их прикосновение. Слишком хорошо помнила. Мое тело предавало меня. И с Мечиславом так было всегда, ничего нового или оригинального. Но я хозяйка своего желания! Я, а не какая-то клыкастая сволочь! Я! И всем молчать и строиться!

Я сделала два глубоких вдоха, выдохнула, улыбнулась.

– Когда вы ко мне приближаетесь, я превращаюсь просто в секс-автомат. У вас так со всеми женщинами или через одну?

Мечислав наблюдал за мной с улыбкой.

– Только ты, пушистик, можешь сказать мне правду так, чтобы это было неприятно.

Я невинно захлопала ресницами.

– А вы надеялись, что я брошусь вам на шею? Да скорее солнце погаснет!

– Не стоит зарекаться, Кудряшка.

Я пожала плечами.

– Возможно. В конце концов, кто мешает вам просто изнасиловать меня? Один раз вы это уже сделали.

– Юля! Я не насирую женщин!

– Я говорю неправду? Да, между нами не было физической близости, но даже то, что было...

Я невольно задрожала от накативших воспоминаний. Физического секса у нас не было, но было нечто метафизическое. Этот секс был одним из моих ночных кошмаров. Мне

снилось все, что у нас происходило тогда, я снова и снова переживала тот оргазм, а потом... Заканчивались эти сны всегда одинаково. Моим полным подчинением вампиру. Растворением. Исчезновением личности. И это пугало меня так, что даже возбуждение проходило. Я орала и просыпалась в холодном поту. Эти кошмары...

Вампир следил за мной глазами хищного зверя.

– Это было великолепно и для тебя, и для меня, Кудряшка. Но это не было насилием. Такими вещами я не увлекаюсь.

– Чем насилие над разумом лучше насилия над телом? – спросила я побелку на потолке. – Наверное, тем, что не остается следов для экспертизы. Легко говорить, что не увлекаетесь насилием, но вы отлично знаете, что все, что было тогда, было против моей воли. Если бы я знала, что все будет именно так, я бы отказалась.

– Да неужели?

Кажется, мне удалось разозлить вампира. Голос его зазвучал холодно – словно сквозняк пронесся по комнате.

– Та близость, которая была между нами, Кудряшка, возможна только по обоюдному согласию. Если ты желаешь меня, а я желаю тебя. Ты можешь себе в этом не признаваться, можешь с утра до ночи отрицать очевидное, но это так.

Я опустила глаза. Да, я действительно этого хотела. Но никогда не допустила бы. Тут было небольшое логическое противоречие. И я воспользовалась им, чтобы сказать очередную гадость.

– Да, телом я хотела вас. Но разумом – Даниэля! Секс из похоти гораздо меньше секса из любви. Это я знаю точно, и знаю на своем опыте. Поэтому вы правы. Не стоит обвинять вас в изнасиловании. Не стоит вообще придавать значение этому мелкому эпизоду моей биографии.

И что самое приятное – это чистая правда. Вампирам нельзя соврать? Во всяком случае, некоторым. Но я и не лгу! Я просто недоговариваю. Я действительно пыталась целоваться с одним мальчиком в институте. И ничего не почувствовала. Ничего из того, что чувствовала с Даниэлем. И даже с Мечиславом. Хотя он не считается. Секс из похоти действительно меньше секса из любви. Но в том-то и дело, что я не знаю, какой секс был у нас двоих. Простое желание не дало бы такой близости тел – и душ. Хотя фиг я в этом признаюсь!

– Ты просто маленькая нахалка, Кудряшка.

Теперь в его голосе слышались теплые нотки. Он сидел на столе, такой невероятно красивый, такой сексуальный, притягивающий меня, словно магнитом, – и такой опасный. Мне ужасно хотелось подойти к нему, прижаться всем телом, поцеловать, но в то же время я знала: если я это сделаю, навсегда потеряю контроль над собой. Пока у моего тела, у моей души и у моего разума есть только одна хозяйка. И это я. Но стоит пустить Князя города к себе в постель, как через неделю он окажется глубоко в моей душе – и я не смогу сопротивляться ему. Да и не захочу. Я пока еще слаба.

Даниэль, любимый, ты нарисовал меня совсем другой, но я еще далеко не такая. Совсем не такая. И поэтому не могу подпустить к себе Мечислава. Да, у нас может быть восхитительный секс, но для меня этого всегда было мало! Это ведь далеко не все в жизни. Вот с Даниэлем у меня могли быть и закаты, и восходы. А с Мечиславом – нет. Скорее я представила бы себе жизнь с ягуаром. Или с его подвластными тиграми. Я посмотрела прямо в глаза вампиру.

– Я единственная, кто говорит вам правду?

– Ты единственная среди окружающих меня женщин, кто так сопротивляется своему желанию.

Я искренне рассмеялась.

– А со всеми остальными вы уже успели переспать?

Мечислав даже не подумал отпираться.

– Секс мне необходим. Это часть моих вампирских сил, если пожелаешь. Когда-нибудь я объясню подробнее и на конкретном примере. А тебя это расстраивает, Кудряшка?

– С чего бы? – я старалась выглядеть как можно более равнодушной. Интересно, что он имел в виду под примером? Надеюсь, не меня? – Я не имею на вас никаких прав, поэтому мне безразлично, с кем вы проводите время. Хоть с тремя динозаврами на виду у всего города – наплевать!

По лицу вампира скользила нежная рассеянная полуулыбка.

– Ты так нахально врешь, любовь моя, глядя мне прямо в глаза.

– Не ваша и не любовь!

– Хорошо, детка. Но ты говоришь неправду.

Я пожалала плечами.

– Ну разве что немного. Но! – Я довольно оскалилась. – Если вы считаете, что поведение мартовского кота поможет вам затащить меня в постель, вы жестоко ошибаетесь!

Вампир соскользнул со стола и подошел ко мне. Он стоял так близко, что, если бы я вздохнула полной грудью, мои соски коснулись бы его рубашки. Отступить я не стала. Это признак слабости.

– Это необходимость, Юля. Всего лишь *poblesse oblige*. Если бы ты пришла в мою жизнь и постель, я дарил бы свою любовь только тебе.

Развивать опасную тему дальше я не решилась. Хотя язык чесался сказать, что в таком случае один из нас так и остался бы навсегда в постели. С осиновым колом в заднице. Но нарываться еще больше не стоило. И я перешла к самому важному.

– Сегодня я чуть не выпустила свою *силу* из-под контроля.

Лицо вампира мгновенно стало серьезным. Он отстранился от меня и отошел к столу. Я глубоко вздохнула. Слава богу! Если честно – еще пара минут такой близости, и я бы не выдержала. А секс с Князем города мне ни к чему. И так проблем хватает!

Зеленые глаза вампира смотрели прямо на меня. И теперь в них не было приглашения к сексу.

– Расскажи мне все, что произошло сегодня, Кудряшка. Я чувствовал твою *силу* даже во сне. И если бы ты не позвонила, я пришел бы сам.

– Я не пригласила бы вас домой.

– Но и не оставила бы стоять под дверью. Ты можешь мне не выкать?

– Не могу. Вы старше меня на черт знает сколько лет.

– А если попытаться? Мне было всего двадцать восемь, когда я стал вампиром, так что я не так уж и старше.

Я вздохнула.

– Хорошее воспитание всегда отравляло мне жизнь. Не могу по-другому. Либо терпите, либо перестанем общаться.

В ярко-зеленых глазах заплясали веселые искры.

– Расскажи мне все, что произошло, Кудряшка. И мы решим, что нам делать.

Очень мне не понравились эти «мы» и «нам». Но выбора не было. Мечислав мог передергивать карты с утра до вечера, но в одном он был безоговорочно прав: это я пришла к нему за помощью. И требовать оной, не делясь информацией, было попросту глупо. Поэтому я обвела кабинет взглядом.

– Я могу присесть?

– Разумеется, лапка. Все, что у меня есть, принадлежит и тебе.

– Это в том смысле, что я тоже вам принадлежу? – приняла я вызов.

Зеленые глаза стали непроницаемыми. Лицо – как совер-

шенная золотая маска.

– Ты мой фамилиар, Юленька. Мой вечный спутник. Пока мы живы. Хочешь ты того или нет.

Я опустилась в кресло, подальше от сногшибательных откровений.

– Допустим, что это так. Я фамилиар. Но я не ваша собственность!

– Нет, Кудряшка, ты не моя собственность. Ты гораздо большее. Ты моя вторая половинка. Ты часть меня, так же как я – часть твоей души и твоего разума.

Вампир неожиданно очутился прямо передо мной. Он стоял на коленях перед моим креслом. Его тонкие руки лежали на подлокотниках рядом с моими ладонями. Между нашими телами было совсем небольшое расстояние. Ему стоило только протянуть руку, чтобы привлечь меня к себе. Тихий шепот дурманил голову.

– Мы с тобой больше, чем одно целое. Это не привязанность. Это больше, чем любовь, проще – и неизмеримо сложнее, чем любые человеческие отношения. Невероятно сложно – и в то же время очень просто и понятно. Вместе мы – вампир и фамилиар – составляем единое целое, которое выше и человека, и вампира. Вместе. Ты и я, девочка моя, мы нераздельно связаны. Прими это и не сопротивляйся неизбежному. Все будет намного проще и приятнее, когда ты это осознаешь, поверь мне.

Сердце часто билось где-то в горле, голова кружилась. Я

чувствовала запах его духов – странную смесь меда и экзотических цветов. Этот аромат обволакивал меня, лишая воли к сопротивлению. Я знала, что еще несколько минут – и я не смогу остановить его. Да и не захочу. Я разлепила губы и медленно, словно каждая буква весила целую тонну, выдохнула:

– Нет!

Я даже не заметила, когда он поднялся с колен – и теперь стоял неподалеку, все такой же восхитительный и чувственный. Мои пальцы до боли впились в обивку кресла. Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя и более или менее начать соображать. И первым из меня вылетел протест.

– Я не ваша вторая половинка! Вы мне никто, и звать вас никак! Вот!

Вампир смотрел на меня с жалостью.

– Ты не желаешь близости между нами, Кудряшка, но я уже вошел в твою жизнь и никуда не исчезну. В чем ты меня обвиняешь? И почему не хочешь видеть? Тогда, после смерти Даниэля, я не стал добиваться от тебя ответа. Ты была на грани безумия, я чувствовал это. Но сейчас тебе стало лучше. Ты уже не сорвешься. Не сойдешь с ума. И сможешь дать ответ на мои вопросы. Наверняка за эти полгода ты не раз меня обвиняла, но в чем?! За что ты так ко мне относишься?! Пойми, я даже слова не могу сказать в свою защиту. Это несправедливо.

Ах, мы еще и о справедливости заговорили? Но должна отдать должное Мечиславу: тогда я и правда могла сойти с ума. Он устранил себя из моей жизни – ровно настолько, чтобы незримо присутствовать рядом и напоминать о себе, но не показываться на глаза. И все же... Его вина? Он хочет знать? Имеет право? Ну так он пожалеет о своих правах! Я приняла бой.

– Ваша вина – смерть Даниэля. Не больше и не меньше. Видеть я вас не желаю по той же причине. Он мертв, а вы живы. Мне достаточно.

– А мне – нет.

Мечислав резко развернулся и заходил по комнате, пытаясь собраться с мыслями.

– Хватит метаться, – попросила я. – Давайте все обговорим и расстанемся?

– О нет. Мы еще не закрыли предыдущую тему, пушистик. Я действительно не виноват в смерти Даниэля, как бы ты ни желала меня обвинить. Да, он умер, а я остался жив. Но ведь умерли многие – а ты жива. И ты не считаешь себя виноватой в их смерти. Тот же Андрэ...

– Он получил по заслугам.

– Тебе ли определять? Не суди...

– Вампиру ли цитировать Библию? Меня хотели убить, я всего лишь защищалась. Око за око, челюсть за зуб!

– А оборотни?

– То же самое.

– Непробиваемая позиция.

– Да уж какая есть. Даниэль мертв.

Боль снова полоснула когтистой лапкой по сердцу. Ох, Даниэль, зачем ты меня оставил... Как же я буду все эти годы – и без тебя... Пыльные годы, серые дни...

– И чем я мог предотвратить его смерть?

– Вы обещали ему свою защиту – и не защитили!

– Я не мог этого сделать, Кудряшка. В тот момент я сам нуждался в защите.

– Но вы могли предупредить Рамиреса! – цеплялась я за соломинку. – Могли сказать всем, что Даниэль под вашей защитой! Могли поговорить с Елизаветой сразу, как только приехали! Разве нет?

– Девочка моя, ты и сама понимаешь, как нелепы твои претензии. Кто бы стал меня слушать, если неизвестно, останусь я в живых или нет? Рамирес и Даниэль – это отдельный разговор, но сильнее, чем они, друг друга сложно было ненавидеть. Я сейчас не буду углубляться в эту историю, но у них были на то причины. Тут сыграла роль и личная неприязнь. Мог бы я это предотвратить? Вряд ли. У меня не было времени, да и о распоряжении Елизаветы я не знал.

– Но можно было об этом подумать!

– Я вампир, а не пророк! Ты же об этом не думала?

– Нет! Ох, если бы я знала тогда...

– Елизавета меня ненавидит. Я мог бы выкупить у нее Даниэля, но не сразу и за большую сумму. Или привлечь Со-

вет. Она не стала бы меня слушать до окончания поединка. В ее глазах только Князь города имеет вес. А что до всех остальных, которым я мог сказать, что Даниэль под моей защитой, – разве они что-нибудь решали? И не надо мне рассказывать про шоу, устроенное Елизаветой! Она бы что-нибудь придумала, чтобы уничтожить неугодного ей вампира. Обязательно. И та маленькая дурочка, которая проголосовала за его смерть, – просто жертва обстоятельств. Анна осталась в живых только потому, что ее вины в смерти моего друга почти нет. Нашелся бы кто-нибудь другой. Обязательно. Поэтому я просто наказал ее, а не убил. Хотя мог бы.

– А если я ее убью?

– Не думаю. Ты для этого слишком порядочная.

– Жаль.

– Иногда мне тоже очень жаль. Еще обвинения в мой адрес есть?

Обвинений не было. Но легче от этого не становилось.

– Мы говорили, что я буду принадлежать вам, только если Даниэль останется жив. Он умер.

– Да, Кудряшка. Но ты жива. И глупо хоронить себя заживо. К тому же ты невнимательна. Фамилиар – не собственность вампира. И ты не моя собственность. Наоборот, я больше принадлежу тебе, чем ты – мне. И тебе хочется, чтобы я был рядом. Хочется всего, что ты получишь от своего нового положения. Ты боишься не меня. Ты себя боишься.

Он был целиком и полностью прав.

– Я вас ненавижу.

Вампир довольно улыбнулся.

– Это мы уже проходили. Не пора ли сказать что-то новое?

Что привело тебя сюда, несмотря на всю ненависть?

– Мой брат.

– Твой брат, Юлечка? Я полагаю, что это тот самый молодой человек, который сейчас сидит внизу?

– Да. Сегодня он и его подруга приехали в наш город...

Я очень кратко рассказала обо всем, что произошло со мной, начиная с десяти часов утра. Правда, пока умолчала о том, что брат и его девица уже успели убить двоих вольпов. О подробностях поговорим потом, когда станем торговаться о цене. Вампир внимательно слушал, не отрывая взгляда от моего лица. Кажется, он понял, что я чего-то не договариваю, но смолчал. Пока? Или... В конце концов я не выдержала.

– У меня что, пятно на носу?!

– Прости, Кудряшка?

– Вы от меня глаз не отрываете. Скоро дыру протрете!

Вампир очаровательно улыбнулся. Разумеется, не показывая клыков – в его возрасте это почти неприлично.

– Я просто пытаюсь определить, что именно произошло с тобой сегодня. И не могу.

– Произошло? Явление братца выбило меня из колеи. Вот и все.

– Ты в ней и не была последнее время. Но меня сейчас

волнует не твое психологическое состояние, а спонтанный выплеск силы. Это ведь тебе не свойственно?

– Но он и не спонтанный. Просто эта дуреха меня спровоцировала.

– А раньше такое было?

– Раньше – не было. Но никто и не поступал со мной так. Я жила в изоляции, а потом все вернулось. И резко. Сила, которая копилась внутри меня, выплеснулась наружу. Неожиданность, стечение обстоятельств...

– И все же я хочу знать, что это: потеря контроля или переход твоих способностей на качественно новый уровень. Ты разрешишь мне?

– Что я должна разрешить? – я сидела и смотрела на него. В чем подвох? Вампир понял все по моему недоуменному лицу и коротко улыбнулся.

– Для того чтобы чувствовать тебя, мне необходимо дотронуться.

Я выставила перед собой ладони.

– Все ваши прикосновения кончаются одним и тем же! В феврале, когда я согласилась стать вашим фамилиаром, я поставила условие: вы получите только мою *силу*. Не душу, не разум и не тело! Тогда вы согласились, и я поверила вашему честному слову. Теперь выясняется, что уже полученного от меня вам мало?!

– Разумеется, Кудряшка. Я не хочу принуждать тебя, поэтому и не приходил все это время. Ты должна была отдох-

нуть и успокоиться.

Я скривилась.

– Вам наверняка уже доложили, как я отдохнула и успокоилась.

– Обо всем, что касается тебя, мне докладывают сразу после пробуждения.

– Я польщена, – огрызнулась я. – А жучки у меня в квартире ваши подчиненные не устанавливали?

– Я приказал этого не делать.

– Очень мило с вашей стороны.

– Я знаю.

На этот раз в его словах не было и тени иронии. Кажется, вампир и правда считал, что я должна быть благодарна. Увы. Придется его разочаровать.

– Вы на самом деле думаете, что я... – у меня просто не было сил выговорить это вслух.

Вампир отлично понял, что я имею в виду, и улыбнулся.

– Ты, зайка, мой фамилиар. И на тебе стоит моя Печать разума. Что бы ты ни сделала, стереть ее не удастся. Нам жить с этим, сколько даст судьба. Надеюсь, очень долго. Поэтому нам просто жизненно необходимо найти общий язык. И я предлагаю тебе для начала сбросить избыток *силы*.

– Простите?

– Девочка, тебе не приходило в голову, что твое отвратительное состояние вызвано не столько душевными переживаниями, сколько избытком *силы*? За те несколько дней, ко-

торые мы провели вместе, ты привыкла отдавать излишки, а потом, когда решила отдалиться от меня, *сила* начала накапливаться внутри твоей ауры. Ты действительно на пределе, Кудряшка, но не от тоски. Просто *сила* переполняет тебя, как гелий – воздушный шарик. Если ты не избавишься от нее в самое ближайшее время, будет только хуже. И я предлагаю свою помощь. Хотя решать тебе.

Я внимательно смотрела на вампира. Красивое лицо было все так же холодно и бесстрастно. Словно все происходящее его не касается. Могу ли я верить ему? Нет! Но кому – или чему – тогда можно верить? У меня под дверями не стоят толпы учителей с заверенными документами от президента.

– Вы считаете, что после этого нам станет проще говорить друг с другом?

– Да, я так считаю.

Коротко и ясно. В переводе: «Или играй по моим правилам, или катись к чертовой матери». И это еще мягко сказано. Если мне просто предложат катиться, это будет хорошо. А ведь могут заставить играть по гораздо более жестким правилам. Вот так и получается, когда связываешься с вампирами. Нельзя что-то попросить, не давая ничего взамен. Но кое-что я могу сделать, чтобы обезопасить себя.

– Вы обещаете, что между нами не будет секса?

– Делиться силой, Кудряшка, это всегда сексуально, хотим мы того или нет. Особенно с тобой.

– Угу, то-то вы каждый раз орали, что вас насилуют, –

огрызнулась я.

Вампир улыбнулся. На этот раз не обычной своей улылочкой демона-любовника из эротического сна, а самой обычной улыбкой – широкой и беззаботной. Показались клыки.

– Знаешь, Юля, твое поведение – как глоток свежего воздуха. Я слишком долго был вампиром и Князем, чтобы помнить, как это – когда с тобой шутят, смеются, острят. Мне никто не осмеливается говорить гадости.

– А вам не надоедает всеобщее пресмыкательство?

– Надоедает. Ну что, мой жестокий фамилиар, ты согласна делиться *силой*?

– Со-о-о-оглашайся-я-я-я-а-а-а, – трагически провела я. – А то но-о-о-о-ос отку-у-у-ушу.

Вампир зафыркал.

– Честное слово, не стану. Клыками это уж очень неудобно делать.

– Вот были бы у вас зубы в три ряда, как у акулы...

Я широко улыбнулась, представляя эту картину.

– Тогда бы ты боялась со мной целоваться...

И куда только делся мой смех.

– Я согласна на обмен *силой*, только если вы твердо пообещаете, что между нами не будет секса.

– Я обещаю, что между нами не произойдет ничего такого, что ты сама не захочешь.

Хм. Очень утешительно. А если я сама захочу? Это впол-

не возможно. Просто я потом буду очень и очень раскаиваться. А вампир не будет. Он вообще такого слова – раскаяние – не знает. Поэтому я покачала головой.

– Между нами или не будет секса, или не будет вообще ничего. Обещайте!

– Тебе так обязательно мне выкать, Кудряшка? Правда раздражает.

Попытка перевести тему? Не удастся. Да и обсуждали мы уже этот вопрос. Но почему бы не сказать еще одну гадость?

– Я обращаюсь к человеку на «вы» в трех случаях: если человек старше меня, если я не хочу с ним сблизиться, то есть он мне почему-то неприятен, и если я этого человека уважаю. К вампирам применимы те же правила. К вам конкретно – первое и второе. Вы обещаете, что между нами не будет секса?

– Я тебе действительно так неприятен, Юля?

– Вам это действительно необходимо знать, или вы просто ухóдите от разговора и от обещания? Не удастся. Зря стараетесь.

Вампир коротко рассмеялся. Сухой, резкий смешок, словно в комнате рассыпали мешок гороха.

– Хорошо, детка. Время еще не пришло. Сегодня ночью между нами не будет секса. Обещаю. Ты спокойна?

Я слегка расслабилась в кресле.

– Слово Князя города?

– Слово Князя города.

Я обмякла и улыбнулась. Какой бы сволочью этот вампир ни был, слово он держит. Во всяком случае, держал раньше. Старался.

– Что вы предлагаете?

Мечислав скользнул к моему креслу и протянул мне тонкую холеную руку. Длинные пальцы музыканта или художника не дрожали. Рука была неподвижна, как у золотой статуи. У человека так не получится, сколько ни старайся.

– Я предлагаю тебе наконец-то поделиться со мной *силой*. Иди ко мне, Кудряшка. Я долго этого ждал, видит небо.

Я посмотрела на его ладонь, потом на лицо, потом опять на руку. Слишком уж он соблазнителен.

– Никакого секса?

– Я же обещал, пушистик.

Лицо Мечислава было спокойно и бесстрастно. Только в глазах горел яркий зеленый огонек. Интересно, чего стоит его обещание? Две копейки? Три? Грош ломаный? Я глубоко вздохнула, пытаюсь набраться храбрости, и вложила руку в его ладонь. Железные пальцы сомкнулись у меня на запястье, мягко потянули из кресла – и я подчинилась. Я уже согласилась на все предложенное, а сопротивляться кому-то, кто настолько сильнее тебя, занятие неблагодарное. Мечислав мог бы раздавить мне кости в кровавую пыль и даже не заметить.

Я встала из кресла ему навстречу. Мы стояли так близко, что я не могла дышать полной грудью, не задевая его. Мои

соски напряглись и затвердели под легкой маечкой. Мечислав опустил взгляд – и на его лице появилась понимающая улыбка. Я покраснела. Улыбка вампира стала еще шире. Теперь она приглашала, предлагала, звала... Согласись – и упадешь в бездонно-зеленый омут его глаз. Я не соглашалась. Но и спорить не могла.

Вампир отпустил мою руку, но только затем, чтобы скользнуть ладонями по моим плечам и скинуть на пол легкий летний пиджачок. Ловкие пальцы уверенно расцепили заколку у меня в волосах, и темные пряди потоком хлынули на шею. Мечислав зарылся лицом в мои волосы, потерялся о них щекой, выпивая, впитывая мой запах; его черный локон щекотнул меня по губам. Одна рука вампира скользнула мне на талию, мягко привлекая еще ближе, вторая задержалась на обнаженной коже спины, и я задрожала. Надо было надеть водолазный скафандр. Теплые мягкие губы вампира заскользили от моего виска вниз по щеке. Рука его переместилась со спины на мой затылок, и я послушно запрокинула голову. Пусть сейчас это будет именно так. Потому что мне самой так хочется... нет! Я резко дернулась, едва не разорвав объятие.

– Никаких укусов в шею! Хватит с меня и запястья!

Глаза вампира были ярко-зелеными – ни зрачка, ни белка. Как будто у него в глазницах – морская волна, которую просвечивает солнцем. Но сквозь глаза вампира просвечивал лишь дикий, безумный голод. Голод и жажда моей кро-

ви. Однако он сдерживал себя. Пока сдерживал.

– Как пожелаешь, прелесть моя.

Его голос обволакивал меня со всех сторон, словно теплый густой туман. Мечислав взял мою руку и поднес к губам. Скользнул от запястья к локтю, мягко пошевелил браслет.

– Такие серьезные шрамы, Юленька? Можно?

Я молча кивнула. Слова застряли у меня в горле. Вампир стянул браслет с руки, обнажив израненную кожу.

– Мне очень жаль, девочка.

Он прошелся по шрамам кончиком языка. Я задрожала и откинулась на его руку, едва сдерживая стон. Желание туманило голову, застилая глаза радужной пеленой. Резко вонзились клыки. Я вскрикнула – и почувствовала, как между нами опять собирается то же ощущение, что и раньше. Теплая волна рванулась по моим венам. Это чувство нельзя описать словами, для него еще не придумали названия, но оно горело внутри меня невидимым пламенем. По венам словно пробежали невидимые глазу искры. Сердце гнало по жилам не кровь, а электрический ток, медленно собирая энергию в один клубок. И отдельно ощущалось присутствие вампира у моей руки – как что-то холодное и темное. Мне хотелось заполнить эту темноту, согреть ее своим огнем, и сейчас я могла это сделать. Огненный шар внутри меня стал невыносимо большим, и я бросила его по венам к руке. Я почти физически ощутила, как вампир втянул в себя этот огонь, и с трудом сдержала рвущийся из груди крик экстаза.

Несколько секунд мы были полностью неподвижны. Я почти повисла на вампире. Ноги меня не держали. По телу разливалось приятное тепло. Мир вокруг стал резким и ярким. Краски ослепляли. Запахи обволакивали со всех сторон, и я почти ощущала их на вкус. Аромат моих духов смешивался с одеколоном вампира, создавая горьковатую смесь. Клыки медленно выскользнули из моего запястья. Кровь все еще текла, и вампир осторожно слизывал ее, стараясь не задеть ран. Почему? В слюне вампиров, неважно, двуногих или просто летучих мышек, содержится антикоагулянт. И очень сильный. Раны будут дольше заживать, попади в них эта слюна.

Мечислав опустился в кресло и притянул меня к себе на колени. Я не сопротивлялась. Я пока еще не могла контролировать свое тело и упала бы, сделав даже один шаг. Моя голова оказалась прижатой к его груди. Рубашка распахнулась, и я ощущала гладкость и мягкость кожи Мечислава. Меня так и подмывало прижаться к ней сильнее, потереться щекой, а потом повернуться и лизнуть ее, попробовать на вкус. Сердце вампира билось как сумасшедшее, тело было очень теплым, почти горячим.

– С тобой все в порядке, Кудряшка?

Голос его чуть дрожал, и мне было приятно. Это я, именно я смогла довести его до такого состояния. И этого ему никто, кроме меня, не даст. Никогда.

– Д-да.

Говорила я тоже с трудом. Ощущение было такое, словно меня выдавили до дна, как тубик с зубной пастой. И все равно приятно. Я действительно создана для того, чтобы брать и накапливать энергию из окружающего мира, а потом делиться – теперь уже своей – *силой* с другими. Что ж, так тому и быть. Глупо прятаться от самой себя. Да и невозможно.

Что ж, мы будем чаще видаться с Мечиславом. Но делиться *силой* я буду только на своих условиях. Я решительно оттолкнулась рукой от его плеча.

– Пустите меня!

Вампир держал меня, не прилагая никаких усилий. Но мне казалось, что вокруг смыкаются кольца гигантского удава. Было так приятно сидеть у него на коленях, прижиматься, вдыхать аромат его кожи, может даже, совсем тихонько лизнуть его грудь кончиком языка – и убедиться, что...

Юля! Очнись!

– Ты еще слаба, зайка. Посиди пару минут. Я ничего с тобой не сделаю, я же обещал.

Это особенно не успокоило. Не факт, что я ничего не сделаю. Очень тянуло.

– Пустите, черт вас побери!

Руки разжались. Я была свободна. Но что я могла сделать с этой свободой? Для начала – встать на ноги и отойти на другой конец комнаты. Если еще несколько секунд пробуду рядом с Мечиславом, я за себя не отвечаю. Интересно, а он понимает, насколько мне хочется не слезать с его коленей, а

повернуть к нему голову и найти его губы своими? Я решительно уставилась на картину. Не думать! Не смотреть! Не трогать! Опасно для свободы воли!

Если бы я могла запретить себе еще и дышать! Запах кожи Мечислава, его волос, его духов... Хватило даже этого, чтобы по моему телу побежали мурашки, а внизу живота все стянуло спазмом. Я с трудом сползла с его коленей и кое-как, на подгибающихся ногах, отодвинулась на середину ковра. Там я рухнула на колени и оперлась одной рукой на пол. Рука ушла в пушистый ворс так, что исчезли шрамы на запястье. М-да, сидеть на полу не есть хорошо. Но здесь я могла прийти в себя. Несколько глубоких вдохов-выдохов, закрыть глаза – открыть глаза. И улыбнуться, уже полностью взяв себя в руки. Я еще была слаба, но теперь могла контролировать себя.

Вампир с интересом наблюдал за мной, сидя в кресле. Я кое-как поднялась и доковыляла до кресла напротив. И улыбнулась.

– Вы довольны?

– Почти, Кудряшка.

Голос вампира, такой густой, мягкий, невероятно чувственный, обволакивал мое тело потоком густого меда.

– Почти?

– Я действительно получил от тебя много *силы*. Очень много *силы*, кудряшка. Столько я никогда не получал, не пролив для этого *последней* крови.

Я подняла руку с новым укусом на запястье.

– Это мелочи, малышка. Вадим рассказал мне, как ты забрала у человека *последнюю* кровь вместе с его жизненной силой. Чтобы получить столько же *силы*, сколько ты дала мне сейчас, я должен был бы убить не меньше трех человек.

Меня передернуло.

– Надеюсь, мне не придется этого делать. Или ты намерена, как и прежде, сбежать в свою квартирку и закрыться там от меня на все замки?

Я пожала плечами.

– Смотря как договоримся.

– Ты способна рассуждать здраво, Кудряшка?

– Насколько это вообще возможно для меня в вашем присутствии, – отозвалась я. – Чего вы вообще от меня хотите? Если глобально?

– Разумеется, я хочу поставить на тебя оставшиеся мне три Печати.

– Это исключено, – тут же отозвалась я.

– Тогда что ты хочешь предложить мне, девочка? За то, что я решу проблемы твоего братика, не затрагивая остальную твою семью? Ты ведь за это платишь? Чтобы твои мать и дед не страдали?

Он был полностью прав. Мне нужно было именно это, и платила я только за это. Несколько секунд ушли на то, чтобы правильно сформулировать требования.

– Я буду приходить к вам, когда вы попросите, и буду доб-

ровольно делиться *силой* и кровью, но вы не получите ни тела, ни разума, ни души. Устроит?

– Временно, Кудряшка, только временно.

– Вы не получите ничего другого, – предупредила я.

Лицо Мечислава оставалось той же прекрасной золотой маской. Я даже не пыталась прочесть его истинные мысли и чувства – бесполезно.

– Пока я согласен и на эту подачку, – отозвался вампир. Я зло сверкнула на него глазами.

– А потом попытаетесь согнуть меня в дугу?!

– Это вовсе не обязательно, радость моя. Я считаю, что рано или поздно ты сама придешь ко мне. Придешь по доброй воле. И я с радостью приму твой подарок.

– Даже не мечтайте!

– Даже кошке позволено мечтать о короле, – переиначил старую поговорку вампир. – Я знал много женщин. Может быть, больше, чем ты видела мужчин на своем веку. И все они приходили ко мне сами. Раньше или позже, так или иначе... Впрочем, что толку говорить об этом сейчас? Поговорим о делах насущных. Что ты хочешь, чтобы я сделал с твоим братцем? Есть разные способы разрешения проблемы. Ты ведь не просто так рассказала мне о ваших... отношениях? Что ты выберешь? Пожестче или помягче? Обещаю, плата не изменится. В любом случае.

– Очень благородно.

– Благородством не страдаю, но сейчас предпочту полу-

читать хотя бы кусочек. Если я буду настаивать, ты просто сбежишь и опять спрячешься в свою раковину. Поэтому пока так. А потом будет видно. Но в благородстве меня обвинять не стоит. Так что ты выберешь?

– Мой брат просто дурак, – вздохнула я. – И есть отягчающее обстоятельство.

И я коротко пересказала то, что мне поведала Клара. Про погоню и убийство.

Вампир слушал, не перебивая, застыв в странной неподвижности, как совершенная золотая статуя. Живыми в нем были только глаза – два сплошных темно-зеленых пятна на медной коже. Мне даже захотелось подойти и встряхнуть его за плечо, чтобы убедиться, что он не спит. Но такие желания хорошо не кончаются. Лучше уж держаться подальше от этого вампира.

Наконец я замолчала. Мечислав опустил ресницы, потом вскинул голову и внимательно посмотрел на меня.

– Ты просишь, чтобы я ввязался в драку с Князем Тулы? Из-за твоего брата и его пади?

– Именно, – согласилась я. – Хотя драться и не обязательно. Если есть какой-нибудь способ уладить все это дело миром, я с радостью использую его. Даже если он будет немного жестковат для братика.

– Не знаю, – Мечислав смотрел сквозь меня, и я могла втихаря любоваться его лицом. Лепит же природа таких суперменов! Хотя это неправильное определение. Супермены –

они чисто положительные герои, а сексуальным бывает только зло. На суперменов хорошо смотреть, с ними хорошо гулять под ручку по улице, ловя завистливые взгляды других женщин, но меня никогда не тянуло к положительным мальчикам. А вот такое сексуальное зло вызывает еще больше зависти.

В этой жизни меня тянуло только к Даниэлю. А потом и к Мечиславу.

– Он скотина, но он мой брат. Я не могу отдать его на растерзание каким-то там оборотням.

– Я знаю твою точку зрения, Кудряшка. Но чтобы принять решение, мне необходимо поговорить с твоими... подопечными. Сама понимаешь, так просто это не решается.

Мечислав легко поднялся из кресла, подошел к столу и нажал какую-то кнопку на телефоне.

– Вадим, забери из зала Станислава Евгеньевича Леовенского и сопровождающую его пади и отведи их в первый бокс. Вреда не причинять, объяснений не давать, пусть по-нервничают.

Ответа я уже не услышала. Вампир положил трубку и повернулся ко мне.

– Пойдем, Юля.

Я с трудом вытащила себя из кресла. Мечислав протянул руку, но я покачала головой.

– Справлюсь сама.

– Моя маленькая самостоятельная ведьмочка.

В голосе вампира слышались нотки смеха.

– Не ваша, не маленькая и не ведьмочка, – парировала я.

– Может, еще и не самостоятельная, Кудряшка?

Он смеялся надо мной. Что ж, мне не привыкать. И потом, что лучше – легкие уколы вампирского юмора или полное подчинение тому же вампиру? Лично я выбираю первое.

– Достаточно самостоятельная, чтобы не броситься вам на шею.

Вампир по-джентльменски открыл передо мной дверь. Кстати, не ту, через которую я вошла. Эта дверь была полностью скрыта за занавесками, и я никогда не догадалась бы о ее существовании. Вот, значит, для чего нужны были черно-белые драпировки. Это не только удачное решение дизайнера – они еще скрыли дверь на другую лестницу. Сама я никогда не додумалась бы искать ее там. Вампир стоял так близко, что, выходя, я задела его рукой. И тут же вспомнила, что браслет и пиджак остались в комнате. Да и волосы у меня растрепаны. Но стоило мне метнуться обратно – и Мечислав небрежно повел рукой, словно отменяя мои сомнения.

– Тебя никто не увидит, пушистик. Я умею хранить свои тайны. Кстати, ты выглядишь восхитительно. Даже в таком слегка растрепанном виде. Очень сексуально.

Я не поверила. Но все равно было приятно. Да и потом: перед кем мне шрамы прятать? Перед вампирами? Они и похлеще наверняка видели. Единственное, о чем я жалела, – что не надела что-то более закрытое. Но кто же ждал... А

вот я должна была ожидать всего, чего угодно. Это все-таки вампиры, а не орден кармелиток.

Мечислав пошел впереди, показывая дорогу. Черные брюки плотно облегли его бедра, и мне было видно, как движутся мышцы под бархатистой тканью. И невольно вставал вопрос: есть ли у него что-нибудь под штанами, кроме голого тела? Очень хотелось бы узнать. Спросить, что ли? Нет. Не стоит. Мне никогда не сравняться в непринужденности с семисотлетним вампиром. На третьей минуте подобного разговора у меня уши от смущения сгорят и на пол осыплются. Поэтому я просто продолжала смотреть на его задницу. И не могла не облизываться про себя. Стандартная реакция молодой здоровой женщины на красивого мужчину рядом с собой.

Нездоровым было только одно. Мужчина был вампиром. А я не сплю с вампирами. Не сплю, я сказала! Молчать, гормон паршивый!

Лестница быстро закончилась, и мы пошли по узкому коридору. Точнее, Мечислав вял меня за руку и повел, не слушая возражений. А я особенно и не противилась. Потому что в коридоре совершенно не было света. Дверь с лестницы закрывалась наглухо, за нее не проникал ни один лучик. Вампирам это было не нужно, они отлично видели в темноте. А я просто вписалась бы лбом в стену. Поэтому и не ворчала. Хватит с меня на сегодня потрясений. Не будем добавлять еще и сотрясение мозга.

Наш поход в темноте закончился неожиданно. Мечислав, одной рукой продолжая сжимать мою ладонь, второй толкнул какую-то дверь. И мне по глазам резануло белым электрическим огнем. Я зашипела и прикрыла лицо рукой.

– Чер-р-р-рт! Предупредить нельзя было?!

– Прости, Кудряшка.

Раскаяния в этих словах не было ни на грош.

– Бог простит!

Я похлопала ресницами, разгоняя круги перед глазами. Это получилось неожиданно быстро. И смогла осмотреться вокруг. Кажется, это и был бокс номер один. Белые стены, белый потолок, белый ковер на полу, далеко не такой роскошный, как в кабинете директора, на белой стене – яркая картина в багрово-черных тонах. Белый снег, черное равнодушное небо, усыпанное звездами, два человека на снегу. То есть человек и вампир. Вампир стоит на коленях над телом, поднимая вверх лицо, испачканное кровью. И багрово-алая кровь на снегу. Лица обоих выписаны особенно тщательно. На лице жертвы – смертельный ужас, мешающийся с таким же смертельным наслаждением, которому невозможно противостоять. На лице вампира гораздо больше эмоций. Удовлетворение. Удовольствие. Сожаление. Одиночество. Смертная тоска. И все же – любовь к жизни. Я знала только одного художника, который мог нарисовать такое.

– Это работа Даниэля?

– Да.

– Вы нарочно привели меня сюда, чтобы сделать мне больно?

– Нет, девочка. Меньше всего я хотел причинить тебе боль.

– А это писалось с натуры?

– Да.

Лицо вампира было мне знакомо. Даниэль. А жертва? Накатила знакомая горячая волна. Обожгла, захлестнула мой разум – и поволокла за собой, в непроглядную черноту.

– Я смирился с тем, что стал вампиром, – услышала я тихий голос. – Я смирился со своей участью, когда убил своего брата-инквизитора. Но я был художником. И не смог жить только наполовину. И с радостью принял смерть. Может быть, мне удастся возродиться? Не знаю. Ничего не знаю. Темнота. Так пусто...

– Кудряшка! Очнись! Что случилось?! Юля! Что с тобой?! Сильные руки схватили меня за плечи и несколько раз встряхнули, взбалтывая, как засохший лак для ногтей. Я замотала головой, приходя в чувство.

– Пустите меня!

Ага, разбежалась! Мечислав даже и не подумал меня отпустить. Наоборот, притянул еще ближе к себе, вглядываясь в мое лицо.

– Нам надо будет очень серьезно поговорить, Юля. Очень серьезно.

– Пустите меня!

Вампир поставил меня на пол рядом с собой. Я сделала шаг в сторону и продолжила оглядывать комнату. Кроме нас двоих, здесь находились еще четверо людей. Ну то есть не совсем людей. Во-первых, тут был Славка. Он был чисто-кровным человеком. Если не считать дурной наследственности с дедушкиной стороны. За его руку крепко держалась Клара. А рядом, с двух сторон от братика и его пади, стояли двое вампиров. Вадим, все такой же веселый и улыбочивый, с небрежно растрепанными светлыми волосами, просто очаровательный в простеньких таких джинсах из синей кожи с аппликациями и синей сетчатой рубашке. Я тут же улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Привет, Кудряшка!

– Рада тебя видеть, Вадим! Давно тебя не было!

– Да всё дела, дела...

– Да все как сажа бела...

– Я тоже рада тебя видеть... Кудряшка.

Этот голос я бы узнала из тысячи. Катька. То есть теперь уже Анна. Для меня она стала Анной с той самой минуты, как предала Даниэля на смерть. Мерзавка. Медленно глубоко внутри меня, там, в душе открыл глаза зверь-из-зеркала. Потянулся, выпустив когти, – и оскалился.

«Помучаем мышку, перед тем как убить? Она это заслужила. Ты многое отдала ради нее, ты ввязалась в чужую драку, пусть и проиграла, но у тебя просто не было возможности выиграть, а она... Мраз-с-с-сь... Помучаем-м-м...»

И я смерила ее холодным взглядом. Надо сказать, что Каткой она выглядела лучше. Вампирша коротко постриглась и перекрасилась в светло-каштановый цвет, который делал белое лицо мертвенно-бледным. Макияж смотрелся грязными пятнами и разводами на ее коже. Одетая она тоже была не ахти. Черный кожаный лифчик стягивал полную грудь. Талия перевивалась черными кожаными ремнями, которые заканчивались коротенькой кожаной юбкой, типа «ремень широкий кожаный». В голубых глазах были карие контактные линзы. Довершали наряд босоножки на высокой платформе. Сложная система ремней обвивала ее ногу до колена. Катка смотрела на меня ненавидящими глазами.

Я – нет. Сейчас моими глазами смотрел зверь. А ему было многое безразлично. И тем более чувства потенциальной жертвы. Пока... Но игра уже началась. И стоило чуть-чуть выпустить когти.

– А блондинкой тебе было лучше. Определенно лучше. Ты хотя бы на живую была похожа.

Катя тоже улыбнулась с долей яда.

– Я вижу, что госпожа фамилиар смирилась со своей участью?

– Не смирилась, – пожала я плечами. – Но помириться мы успели, не так ли, Князь?

– Я рад, что ты забыла старое, Кудряшка.

Мечислав определенно забавлялся. Ну еще бы, две девчонки-идiotки – чем тебе не развлечение?! Особенно если

одна рвется оказаться у тебя в постели (это я не про себя, если кому непонятно), а вторая – как можно дальше от оной, но обстоятельства препятствуют ее отъезду в Австралию (вот это уже про меня).

– Кто старое помянет, тому глаз вон, а вот кто забудет – тому оба. Не так ли?

– И кому же ты хочешь вырвать оба глаза?

– Разумеется, Анне. Хотя и не сразу.

Мечислав поднял брови.

– Ты винишь ее в смерти Даниэля? Но обязательно кто-то сказал бы слово против. Она виновата только в своей дури.

– А я не собираюсь всю жизнь наблюдать рядом с собой дуру-вампиришу, – парировала я, – и рано или поздно убью ее.

– Ненависть может разрушить твою жизнь. Ты это понимаешь?

Вадим? Странно. От него я этого услышать не ожидала. Но он заслуживал ответа. Может, даже больше, чем Мечислав.

– Я ее не ненавижу. Я просто рано или поздно убью ее. Вот и все.

– Тебе было бы легче ее убить, если бы ты не объявила об этом во всеуслышание, Кудряшка.

Я фыркнула на Мечислава.

– Моя честь обязывает сперва предупредить, а потом уже бить.

Какие гордые слова! Если бы у меня еще и поступки им соответствовали! Я ведь не поэтому ее предупредила. Мне хотелось, чтобы Катька злилась, боялась, ждала удара со стороны... И, кажется, я достигла своей цели. В карих глазах металось что-то, похожее на страх.

– Как это мило с твоей стороны, – процедила Катька.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась я. И повернулась к Мечиславу. – Вы хотели их видеть или хотели, чтобы я увидела эту... Анну?

У меня едва не сорвался крепкий эпитет в адрес бывшей подруги, но я сдержалась. Я – леди. У меня под брюками всегда целые колготки, и я не матерюсь при всем народе.

– И то и другое, Кудряшка. Ты сердишься?

– Отнюдь. Сердиться можно только на себя. Я должна была предвидеть что-то в этом роде. Вы, часом, в детстве не отрывали крылышки у бабочек и ножки у тараканов?

На лице вампира появилась медленная ленивая улыбка, обнажающая острые клыки.

– Не помню, детка. Это было так давно...

Я фыркнула в знак недоверия. Кто-то говорил мне, что у вампиров идеальная память. Они в своей жизни ничего не забывают. Это и благословение, и проклятие. Но спорить я не стала.

– И все-таки зачем вам понадобились эти двое болванов?

– Садись, лапочка.

Мечислав грациозно опустился в одно из кресел и пока-

зал мне на соседнее. Я послушно плюхнулась на указанное место.

– А сейчас я хочу услышать вашу историю от вас самих, – обратился вампир к моему брату. – Моя девочка слишком доверчива. А я хочу знать правду. И если вы посмеете со- врать, даже Кудряшка не сможет защитить вас.

Голос вампира пронесся по комнате ледяным ветром. Я невольно вздрогнула – и увидела, как задрожали Славка, Клара и Анна. Вадим остался внешне спокойным. Ну да, у него было больше всех времени, чтобы привыкнуть.

– Я могу сесть? – хмуро спросил Славка, пытаясь сохра- нить остатки гордости.

Мечислав не собирался позволять ему этого.

– Я здесь хозяин. А женщина, которую вы знаете как Юлию Леоверенскую, – мой фамилиар. Вадим и Анна – мои слуги и телохранители. А что до вас – вы стоите меньше, чем ковер у меня под ногами. Если я прикажу, мои слуги пе- рервут вам глотки. И Кудряшка простит меня. Обязательно простит, потому что зла на вас. И потому что вы создаете ей много проблем. Причины можно перечислять очень дол- го. Это неважно. Поэтому рассказывай, смертный, и не зли меня.

Мечислав даже голоса не повысил. Если судить по инто- нации, то таким голосом можно было овец считать. Никако- го выражения. Холод и пустота. Но на Славку подействова- ло. Братец побледнел, потом покраснел – и быстро-быстро

заговорил, глотая окончания слов.

Вампир внимательно выслушал его и кивнул Кларе. Пади говорила спокойнее, но глаза ее бегали по сторонам. И даже я могла определить, что она волнуется. Для вампира это вообще было парой пустяков. Пади рассказала про то, как стала оборотнем, про то, что с ней делали и вожак стаи, и другие по его приказу, рассказала про знакомство со Славкой и про побег. Рассказала даже про то, как я приняла их и как она решила помериться со мной силами. Хотя бы в этом она не лгала.

Мечислав слушал, откинувшись на спинку кресла. Лицо его было так же спокойно и бесстрастно. Маска холодного вежливого интереса. Глаза смотрели в какую-то точку на стене. Казалось, что его совершенно не интересует рассказ пади. Интересно, а как было на самом деле?

Жаль, что я не ощущаю мысли и чувства так, как вампиры. Клара замолчала. Мечислав сидел совершенно неподвижно. Молчание облаком заполняло комнату. И я не собиралась нарушать его первой. Вадим? Вадим молчал и намеревался молчать еще пару лет. Мы встретились глазами, и он улыбнулся мне, показав клыки. Но я только улыбнулась в ответ. Вот почему я не испытываю никаких эмоций при виде Вадима? Как бы расспросить половчее: Мечислав – стандартный вампир, или его способность привораживать женщин (только ли женщин?) – нечто особенное? Не знаю. Может, у Мечислава и спросить? А почему нет? Обязательно

спрошу. Он же обещал мне серьезный разговор? Вот и общаемся!

Анна тоже молчала.

Кларе хорошо вбили в голову правила поведения с вампирами. Поэтому первым нарушил молчание Славка, стремясь реабилитировать себя перед любимой девушкой.

– И что вы решили?

Мечислав медленно перевел на него взгляд. Хм, если он посмеет так на меня посмотреть, я взбешусь! В глазах вампира были презрение, тоска и усталость. Типа: «Ну что нужно от меня этому идиоту? Отвяжется он от меня наконец?» Только взглядом эти эмоции были выказаны гораздо более ярко и сильно. Семьсот лет тренировки сказываются.

– Я пока ничего не решил, – наконец соизволил разлепить губы вампир. – Я просто выслушал вашу историю, но я не знаю, чего от меня хочет Кудряшка.

– Кто? – не понял Славка.

– Это меня так прозвали, – неохотно призналась я.

Брат почесал кончик носа.

– А что, тебе идет. Твое имя ведь и есть в переводе с какого-то там мертвого языка «кудрявая»? Это точно про тебя! Ты и Кудряшка, и Красотка.

В голосе его слышалась откровенная насмешка. Я покраснела. А то сама не знаю, что далеко не красавица. Слишком уж я далека от официальных канонов. Не то лицо, не те волосы, не та фигура. Сейчас в моде блондинистые (краше-

ные) голубоглазые скелеты без мозгов. Я не такая. Ну и что теперь? Удавиться и не жить?! Ага, щаз-з-з-з-з! Пусть удавится, кому не нравится!

– Это мне решать, смертный, – голос Мечислава холодным ветром пронесся по подземелью.

Славка съежился и виновато захлопал глазами.

– Простите. Я не хотел...

– Следи за своими словами, смертный, иначе кто-нибудь из моих слуг разорвет тебе глотку, и я не буду им мешать!

Я не стала останавливать вампира. Славке необходим урок хороших манер. А кто может преподать его лучше? Только Джек Потрошитель.

– Простите, – еще раз повторил брат.

Мечислав кивнул и обернулся ко мне.

– Ты действительно просишь, чтобы я защитил эту... шваль?

Я глубоко вздохнула. Выдохнула.

– Он мой брат.

– И все, Кудряшка?

– Этого мало?

– Для меня – да. Но не для тебя. – Вампир опустил ресницы. Длинные, черные, они двумя веерами легли на гладкую золотую кожу щек.

– К сожалению.

– Не перестаю тебе удивляться, детка. – Вампир откровенно смеялся надо мной. – Ты терпеть его не можешь, ты

обижена, ты мечтаешь отомстить, но, когда это ничтожество приползает к твоему порогу за помощью, ты не в силах оттолкнуть его. Почему? Не из родственной любви. Из чувства долга. Но такого извращенного понимания ответственности я не встречал ни у живых, ни у мертвых.

Я густо покраснела. Чья бы корова мычала!

– Именно мое извращенное понимание ответственности спасло кое-кому жизнь!

– Неблагодарно напоминать об оказанной услуге, Юленька.

– До чего мы дожили! Вампиры говорят о благородстве! Что следующим номером?! Апокалипсис?!

Славка смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Впрочем, он был не одинок. Такие же лупешки были у Клары и Анны. А вот Вадим не удивлялся. Он-то мою манеру общения изучил во всех подробностях.

– Вполне возможно, зайка, вполне возможно. Желаете поучаствовать?

– Лучше спланировать.

– Для тебя, мое сокровище, любой каприз.

Мы перебрасывались словами, как детским мячиком. И мне это надоело первой. Я заткнулась, демонстративно скрестила руки на груди и уставилась прямо в зеленые глаза. Мечислав улыбнулся мне. Очень продуманной улыбкой. На миг показалось, что я стою перед ним совершенно обнаженная. Даже уши заалели. Сволочное воображение. М-да, мне от

него так просто не избавиться. А может, и вообще не избавиться. Разные весовые категории. Но кто сказал, что я не буду пытаться?!

– Так вы намерены помочь мне или так и будете ломать комедию?!

Вампир одним слитным движением поднялся из кресла и протянул мне руку.

– Пойдем, поговорим в другом месте, Кудряшка.

У меня было огромное искушение сломать ему игру, но я перехватила Катькин взгляд. То есть взгляд Анны. Она смотрела на меня с такой ненавистью! Как будто я переехала машиной ее любимую кошку. Вадим говорил, что Мечислав переспал с ней пару раз и бросил. Может, это и нехорошо с моей стороны, но меня это обрадовало. Злобной холодной радостью стервы.

Она виновна в смерти Даниэля. Именно эта маленькая дрянь. И если я могу вызвать ее ярость – я так и сделаю. Почему? Ну, в общем... так сказать... потому что это...

Просто я надеялась, что смогу убить ее своими руками. Очень надеялась, но нанести удар первой не могла. Пока не могла. Или уже получится? Не знаю. Но нерешительность в последний момент будет мне дорогого стоить. Поэтому стоило попробовать разозлить ее до попытки покушения и хладнокровно прикончить. И все будет шито-крыто. Самозащита-с! Единственная опасность – что она прикончила бы меня раньше, чем я ее. Но я буду стараться.

Я медленно вложила пальцы в ладонь вампира. И даже от этого невинного прикосновения у меня по телу побежали мурашки. Ну и пусть! Может, я и хочу спать с этим конкретным вампиром, но делать этого не буду! Я хозяйка своего тела! И только я буду приказывать себе сидеть, лежать или бежать! Я глубоко вдохнула, потом выдохнула и попыталась немного успокоить огонь, бушующий у меня между ног. Получилось. И очень неплохо. Мечислав наблюдал за мной с легкой улыбкой. Безразличный вежливый интерес. Его развлекали мои мысли? Мои попытки справиться с собой? Возможно. И это был далеко не последний раз. Ну и что! Пусть смеется. Мне кажутся смешными дети двух-трех лет от роду. А ему? Для Мечислава я сама не старше двухлетнего ребенка. Мы направились к выходу из комнаты. На пороге Мечислав обернулся.

– Вадим, Анна, заprite этих двоих и подождите меня в комнате охраны.

– Слушаюсь, шеф! – рявкнул вампир, преувеличенно выкатывая грудь и закатывая глаза.

Я хихикнула. Все-таки Вадим просто прелесть! Вечный студент! Даже Мечислав не удержался от улыбки. Он вежливо пропустил меня вперед, но я покачала головой.

– Лапочка?

Я опустила глаза.

– Мне не слишком... комфортно, когда вы оказываетесь у меня за спиной. Идите первым!

– Учитывая, что я видел, как ты перегрызла вампиру горло, бояться стоит мне, а не тебе, – заметил вампир.

– Если я решу укусить вас, это будет не с целью убийства, – парировала я. Я бы сказала еще многое, но в этот момент поймала взгляд моего обожаемого братика. О ч-чер-рт! Славка смотрел на меня с таким тихим ужасом, что я поняла: на родственные отношения тут рассчитывать не приходится.

Интересно, почему он так? Хотя одно дело – убивать оборотней из пистолета с серебряными пулями: изящно, гигиенично, практично. А совсем другое – перегрызть горло. И можешь неделю объяснять, что ты вообще-то хорошая, белая и пушистая. Не поверят. Если Мечислав хотел показать мне, насколько я оторвалась от нормальных людей, он своего достиг. Но разозлилась я до последнего предела. К сожалению, вампир не стал препираться, а просто шагнул в эту чертову дверь, потянув меня за собой. За нами вышли Вадим и Анна. Мы уже прошли метров десять по коридору, когда я услышала нарочито громко заданный вопрос:

– А когда это наша Кудряшка умудрилась перегрызть горло вампиру? Ты был при этом?

Я задрожала и не могла справиться с этой дрожью. Кровь, страх, секс – все это пробудило вторую часть моего сознания. Ту, которую я прятала даже от самой себя. Я очень старательно убеждала себя, что ее нет, что все в порядке, но сама в это не верила ни на грош. И сейчас прошлое нахлынуло

ОДНИМ СПЛОШНЫМ ПОТОКОМ.

У меня только один шанс на выигрыш. Или я воспользуюсь им, или мне не жить. Я медленно иду к вампиру, покорно смотрю ему в глаза, опускаюсь на колени, ползу, чувствую боль от острых камешков, впившихся в мои голые колени, – и счастлива этой боли! Я управляю собой, как и всегда, но никто не догадывается об этом. Да никого и нет. Мы одни в круге. И в целом мире тоже. Впрочем, сейчас весь мой мир – это круг, огороженный осиновыми прутьями. Вампир приказывает мне подняться с колен и прижаться к нему всем телом. И я с радостью выполняю приказ. И – бросаюсь вперед, как... как оголодавший вампир! Я обхватываю его ногами за пояс, мои руки смыкаются у вампира на шее – и я впиваюсь ему точно в сонную артерию. Я чувствую, как расходится кожа под моими зубами, потом – мясо, а потом я впиваюсь в самую артерию, и кровь вампира неудержимым потоком брызжет мне в горло. И я делаю несколько глотков раньше, чем успеваю осознать, что происходит со мной! Мне чертовски нравится густой, солоноватый, чуть терпкий вкус крови. Как выдержанное вино. Ничего лучше я никогда не пила. Потом вампир отрывает меня от себя и я лечу прочь, но его вкус остается у меня на самом кончике языка. И появляется желание... не убить, не просто убить! Нет! Появляется желание выпить вампира до дна, как он когда-то выпивал своих жертв...

Я потрясла головой, чтобы отогнать воспоминания, и зло

посмотрела на Мечислава.

– Вы это нарочно, черт бы вас побрал?!

– Нет, Кудряшка. Я бы не напоминал тебе о том случае, если бы знал.

– Так я и поверила. Минутку! Вас это что, тоже зацепило?!

Мечислав говорил ужасно усталым голосом. Как преподаватель на восьмой паре.

– Нравится тебе или нет, ты мой фамилиар. Все, что происходит с тобой, будет отражаться на мне. Мы связаны Печатью разума, поэтому я особенно четко воспринимаю твои мысли.

– Черт бы вас побрал.

– Ты это уже говорила.

Знаю. Жаль, что меня ни один черт не услышал!

Я уже успокаивалась. Ладно, он и правда мог не знать.

– Идемте?

– Следуй за мной, Кудряшка.

Мы вернулись в кабинет тем же путем, опять никого не встретив по дороге. Я плюхнулась в кресло и посмотрела прямо на вампира.

– Ну и что вы решили?

Мечислав расхаживал по комнате. Он вдруг показался мне очень усталым и растерянным. На миг мне захотелось просто подойти к нему и обнять. Не для секса. Для утешения. Просто чтобы дать понять, что он не один. Я с трудом справилась с собой. Один такой шаг – и второй сделать бу-

дет проще, третий вообще легче легкого, а там и оглянуться не успеешь, как на тебе уже все четыре Печати наляпаны и ты послушно делаешь все, что хозяин прикажет, направо и налево со всем народом.

– Давай, Кудряшка, я тебе расскажу все, что сейчас происходит, а потом мы вместе решим, что нам делать.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами. Это ведь не предложение. Если перевести с дипломатического на русский язык, фраза звучала гораздо сильнее. А именно: «У меня будут проблемы от вашей просьбы. Сейчас я покажу вам, сколько неудобств вы мне доставили, а когда вы почувствуете себя виноватыми, попрошу взамен что-нибудь такое, чего не получу в обычной ситуации».

Чертова вампирская политика!

Мечислав прекратил расхаживать по комнате и присел на краешек стола.

– Итак, Кудряшка, ты помогла мне получить место Князя города и на полгода устранилась от всех моих дел и проблем. А их оказалось много. Начнем с оборотней. Ты сама знаешь, что между нами существует своеобразный симбиоз.

Это я знала. Оборотни делятся кровью с вампирами, а вампиры за это обеспечивают им работу, содержание и безопасность. Об этом мне рассказывал Валентин. В силу особенностей организма для оборотней закрыты многие профессии – те, которые связаны с постоянным пребыванием на виду у людей, то есть и у прессы, потому что велика ве-

роятность разоблачения. Это ночная работа, работа в горячих точках, работа, связанная с медициной, химией, биологией... да всего не перечислить! А деньги оборотням всегда очень нужны. В силу того же специфического образа жизни. Не знаю ни одного оборотня-вегетарианца. Та же Надя стала после своего первого обращения потреблять мясо как минимум два раза в день. Организм оборотня сжигает калории в чудовищных количествах. А есть еще одежда, которая почему-то рвется при превращении, машина, в которой можно или укрыться, или добраться до безопасного места... опять же много чего еще! И деньги сейчас так легко не заработать. Но в нашем городе есть бары, есть фитнес-клубы, есть дорогие магазины... А то, что они закрываются в полнолуние, часто совпадает с учетом, приемом товара или косметическим ремонтом. В какое-то время бывают беспомощны оборотни, в какое-то – вампиры. Оборотни рассеяны по миру, но вампиры в любой стране представляют собой спаянную информационную систему. Кстати, именно это и угрожает Славке с Кларой. Оборотни могли бы их потерять. Вампиры – нет. Это содружество, построенное для сохранения жизней паранормов. И держится оно очень крепко. Жить-то всем хочется, а ИПФ не дремлет! Гады!

– После смерти Андрэ на моем попечении оказались лисы. Или, как они сами называют себя, вольпы. Но если Андрэ с приспешниками держали их в узде страхом и плеткой, то твой друг Валентин оказался для этого недостаточно силен.

– Не могу поставить это ему в вину.

– А зря. Слабый политик – верная смерть своей страны.

Слабый вольп не удержится во главе стаи. Валентин держится, но исключительно с моей помощью. Я мог бы избавиться от него и найти кого-нибудь посильнее, но вряд ли ты мне это простишь.

– Валентин помог и вам. Он вам жизнь спас!

Особо я не возмущалась. Прожив пару сотен лет, становишься очень практичным. И все остальное отходит на задний план. Всякие недостойные настоящего вампира мелочи. Любовь, там, благодарность, верность, честь...

– Это еще один повод оставить его в живых. Но Валентин не может держать вольпов сам и не дает мне как следует взяться за них. Отсюда сплошные конфликты. Пока что он с трудом удерживает место вожака, а как следствие, и свою жизнь. Если бы из другой стаи приехал кто-то сильнее, его бы уже не было в живых. Валентину пришлось объявить свою стаю временно закрытой для посторонних. Для *всех* посторонних. В данной ситуации он *не может* позволить себе связаться в драку с другой стаей. И не может позволить себе принять твоих родственников.

– Понимаю.

– Хорошо. Тогда остается только один выход. Твоего брата и его пади беру под защиту я. Но у меня тоже хватает проблем. Местные тигры – довольно сильный прайд. Мы заключили с ними соглашение, но не более того. Головы они за

меня не сложат. Я ввязываюсь в схватку с Князем другого города и стараюсь выкупить твоих балбесов. Кстати, о Князе Тулы я ни от кого ничего хорошего не слышал. Иван жаден, силен, мстителен, к тому же извращенец... короче, почитай что-нибудь об Иване Грозном – не промахнешься. Его так и прозвали. Иван Грозный Тульский. Нравится?

– Обалденная перспектива. А он не родственник?

– Сомневаюсь. К делу?

– Я вас внимательно слушаю. Вы и Ваня Тульский.

– Выглядит это так. Я беру Станислава и Клару под защиту и сообщаю Ивану, что они у меня и я не собираюсь их выдавать. Что будет дальше? На мирное разрешение конфликта можем и не рассчитывать. Твои родственники постарались от души. Я сам бы ничего хуже не придумал! А придумав, сделать бы не смог.

Я почесала нос. О вампирах я знала мало – кстати, по приказу самого же Мечислава, – но тут могла догадаться.

– Два варианта. Если Ванечка глуп – приедет сюда и попытается оторвать вам голову. Если умен – обратится в Совет, и нам пришлют сюда эмиссара, который и будет разруливать ситуацию. Мне полагается конфетка за сообразительность?

– Даже две, если ты угадаешь, кто будет этим эмиссаром.

– А у меня большой список знакомых? Если вы мне предлагаете угадать... Рамирес?

– Именно.

– Ну, тогда без проблем? Он ведь к нам хорошо относит-

ся?

– К тебе, Кудряшка.

Это «тебе» было так выделено голосом, что требовало пояснений. Я подняла брови.

– Слушаю?

Мечислав взял со стола пресс-папье из какого-то черного камня, повертел в пальцах, словно оно ничего не весило, и улыбнулся.

– Детка, ты ведь делилась с Рамиресом кровью?

– Ну да.

– И силой?

– Тоже верно. И что?

Ярко-зеленые глаза были серьезны и неожиданно печальны.

– Рамирес говорил со мной после того, как ты попала в больницу. Он хочет тебя, Кудряшка. Хочет так, что готов решиться на поединок, лишь бы ты принадлежала ему.

– Что?!

Я захлопала глазами, не в силах поверить в такую чушь. Что это вампиры о себе возомнили?! Я им что, переходящее знамя бригады соцтруда?!

– Да, радость моя, ты не ошиблась. Мы с Рамиресом говорили примерно на третий день, когда ты еще лежала в больнице, но твое состояние уже стабилизировалось и врачи перестали намекать на гроб с кисточками. Если хочешь, я пущу тебя в свои воспоминания.

Я покачала головой.

– Достаточно будет подробного рассказа.

– Как тебе угодно, лапочка.

Слова были вполне деловыми, но голос... Черт бы побрал этого вампира! Таким голосом не о делах разговаривать, а обещания в постели шептать! Я задрожала и покрепче стиснула кулаки. Ну почему он на меня так действует?! Это же нечестно!

– Я не желаю лишний раз пускать вас ко мне в голову, – отрезала я. – Расскажите словами.

– Рамирес пришел ко мне перед отъездом. И предложил уступить тебя за хорошую цену, если ты выживешь. Впрочем, если ты соберешься умирать, его бы тоже все устроило. Последняя кровь человека, смерть человека дает много силы.

– Как это мило с его стороны! Оборзели вы в натуре, господа вампиры!

– Ты ничего не понимаешь, Кудряшка?

– А что я должна понимать? Что меня и в грош не ставят?! Тоже мне открытие! Всегда знала, что хороший вампир – мертвый вампир! И упокоенный! А вы пока живы! И этот клыкастый паразит – тоже!

Мечислав смотрел на меня как на безнадежную идиотку.

– Кудряшка, попытайся хотя бы понять: что в тебе так привлекло Рамиреса?

– Вы мне это уже говорили. Моя *сила*. И что?

– Ты пока не понимаешь, насколько редок твой дар. Я знал о таких людях, но их было очень мало. Очень. Твоя *сила* заставляет меня оживать. Я чувствую себя почти человеком. А это редкое для нас ощущение, маленькая моя. Настолько редкое, что мы готовы просить, лгать, предавать и убивать ради него.

– И Рамирес подсел на это чувство? А вы? Вадим? Борис? По вам и не заметно! Да и с ними я общалась очень часто. И ничего не замечала.

– Разумеется, Кудряшка. Ты и не могла ничего заметить. Ничего ведь и не было.

– Не понимаю?

– По-настоящему, моя дорогая, на твою *силу* подсели только я и Даниэль. Вспомни сама, зайка, когда ты давала кровь Борису?

– Перед дракой.

– А Вадиму?

– После пыток, когда он был искалечен. Ну и что с того?

Я решительно не понимала, к чему ведет вампир. Сплошная головная боль! Хотя и очень сексуальная.

– У твоей *силы* есть любопытная особенность. Если твоя заемная *сила* идет просто на пополнение внутренних ресурсов или на восстановление организма, на нее не подсаживаешься. А в противном случае вампир становится просто наркоманом. Я это понял только сейчас. Рамирес – немного раньше. Не сомневаюсь, что, когда он приедет, он попросит

разрешения воспользоваться тобой.

– *Что?!*

Вот теперь я озверела. Что значит «воспользоваться»?! Я что, прокладка «олвейс» с крылышками или какой-нибудь крем для загара, чтобы мной пользоваться?!

– Ну, не тобой в физическом смысле, – даже не смутился вампир, – а твоей кровью. И твоей *силой* соответственно.

– Так пошлите его... позагорать!

– Не могу, Юля, просто не могу.

– Да неужели?

– Вампиры довольно цивилизованны, но именно эта... иерархия порождает массу проблем. Рамирес стоит на ступеньку выше меня. И даже не на одну. Во-первых, он старше и сильнее меня. Во-вторых, он служит Совету. И является официальным представителем закона на моей территории.

– Государство – это я. А кто не поймет, того мордой об стенку.

– Это во Франции, Кудряшка. А если я попробую сказать что-то подобное эmissару Совета, в моих владениях даже фундамента от той стенки не останется.

– Это печально. И что вы предлагаете нам делать в связи с этим фактом?

Вампир иронически поднял бровь.

– Нам, детка?

Я покраснела и разозлилась еще больше.

– А кому же еще?! Мне тоже не нравится играть с вами

в одной команде, но перспектива-то еще хуже! Как выбор между Сциллой и Харибдой – или как там звали этих тварюшек?!

– Обожаю образованных женщин.

– Не сомневаюсь, что вы пользуетесь взаимностью, – отмахнулась я. – Как хорошо, что я не испытываю к вам никаких чувств.

– Совсем никаких, любовь моя?!

Я дернулась от этих слов. *Любовь моя*. Так называл меня только один человек в этом мире. Даниэль. Мой любимый художник. Но он умер. А из чужих уст я этого слышать не хотела. Вспыхнувшая злость на судьбу перекрыла все каналы, по которым у меня проходили сдержанность и здравый смысл.

– Не любовь и не ваша! Еще раз так меня назовете – и в гробу я видела все ваши вампирские прибабахи! Уеду к чертовой матери на Канары, и разгребайтесь сами!

Мечислав изучал мое лицо, как препарат на предметном стекле, – осторожно и вдумчиво. Кажется, увиденное ему не понравилось.

– Прости, Кудряшка. Я увлекся. Должен был понять.

– Вот и постарайтесь больше так не делать, – я уже успокаивалась и могла рассуждать здраво. – Так что мы все-таки будем делать с вашим эмиссаром-наркоманом?

– Я сказал ему, что ты мой фамилиар и на тебе стоит еще одна моя Печать. Рамирес ответил, что ты наверняка смо-

жешь вместить и восемь Печатей.

– Читать так, что он бы вас просто прикончил рано или поздно?

– Скорее рано, чем поздно, Кудряшка, тут ты права. Я, разумеется, сказал, что ты еще не оправилась от болезни и потери любимого человека, сказал Рамиресу, что делиться своим фамилиаром просто невозможно, это все равно что дать взаймы руку или ногу, и сказал, что между нами все давно решено.

– То есть что я стану вашим полным фамилиаром? Я не хочу!

– А я и не прошу так много, малышка. Я прошу всего лишь восстановить первую Печать. Печать Тела, которая стерлась вместе с Печатью Даниэля!

– А не слишком ли мало просите? – мой голос был полон ехидства.

Вампир предпочел проигнорировать его.

– Да, ты права, Юленька, но вряд ли согласишься на две Печати – за две жизни.

– Действительно, – ехидство перешло в яд. – А вы уверены, что сможете воспользоваться моей любезностью? Если Рамирес сдерет с вас шкуру, вам будут пофигу все Печати мира!

– А на то есть ты. Я уже убедился, что ты неплохой дипломат, если сама того пожелаешь. Вадим многое мне рассказал. Рамирес будет судить честно, пока у него есть надежда запо-

лучить тебя в собственность – или, для начала, во временное пользование. Ведь если он убьет меня несправедливо, ты с ним не останешься, так, Кудряшка?

– Так. А другого пути нет?

– Я никогда не предложил бы тебе ничего опасного, если бы у меня был выбор. Но эту проблему рано или поздно надо будет решить.

Я закрыла лицо руками. Ультиматум ясен: или пнем по сове, или сову об пень. Хуже всего, конечно, мне. Как той птичке. Вполне вежливо и мило вампир дал понять, что он сможет отмазать моих родных, только если мы будем в одной упряжке. Если я, во всем повинуюсь его словам, буду приманкой для эмиссара Совета и дам поставить на себя еще одну Печать. То, что я не хочу иметь с данным вампиром ничего общего, в расчет не принимается. Но! Если я один раз пережила разрыв Печати, нет гарантии, что я переживу его и второй раз.

Мечислав словно подслушал мои мысли.

– Я совсем забыл сказать тебе, Кудряшка. Я считаю, что тебя удержала на этом свете только моя Печать. И не лгу. Связь со мной сделала тебя намного сильнее. Ментально, физически. Разрыв прошел более-менее безболезненно. Но тогда Печати были свежие. Что будет с тобой и со мной сейчас, если ты решишь настоять на своем и каким-то образом попытаешься освободиться, – я даже не берусь предположить.

Я зло глянула на него из-за пальцев.

– Мысли читаете?

– Нет. У тебя просто очень выразительное лицо.

– Я его руками закрывала! Интересно, зачем?

– Зачем, Кудряшка?

Тьфу!

Но решение было принято. Как всегда, потом я пожалею. Потом я буду орать, что можно было сделать лучше, потом я буду биться головой об стенку. Все потом! Сейчас мне надо было спасти Славку. Потом я выкину его из города и не пожалею. Поговорим с дедом и отправим его в Австралию овец пасти. Или в терновнике петь, все равно. Хотя второе можно и здесь устроить. Загнать его без штанов в ежевику и наслаждаться концертом. Ничуть не хуже получится. Но вытащить я его обязана. Хоть Славка и подонок, тварь и сволочь, но он когда-то был моим братом. И ради нашего далекого детства я помогу ему. Я отняла руки от лица.

– Я соглашусь. На своих условиях.

– И каких же, Кудряшка?

– Я буду изображать вашего фамилиара...

– Изображать, Кудряшка?

– Изображать, – надавила я голосом. – Но без всякого секса, без попыток подчинить меня себе и использовать втемную. Если я что-то делаю, я должна знать, зачем и к чему это приведет. Печать вы тоже получите. Клянусь. Но только после того, как Рамирес и этот Иван Грозный уберутся из

города, а мой брат и его пади останутся. Целыми и невредимыми. Я ясно выразилась?

– Вполне, детка.

Вампир выглядел просто свински довольным. И в мою голову закралась ма-аленькая такая мыслишка: а не плачу ли я тройную цену за лежалый товар? Но что я могла сделать? И как проверить правдивость вампира? Единственное, что мне оставалось, – это говорить гадости!

– Интересно, а почему я не могу рассмотреть второй вариант?

– Второй вариант, прелесть моя?

– Ну да! Из всякого безвыходного положения есть как минимум два выхода! Первый – играть по вашим правилам. Второй – немного лучше: я сейчас же связываюсь с Рамиресом и сообщаю ему, что согласна на все в обмен на отмазку для моих родных.

– Отмазку, Кудряшка?

– Ой, ну не надо прикидываться, что вы не знаете русского языка!

– Знаю. Но мне не нравится, когда ты пользуешься жаргоном. Это вульгарно. А за семьсот лет так или иначе приобретаешь хороший вкус.

– Вот интересно, а Рамирес тоже будет меня воспитывать?

Мечислав смотрел на меня с абсолютно непроницаемым лицом. Я продолжила развивать свою теорию.

– Ну да, я меняю шило на мыло, но если в вашем случае

у меня не будет никаких гарантий и вообще один раз вы меня уже подвели, то Рамирес может и выполнить свои обещания. А мне, в общем-то, все равно. Что один кровопийца, что другой...

Я искренне старалась поверить в это. И почти убедила себя. Почти. А потом Мечислав тихо рассмеялся. Короткий легкий смешок ветром пронесся по комнате, и я поежилась. Это было приятно, но я не люблю, когда вампиры начинают оттачивать на мне свои приемчики.

– Ты так не поступишь, Юля.

– Да неужели?

– Увы, Кудряшка. Тебе очень хочется развязаться со мной, но есть несколько веских причин не оставлять команду. Ты не знаешь, что из себя представляет Рамирес. А менять зло известное на зло неизвестное не в твоём стиле. Ты рациональна до мозга костей. Тебя так воспитали. Знаешь, одно удовольствие общаться с твоим дедушкой. Это же просто ходячий калькулятор! Вот кого я с радостью сделал бы вампиром. Но он сам не желает с нами связываться. А жаль. Такой разум пропадает! И ты тоже просчитываешь все возможности. Пусть плохо, неуверенно, но лиха беда начало. Для такой девчонки, как ты, это просто невероятно. Миллионы других бились бы на твоём месте в истерике. А ты действуешь. Знаешь, иногда я тобой просто восхищаюсь. Но оставим пока эту тему. Вернемся к нашим подонкам. Так вот, Рамирес тебе не подходит, потому что ты его не знаешь.

И потом, тебе хочется жить здесь, в этом городе. Ты сентиментальна, любовь моя.

На этот раз я уже не дергалась. Только посмотрела злыми глазами.

– Не смейте называть меня так! Я же вас просила! И вообще я вам не принадлежу!

– Прости, Юля, я позабыл о твоей просьбе.

– Так постарайтесь впредь не забывать! Или у вас хватит наглости утверждать, что вы влюблены по уши?

По красивым губам скользнула медленная ленивая улыбка, открывая клыки.

– О нет, Кудряшка. Я желаю тебя. Но не люблю. Пока не люблю.

– Это взаимно.

– Прелесть моя, ты даешь мне надежду!

– Пойдите вы к черту!

Улыбка исчезла, словно ее ластиком стерли.

– Может быть, я там и буду. Неважно. Важно то, что ты не желаешь расставаться со своей семьей. А если вдруг решишь остаться с Рамиресом, тебе придется отправиться в Европу. И жить среди чужих людей, чужой жизнью. Ты сможешь так поступить, я знаю, ты справишься, но, Кудряшка, полученное не будет стоить твоих затрат! Твои родные, увы, смертны. И с годами не делаются моложе.

– Это верно, – вздохнула я.

Мечислав был целиком и полностью прав. С тех пор, как я

осознала, что мне предстоит достаточно долгая жизнь – лет так в пару тысяч, если, конечно, раньше не прибьют, – я стала очень ценить каждую минуту, проведенную с родными. И одно дело – жить в соседнем подъезде, зная, что в любой миг можешь позвонить или прийти к ним, и совсем другое – у черта на рогах, зная, что будешь видеть их раз в год. А зная Рамиреса, я готова поспорить, что он будет искать предлоги, чтобы держать меня под контролем. В этом отношении Мечислав – лучший вариант.

– А третья причина?

– Третья, Кудряшка?

– Вы сказали, что причин несколько. Несколько – это минимум три. А вы мне перечислили только две. Я действительно не хочу уезжать из города и считаю, что убытков от союза с Рамиресом больше, чем выгоды. Как в материальном, так и в духовном плане. А что третья?

Мечислав улыбался мне. И я в очередной раз подумала, что красивее мужчины еще не видела. Жаль только, что у нас никогда ничего не будет.

Ничего личного. Я могу отдать и душу, и тело, но и взамен я хочу получить не меньше. А Мечислав заберет все – и я останусь в пустоте и темноте. Я не хочу любить вампира, который давно расстался со всеми человеческими чувствами.

– Третья причина, Юленька...

Голос вампира, мягкий, вкрадчивый, ласкающий, наполнил комнату образами и вызвал в памяти ощущение шелко-

вых простыней на коже.

– Она действительно есть. Ты не любишь меня. Признаю. Но тебя тянет ко мне. Тянет так сильно, что ты бежишь куда угодно, лишь бы не уступить своему желанию.

Я даже не заметила, когда он оказался рядом. Неожиданно теплые руки скользнули по моим плечам.

– Ты желаешь меня, Кудряшка. Я ощущаю твоё желание на кончике языка. И обещаю тебе, что секс будет потрясающим. Между нами не может быть ничего несовершенного...

Чёрный локон скользнул по моему лицу. Запах мёда и экзотических цветов дурманил, опьянял, заставлял забыть все на свете. Нежные губы на миг прижались к щеке и виску, к отчаянно бьющейся жилке... Так просто! Повернуться – и ответить на поцелуй. И больше не будет ничего плохого, ничего страшного, ничего уродливого... Мой мир будет прекрасен и спокоен. Мне больше не потребуется быть сильной и что-то решать. Все сделают за меня... Все так просто и прекрасно...

Юля! Очнись, черт тебя дери!

Я вылетела из кресла так, словно за мной черти гнались. Мечислав даже и не подумал меня останавливать. Он опирался на спинку кресла и смотрел на меня с непроницаемым выражением лица. Красивая золотая маска. Как же мне сейчас хотелось двинуть его в глаз! Но ввязываться в рукопашную с этим вампиром?! Да никогда! Мне что, жизнь не дорога?! И все же я должна как-то ответить на его выходку.

Я спокойно подобрала с пола свой пиджак, сложила его на кресле, подняла сумку и положила ее рядом. Хотела на стол, но сработал старый принцип: сумку, ключи и шапку на стол не класть. Стол! Ага! А вот и оно!

Я медленно подошла к столу, взяла в руки вазу – и что было сил швырнула ее в голову вампиру.

Разумеется, он увернулся. Ваза грохнулась об дверь и разлетелась на сотни сверкающих стеклянных звездочек. Розы рассыпались по полу. Вода расплылась большим неаккуратным пятном. За вазой последовали чернильный прибор и какая-то книга. Я искренне надеялась, что хотя бы чем-то попаду в вампира, но Мечислав увернулся от всех снарядов и стоял теперь гораздо ближе ко мне, такой же спокойный и совершенный, как я пятью минутами раньше!

– Я ясно выразилась?! Никогда не смейте так делать! *Никогда!!!*

Если Мечислав и принял мое предупреждение всерьез, то вида не подал.

– Кудряшка, ты просто очаровательна, когда так злишься.

– И теперь вы будете злить меня каждый день, чтобы я стала самым совершенством?!

– А ты согласна видеться со мной каждую ночь?

Голос вампира, мягкий, чуть ироничный, теплый, как легкий летний ветерок, обволакивал меня со всех сторон. Это было как летом, когда выходишь из дома – и всей кожей чувствуешь мягкое, ласковое солнечное тепло. Голос Мечисла-

ва всегда был одним из его лучших номеров. Ему бы в цирке с ним выступать! И я, как всегда, ответила шуткой на откровенное предложение.

– Каждую ночь?! Ну нет! Я девушка честная!

– И в чем это выражается, Кудряшка?

– Не могу работать героиней для вампиров, – ляпнула я.

Мечислав согнулся вдвое в приступе дикого хохота.

– Юля, ты неподражаема!

Я кисло смотрела по сторонам, прикидывая, что бы еще расколотить. Увы. Не мог этот чертов вампир заpastись еще парочкой ваз?!

– Ладно, – проворчала моя неподражаемость. – Концерт окончен?

Мечислав склонился передо мной в шутливом поклоне.

– Как прикажете, королева моя. Вы желаете отправиться домой или отдохнете прямо здесь?

Я захлопала ресницами.

– Да как вам могло в голову прийти, что я по доброй воле останусь вблизи от вас на большее время, чем необходимо?!

– Какая ужасно длинная и корявая фраза.

Я закатила глаза. Еще бы, не мне соревноваться в остроумии с семисотлетним вампиром. Я вообще не тот ребенок. Слишком серьезный и отрешенный от мира. Поэмы того же Есенина для меня гораздо интереснее, чем реальная жизнь, особенно с недавних пор.

– Я хочу попрощаться с братом и его девушкой и отправ-

люсь домой.

Мечислав перестал развлекаться и кивнул.

– Как прикажешь, Кудряшка. Вадим тебя отвезет.

– Вызову такси.

– Нет.

– Это еще почему?! – не поняла я.

Мечислав закатил глаза, изображая ужас от моей тупости.

И объяснил:

– Потому что до рассвета еще очень далеко, потому что ходить по улицам ночью – небезопасное занятие для одинокой девушки, потому что ты мой фамилиар, наконец, и я не желаю лишиться ценного имущества из-за глупой случайности.

– Я не ваше имущество!

– Прости, детка, я оговорился.

– Ага, я поверила.

– Пойдем, я провожу тебя и отдам Вадиму распоряжения. – Вызовите Вадима к себе и не шляйтесь за мной хвостом! Я уже устала. У меня были длинный день, длинная ночь и тяжелые разговоры. Больше всего мне хотелось упасть в кровать и отключиться. Но разве дадут?

– Твоих брата и сестру уже перевели в другую комнату.

Та – предназначена для допроса.

– Однако... А как у вас выглядит пыточная?

– Желаешь совершить экскурсию?

– В следующей жизни.

– Хорошо. Временно отложим этот вопрос. Идем?

Я подняла с пола пиджак и сумку.

– Позвольте, госпожа, – вампир взял из моих рук пиджак и встряхнул его, как будто пыль выбивал.

Я послушно просунула руки в рукава. Теплые пальцы скользнули у меня по шее, заставив кожу покрыться мурашками.

– Ты действительно желаешь уйти отсюда, Кудряшка?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Я! Хозяйка! Своего! Тела!

– Желаю и уйду!

Голос был чуть более хриплым, чем обычно, но кому какая разница?!

Мечислав чуть поклонился. Скорее даже обозначил поклон.

– Желание дамы для меня закон.

– Когда оно совпадает с вашими желаниями, – огрызнулась я.

– И это истинная правда, Юленька.

Я решительно взяла сумку.

– Проводите меня, или мне искать дорогу самостоятельно?

– Разрешите? – Мечислав взял меня под руку.

Сперва я хотела выдернуть локоть, но потом передумала. Поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Я уже согласилась на большее, какой же смысл сейчас спорить из-за ме-

лочей?

– Мне необходимо будет вернуться сюда завтра ночью?

– Не знаю, Кудряшка. Может быть, не завтра, может быть, не сюда. Все зависит от Рамиреса. Но встречаться с ним мы будем в «Волчьей схватке».

– Нет!

Слово вырвалось у меня почти стоном, но вампир понял. Он остановился, крепко обнял меня и прижал к себе. Без намеков на секс, просто так, для утешения. Не иначе как в лесу последний медведь сдох. Вампир – и человеческие чувства? Чушь!

– Мне очень жаль, Кудряшка. Если бы мог, я бы избавил тебя от этого. Но мой клуб – самое защищенное место в городе. Здесь мы пока не в полной безопасности, а если с Рамиресом что-нибудь случится на нашей территории, мне будет легче сразу повеситься.

– Если бы повешение на вас подействовало, я бы вам и веревку намылила, – проворчала я, уткнувшись носом в его плечо. Мечислав ласково гладил меня по волосам, перебирал их пальцами, вторая его рука неподвижно лежала у меня на спине.

– Я понимаю, что это для тебя значит, малышка. Если будет хоть какая-то возможность, я избавлю тебя от этой боли.

И я поверила вампиру. Зря, наверное. Хотя... почему зря? Хороший хозяин заботится о своем имуществе. А я, как ни крути, его фамилиар. Что-то вроде стола или стула, только

дороже стою. И пока не могу ничего изменить. Увы.

Славка и Клара вполне прилично чувствовали себя, сидя в большой комнате, отделанной в черных тонах. Черный ковер, полосы черных обоев с белыми лилиями перемежаются с негативами, потолок тоже выкрашен в черный цвет и лампа в черном абажуре заливает комнату сумерками. Здоровенная кровать накрыта черным покрывалом, и по ней разбросаны белые подушки. Такие же, как и на ковре. Маленький столик выкрашен в белый цвет. В вазе черного матового стекла – белые лилии. Запах был просто непереносим в закрытом помещении.

Хотя... Не мне здесь мучиться, а Славка еще и не такое заслужил за все свои идиотства!

– Как уютно! – съязвила я. – Бурный полет воображения! Действительно, комната была на редкость неуютной. Стильной – да, элегантной – возможно, в этой комнате можно было заниматься сексом, но вот просто посидеть на ковре с пакетом чипсов – этого я себе представить не могла. Хотя пади была здесь не то чтобы на месте, но соответствовала. А Славке было, по-моему, безразлично, где и как, лишь бы с Кларой рядом.

– Если тебе что-то не нравится, Кудряшка, обставь эту комнату по-своему, – предложил Мечислав, отвлекая мое внимание. Вот уж кто смотрелся здесь на своем месте.

– Еще чего не хватало! – огрызнулась я. – Вы отделяли эти комнаты, чтобы создать достойную оправу для себя. Мне

же в вампирском логове делать нечего!

– Слова-то, слова-то какие! – пробормотал Вадим, стоящий у двери в позе стойкого оловянного солдатика.

Насколько мне известно, он мог так простоять всю ночь. Даже не дыша. А если бы я подошла послушать, я уверена, сердце у него тоже не билось бы. Как-то сам Вадим объяснил мне эту особенность вампиров.

«Люди – теплокровные – сказал он, разглядывая свои ногти и на миг замирая живой статуей. – Им нужно дышать, разгонять кровь и кислород по венам. Мы в этом не нуждаемся. И можем позволить себе отдохнуть. Знаешь, как змеи замирают на солнце? Они греются. А мы расслабляемся душой и телом. Хотя бы пару секунд, прежде чем нас опять подомнет окружающий мир. Он ведь бывает очень и очень жестоким... Алкоголь на нас не действует, наркотики тоже. Так как же расслабляться бедным кровопийцам? Только медитацией!»

Из всех моих знакомых вампиров только Вадим шутил на эту тему. Хотя он всегда шутил. В этом отношении мы оказались очень похожи. Всегда готовы посмеяться даже над господом Богом, буде таковой явится на вечеринку. Только у Вадима под смехом всегда чувствовался какой-то надлом. У меня в последние полгода – тоже. Так что я его не судила. Мы смеялись, чтобы не расплакаться. Кто предпочитает играть на публику, соплями вызывая жалость, – киньте в нас камень. И не плачьте, когда он полетит обратно с добавкой.

– Какие собеседники, такие и слова, – парировала я.

– До сих пор с умилением вспоминаю, как ты общалась с тем алкоголиком, – согласился Вадим.

Я фыркнула. Ну общалась. И что?! Когда к тебе в половине второго ночи ломится вдрабадан пьяный сосед по лестничной клетке, перепутавший двери, найдешь такие убедительные слова, что и Цицерону не снилось. Хотя я их недолго искала. У меня на тот момент были Вадим с Борисом. Они за две минуты скрутили алкоголика, вынесли дверь в его квартиру, как следует отпинали его, все там погромили и оставили тушку на пороге. Утром сосед ничего не помнил, но был уверен, что сам разгромил все по пьянке. Ремонт не закончился до сих пор. Но пить сосед перестал.

– Понравилось? Могу научить! Недорого возьму!

– А скидку по старой дружбе?

– А доплату за вредность?

– Юля... – решил обратить на себя внимание мой братец.

Мы с Вадимом обернулись к нему с одинаково недовольными физиономиями.

– Ну? – открыл рот Вадим.

– Мы остаемся здесь? – уточнил братец.

– А куда вы денетесь, – вздохнула я. – Князь города любезно согласился предоставить вам пищу и кров на ближайшие несколько дней до разрешения ваших проблем.

Мечислав улыбнулся так, что стало ясно: ни о какой любезности речи не идет.

– И что мы будем за это должны? – подала голос Клара.

– За вас заплатили. Щедро, – Мечислав смерил ее насмешливым взглядом.

– Юля?

Я закатила глаза. Развели идиотов, отстреливать некому! Самой, что ли, взяться за это дело? Так ведь свихнешься на третьей тысяче!

– А что, у меня был выбор?! Ты, Славик, козел и гад последний, а проблемы твоей подружки меня и вовсе не касаются, но дедушка не одобрил бы, что я бросаю тебя там, где можно спасти без особого для себя ущерба.

Я очень рассчитывала, что или братик, или Клара станут в позу и провозгласят: «Если это так сложно для тебя – не обременяй себя нашими хлопотами!» Тогда я удрала бы отсюда быстрее ополоумевшей газели. Но разве от них дождешься? Из Славки гордость выбили за годы странствий, а что до Клары... Гордые пади долго не живут. Даже извиняться за доставленные неудобства не стали, паршивцы!

– Вадим, сейчас ты пойдешь, найдешь Бориса и пришлешь его сюда – охранять этих искателей приключений. Сменишь его через четыре часа. И распорядись, чтобы за час до рассвета тебя сменил Василий. Пусть охраняют пополам с Андреем. Кстати говоря, Людмила сегодня пришла в клуб.

– Кто такая Людмила? – тут же влезла я.

– Это моя любимая закуска, – тут же ответил Вадим. – Ты бы видела, какая у нее грудь! А ноги... И чертовски соблаз-

нительная артерия в паху.

– Познакомишь – увижу.

– Обязательно познакомлю.

– А эта Людмила – она человек?

– Оборотень-тигр.

Вадим выглядел при этом настолько невинным... Знай я его чуть похуже – подумала бы, что они Омара Хайяма под одеялом читают. По ночам. В оригинале.

– Ну да, понятно...

– Мои оборотни делятся кровью вполне добровольно, Кудряшка.

– Добровольно-принудительно?

– Ты меня обижаешь, Юля! Разве я похож на тирана?

– Нет, – огрызнулась я. – Вы похожи на порнозвезду!

– Считаю это комплиментом, лапочка.

Я хотела еще раз огрызнуться, но что толку?! В стычке с Мечиславом мне не выиграть.

– Ты еще здесь? – вампир с искренним удивлением посмотрел на Вадима.

– Он боится, как бы я вас со злости не покусала, да, Вадик?

Вадим предпочел исчезнуть. Только пыль столбом взвилась.

– Кудряшка, я готов разрешить тебе все, что только пожелаешь. Кстати, а у тебя есть привычка кусаться? Хотя что я спрашиваю. С таким взрывным характером ты должна быть

просто дикой кошкой в постели.

Вампир так откровенно раздевал меня глазами, что стало неловко. И одновременно меня потянуло к нему! Ну что ж это такое! Я знаю, что связь с этим конкретным вампиром ничего хорошего мне не принесет, что он сволочь и гад последний, но стоит ему посмотреть на меня, и я плавлюсь не хуже сыра на сковородке.

– У меня есть привычка бить по яйцам особо настойчивых кретинов!

– Фи, как грубо! Такие слова из уст молодой девушки...

Я с наслаждением выматерилась, помянув всех родственников вампира и перебрал все их связи с людьми и животными, которые только могла вспомнить.

Вампир коротко рассмеялся, и я почувствовала себя душой. Я-то надеялась, что он сейчас будет мне высказывать и я смогу с ним погавкаться, но он смеялся, а что делать со смеющимся Мечиславом, я до сих пор не знала. Разве что поцеловать. Но это опасная дорожка. И лучше держаться от нее подальше.

– Кудряшка, ну разве я могу с тобой расстаться? Ты всегда можешь заставить меня улыбаться. А это очень ценно. Особенно для меня.

Я покривилась.

– Купите себе цирк с клоунами. И развлекайтесь на здоровье.

– Зачем тратить время и силы, если ты уже здесь?

Достойно ответить я не успела. Вернулся Вадим.

– Все сделано, шеф.

– Тогда проводи моего фамилиара – и можешь располагать своим временем.

– В соответствии с вашими распоряжениями, – ехидно вставила я.

Вампир даже не заметил иронии.

– Разумеется, детка.

Я вздохнула. А чего я еще могла ожидать?

Вадим мягко положил руку мне на плечо.

– Идем?

– Идем, – вздохнула я. И повернулась к Князю города. – До скорой встречи, Мечислав. Не сомневаюсь, вы знаете, как со мной связаться.

– Я – знаю. Ты тоже запиши мой номер сотового телефона, – Мечислав продиктовал мне девять цифр.

Я послушно вбила их в память, сделала дозвон и кивнула.

Не знаю зачем, но вдруг да понадобятся?

– Мой фамилиар обязан знать этот номер.

– И бегать, как собачка с колокольчиком, по первому звонку, – окрысилась я.

Вампир улыбнулся мне, не показывая клыков. Нежно и ласково. И провел взглядом по моей фигуре, как будто оценивая и раздевая. Я почувствовала, как запыльхали уши.

– Тебе бы пошел ошейник с колокольчиком. Бриллиантовый. Один ошейник, и больше ничего.

– Леоверенские в неволе не размножаются, – отрезала я.
Теперь горели и щеки.

– До скорой встречи, Кудряшка.

Я развернулась и вышла, даже не попрощавшись с братом.
Ну и черт с ними со всеми!

Устала я так, словно на мне всю ночь черти ездили.

Пока мы оставались в пределах видимости Мечислава, Вадим еще соблюдал какие-то правила игры. Но стоило нам выйти из клуба, как он крепко обнял меня за плечи и развернул к себе.

– Устала, Юленок?

– Чертовски, – призналась я, утыкаясь лицом ему в плечо. – Вадик, как хорошо, что хотя бы с тобой не надо играть в эти кретинские игры!

Вадим махнул рукой, останавливая какую-то машину.

– Хочешь, я побуду с тобой, хотя бы до рассвета?

– И навлечешь на себя недовольство Людмилы? Я не рискну!

Вадим фыркнул, но даже в этом коротком звуке явственно прозвучало облегчение. Если я могу шутить, пусть даже неловко, нелепо, значит, со мной все будет в порядке.

– А на чашечку кофе пригласишь?

– А ты пьешь... кофе?

Я сделала паузу, специально для вампира, но Вадим махнул рукой.

– Можешь напоить меня чаем или даже кока-колой. При-

гласишь?

– А куда я нафиг денусь с подводной лодки?

– Юлька, ты прелесть!

Машина тихонько урчала мотором, унося нас в ночную темноту.

* * *

Вампир был доволен.

Его игра началась. И началась так, как он хотел.

Фигуры расставлены на ключевые места.

Первый ход сделан.

И игроки, и пешки ведут себя вполне предсказуемо. А именно – так, как он просчитал. Его люди в городе отчитываются обо всем происходящем. Хорошо отчитываются, подробно. Даже подробнейшие. Большинство шпионов помогают ему добровольно. Человек – смешное существо. И то, что из него получается, вампир или оборотень, – ничего не меняет. Внутри все остается то же самое. Те же страстишки. Те же недостатки. И за них так легко дергать, как за ниточки...

Иногда подчиненные напоминали вампиру итальянских марионеток. Потянешь за одну ниточку – дернется рука. За вторую – нога. А дергать можно за все что угодно.

Ревность. Зависть. Месть. Неудовлетворенность. Только пляши пальцами по ниточкам. Посочувствуй глупцу, по-

обещай ревнивицу предмет его возжелания в полную власть, дай мстителю возможность поквитаться с врагом – и они будут целовать тебе ноги. Научись играть на людях, как когда-то на старинном клавесине. Хотя какой он старинный – рядом с вампиром, присутствовавшим при его изобретении?

Впрочем, это неважно. Важно то, что ему служат, и служат хорошо. Он не скупится ни на авансы, ни на обещания. Хотя выполнять все это...

Неважно. Шпионить – опасно. Даниэль осознал это на своей шкурке. Хотя так до сих пор и неясно, что он умудрился с собой сделать. Никогда же не был силен в магии, а тут вдруг...

И с любым разоблаченным шпионом будет то же самое. Обязательно будет. Да и после победы... никто не бессмертен. И даже вампира можно угробить, если постараться.

А пока пусть стараются его шпионы. Пусть очень стараются. А он будет выслушивать их доклады и координировать ситуацию.

Хотя пока и без его вмешательства происходит именно то, что ему нужно. Переговоры. Замечательная вещь, правда? Особенно когда принимающая сторона обязана гарантировать полную безопасность всем участникам. Или... могут быть самые разные последствия.

Вампир тонко улыбнулся.

Хороший шпион – это наполовину выигранная война.

Вторую половину вампир надеялся выиграть за счет своей хитрости и жестокости. Слишком уж Мечислав был... демократичен. Это его и подведет. Хорошему правителю ни к чему любовь подданных. Достаточно, чтобы его боялись. Очень боялись. Тогда и повиноваться будут как положено.

Правителю повинуются, когда он силен и жесток. С жестокостью у вампира никаких накладок не возникало. А вот сила... Если все пойдет по его плану, у него будет мощный ее источник.

Да, этот источник пока не слишком управляем, но тем интереснее будет подчинять этого человека своей воле. Существует множество методов. Уговоры, шантаж, принуждение, страх – все это вампир намеревался пустить в ход. И даже получить от этого немалое удовольствие.

И выгоду. С мощным источником силы он может попробовать даже войти в Совет.

Что может быть слаще власти?

Любовь?

Какая глупость!

Вампир даже передернул плечами, хотя уже очень давно приучил себя оставаться всегда холодным и спокойным. Что бы вокруг ни происходило.

Из-за какой-то гормональной реакции лезть в самое пекло, подставлять себя под удар, совершать поступки, полностью противоречащие здравому смыслу... фи!

И подумать только, что когда-то и он был таким глуп-

цом.

Смешно.

Что ж, жизнь вылечила его от этой нелепости. Теперь он может сосредоточиться на главном.

Мало кто знает, какое это изысканное наслаждение – играть людьми, как пешками на доске. И мало кто на это способен. Но даже у них порой процветают странные заблуждения. Какая-то совесть. Или – того хуже – справедливость! Ну вот что это такое, скажите на милость?! Или хотя бы покажите!

Где, где в жизни есть место этой справедливости?! Ткните пальцем!

Если бы все было справедливо, он сейчас был бы главой Совета. Он самый умный, хитрый и жестокий. И по справедливости должен быть самым сильным. Но это не так.

Пока...

А еще есть такая глупость, как «воздаяние за грехи»! Глупее этих слов вампир отродясь не слышал. Что, неужели у нас кому-то за них воздается?! Да никому!

Только тем, кто слишком глуп, чтобы вывернуться!

Ха!

Ему-то это не грозит.

Что бы ни произошло, он останется вне подозрений, как... ха-ха, жена того смешного мальчишки, Цезаря. Что самое смешное – жена именно того мальчишки украсила его ветвистыми рогами. И плевать хотела на его заслуги перед

Римом. Он тоже был не лыком шит и изменял ей направо и налево. Они друг друга стоили, но Помпея оказалась в проигрыше¹.

И где здесь справедливость?

Смешно.

Хотя... если она есть на свете – через несколько недель он станет одним из самых сильных вампиров.

И это будет просто замечательно.

Вампир улыбался холодной и жестокой улыбкой. Власть.

Что может быть привлекательнее власти?

Ничего.

И очень скоро она будет в его руках.

¹ Имеется в виду Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar) (100–44 до н. э.), римский государственный деятель и полководец. В начале 61 до н. э., покидая Рим и отправляясь на год управлять Дальней Испанией, Цезарь развелся с Помпеей из-за подозрения, что она была замешана в святотатстве. По этому поводу Цезарь, как сообщают, заявил: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений».

Глава 3

Гадости бывают разные – черные, белые и красные...

Оказавшись у меня дома, Вадим повел себя довольно странно. Он плюхнулся в кресло и уставился на меня. Сидел, смотрел и молчал. Как прокурор.

– На мне что, узоры выросли? – огрызнулась я на третьей минуте.

– Это я и пытаюсь выяснить, – честно признался Вадик. Я подчеркнуто тщательно осмотрела себя, перегнулась, чтобы поглядеть через плечо, и покачала головой.

– Ни узоров, ни цветов, ни рогов. Жду объяснений.

– Присаживайся, – вампир кивнул на второе кресло напротив.

Я решительно уселась на вертящийся стул перед компьютером и сцепила пальцы на затылке. Самая любимая поза, когда приходится говорить о чем-то серьезном.

– Ну и?

– Юлия, о чем вы разговаривали с шефом?

Как Вадим ни старался казаться спокойным, в его голосе прозвучала какая-то странная нотка. Как здоровенная хрустальная ваза с трещиной. Вроде бы все так и то, ничего не заметно, а звук не тот. Не тот, и все тут.

– Да ни о чем, – протянула я. – Заключили временное перемирие. Пока эта комиссия не уедет, будем изображать горячую любовь.

Из Вадима словно стерженок выдернули. Он расслабился и откинулся назад.

– Слава богу!

Я захлопала ресницами. Это до чего же надо вампира довести, чтобы он о Боге заговорил?! И что тут вообще происходит? А вот мы это сейчас и выясним! И фиг этот клыкастик уйдет отсюда, пока я не получу всю политинформацию!

– Колись, Вадик!

Вампир не стал строить из себя Зою Космодемьянскую.

– Юля, я понимаю, что тебе сложно согласиться, но Мечислав – он, в сущности, неплохой хозяин. Он умный, он не жесток, он не стремится причинять другим боль ради своего удовольствия...

– Может, хватит рекламы?! – зло перебила я.

Вампир поднял руку.

– Юля, позволь мне закончить. Мечислав – мой хозяин уже много десятилетий. Я привык к нему и не хочу никого другого. Сейчас я говорю с тобой откровенно, и, признаюсь, за этот разговор мне шеф может голову оторвать. Я очень надеюсь, что он никогда не узнает о нашей беседе.

– То-то ты меня все время Юлей называешь, – покривилась я. – Стараешься подчеркнуть, что сейчас говоришь со мной как лицо независимое?

– Вряд ли меня можно так назвать, – покривился вампир. – Но речь сейчас не об этом.

– И об этом тоже, – вздохнула я. – Не затягивай, Вадик. И называй меня так, как приказал твой хозяин. Ты ведь привык?

– Привык. Юля, ты действительно хочешь помочь шефу остаться в живых и сохранить пост Князя города?

Я на миг задумалась. Потом тряхнула головой.

– Да мне как-то все равно. Раньше мне вообще хотелось его убить, а сейчас, когда я его увидела... нет. Сейчас мне не хочется причинять ему зла. Хочется, чтобы он оставил меня в покое.

– Это тебе придется решать с ним. Но зла ты ему не желаешь?

– Не желаю.

Я прислушалась к себе – и поняла, что говорю искренне. Действительно, Мечислав поступил со мной и Даниэлем как порядочная сволочь, но сейчас я уже не была на него так отчаянно зла. Время действительно лечило раны. Я и не замечала, но в первую очередь дни и ночи выгоняли из моей души то, чему там места не было. Ненависти в первую очередь. Я никогда не умела ненавидеть. Особенно если ненависть была незаслуженной. Я отлично знала, что, если бы нам дали время, Мечислав вывернулся бы из кожи, снял последнюю рубашку и прошелся босиком по огню, только чтобы его друг остался жить.

Времени нам не дали. И виновных я отлично знала. Катя-ка, которой черт не велел заткнуться и утопиться в унитазе. Рамирес, который мог отложить решение вопроса на одну ночь до становления Мечислава в роли Князя города. И Елизавета, которую я... нет, не ненавидела! Это была не злость и не ярость. Это было холодное и спокойное желание убить. Медленно и мучительно. За каждую минуту страданий Даниэля. За каждую секунду. За каждый его крик боли. Только тогда я смогу отпустить призрак любимого человека на свободу. Только тогда.

– Я рад, что ты смогла переломить себя.

Я пожала плечами.

– Даниэль не хотел бы, чтобы я замкнулась в своей ненависти. Он не такой меня видел. Хотя и от мести я не откажусь. Но пакостить за спиной у Мечислава не стану. Можешь ему это передать.

Столетия тренировки позволили Вадиму сохранить спокойное выражение лица. И голос оставался ничего не выражающим. Но его ярость я ощущала по всей коже. Как пару сотен муравьев за шиворотом.

– Ты считаешь, что Мечислав попросил меня поговорить с тобой?

– Нет, – я покачала головой. Я действительно так не считала. Разговор затеян по собственной инициативе Вадима. Но, когда он вернется, Мечислав обязательно вытянет из него все подробности. В уме этому зеленоглазому не откажешь. Мо-

жет, потому что не блондин? Ох, опять меня не туда занесло. Я встряхнулась и решительно добавила: – Но, когда он спросит о нашем разговоре, скажи, что я не причиню ему вреда. *Ему* я мстить не стану.

Ярость Вадима стихала, уступая место раздумьям.

– А кому станешь?

– А это ни его, ни тебя не касается. Любовь была моя, боль и так моя, значит, и месть будет принадлежать мне.

Вадим знал меня достаточно хорошо, чтобы понять: я слов на ветер не бросаю.

– Юля, только будь осторожнее, ладно?

– Ладно. Так что ты хотел сказать?

– Юля, – бедный вампир чуть ли не заикался, произнося мое имя. Хорошо их Мечислав выдрессировал. – А к нам ты хорошо относишься? Ко мне, Борису, Валентину, Наде?

Я пожала плечами.

– Вы мои друзья. Как я могу относиться к вам плохо?

– Тогда, ради Бога, не спорь сейчас с Мечиславом! Неужели тебе так трудно хотя бы сейчас выполнять его просьбы? Ты и так его напугала, ничего страшного он тебе не прикажет...

В голосе вампира звучала такая тоска, что меня аж передернуло.

– Юля, это очень важно! Сейчас шеф должен быть в силе, чтобы встретить все атаки. Ослабевших зверей рвет их же стая. Мечислав должен будет если и не драться, то пройти

босиком по клубку королевских кобр. Если ты его не поддержишь, он не справится. И пострадаем все мы. Любой другой Князь города прежде всего разберется со мной и Борисом, как особо приближенными, потом возьмется за Валентина, потому что он слабый волп, что бы ты там ни говорила. А твоя подруга падет жертвой этой истории, потому что полезет в самый бурлящий котел. И сварится. Хотя тебя это вряд ли коснется. Ты ценное имущество, которое любой хозяин будет беречь и лелеять.

– Засохни! – Меня била крупная дрожь.

– Я могу заткнуться. А можешь ли ты заставить себя не думать?

Вадим попал по самому больному месту. Ну почему я не могу быть упрямой дурой?! Я всегда начинаю думать и просчитывать варианты. И не хочу, чтобы страдали мои близкие. Это героям мексиканского «мыла» простительно наворотить дел, а потом биться лбом об пол, уродуя паркет, и каяться так, чтобы с соседних крыш голуби падали от звукового удара. Не мог я, не хотел, не думал! Увы! А что им? Героев сценарист вытащит! А это – моя единственная и неповторимая жизнь. И спасти меня некому. Если что. Если кто. Если все пойдет под откос.

Я ведь не только сама утону, я еще маму и деда за собой потяну. И друзей. И это хуже всего.

– Иди, Вадик, – тихо сказала я.

– Юля, ты уверена?

– До свидания.

Вадим пристально посмотрел на меня, но решил не прерваться. И правильно. Я сейчас не в настроении. Могу и за дверь выкинуть.

Он ушел. А я легла, завернулась в одеяло – и сама не заметила, как уснула.

* * *

– А-а-а-а-а-а-а!

Дикий крик прорезал помещение. Я подскочила на кровати, озираясь по сторонам безумными глазами. Ночник освещал комнату, раскрашивая стены в мягкие болотно-зеленые тона. Как хорошо, что он есть. Я бы с ума сошла, проснись я в полной темноте.

Мне опять снился кошмар. Опять то же самое. Я смотрела со стороны на казнь Даниэля.

Мне никто не рассказывал. Никто и ничего. Но снилось всегда одинаково. А потом, спросив кое-что у Вадима, я увидела возмущение в голубых глазах: «Кто посмел рассказать?!» И поняла, что это не просто сны. Но разве от этого легче? Сознание выхватывает куски из ткани реальности, превращая мои сны в монстров. А монстрам все равно, чью душу рвать на части. И мне больно, так больно... А снится почти всегда одно и то же.

Я падаю в беспамятстве на услужливые руки Валенти-

на. Рамирес поворачивается к Даниэлю, и красивое лицо искажается под ударом злости.

– Вот и пришел твой конец, бездарный мазила!

Даниэль неожиданно спокоен. И это его спокойствие еще больше обозляет Рамиреса.

– Ничего не желаешь сказать?

Кривая улыбка на губах вампира.

– Тебе?

В одном слове уместается океан брезгливости. Серые глаза холодны, как осенние лужи. На лице Рамиреса появляется такая же ухмылка. Со стороны кажется, что вампиры пародируют друг друга, но я-то знаю, что это не пародия. Это поединок. Поединок черной зависти и черной ненависти Рамиреса – и полного спокойствия и любви к миру Даниэля. Рамирес отлично понял, что я такое. И в очередной раз возненавидел. Говорю – в очередной раз? Да. Этой ненависти много лет. С тех пор как двое вампиров оказались соперниками в борьбе за одну человеческую женщину. С тех пор как она пожертвовала собой, чтобы защитить любимого. С тех пор как выбран оказался не Рамирес, а Даниэль.

Иногда мне снятся воспоминания Даниэля. Это тоже мучительно, но не так страшно, как его смерть. Это воспоминание пришло одним из первых и прочно поселилось внутри.

Алая юбка, белый корсаж, маленькие босые ноги, выглядывающие из-под подола. Черные волосы вправе поспорить своим цветом с весенней замлей. В глазах навеки застыли

два кусочка неба. Женщина смотрит на кого-то.

*Я вижу ее лицо в нервных и раздраженных отблесках ко-
стра, но оно прекрасно даже при таком неверном освещении.
И меня охватывает чужая тоска. Как хороша эта женщи-
на была бы при свете дня! Но он никогда не сможет ее
увидеть в лучах полуденного солнца. Только представить,
как золотые пылинки окутают ее сияющим пологом и по-
влекут блестки в ее волосах в бесконечный танец жизни в
лучах солнца...*

– Ты меня не слушаешь, Дани...

*В голосе – ни грамма укора. Только бесконечная неж-
ность. И тепло. Эта женщина видит моего любимого та-
ким же, как и я. Прекрасным. И я не ревную. Он любил ее?
Любил. А меня? Тоже. Эти два чувства так схожи и та-
кие разные. Как и мы с этой женщиной. Но наше чувство
к Даниэлю одинаково. Любовь. Мы ведь видим его не клы-
кастым кровопийцей. Нет! Мы смотрим сейчас в его душу.
Она – снаружи, я – изнутри. Но видим мы одно и то же.
Бесконечную любовь к миру и к нам.*

*Мне незнаком язык, на котором они говорят, но слова
я понимаю. Понимаю вместе с Даниэлем, чьими глазами
смотрю.*

*– Я люблюсь тобой, – честно признается вампир. – Ты
так прекрасна...*

– Слишком прекрасна для тебя.

Этот голос мне тоже знаком. Женщина гневно взлетает

на ноги. Волосы ночным облаком взметываются вокруг лица, в глазах горят огни ярости.

– Тебя не звали к этому костру, непогребенный! Убирайся! Я оборачиваюсь вместе с Даниэлем. Поднимаюсь на ноги и отвешиваю поклон. Приветствие младшего – старшему. И в смысле возраста, и в смысле положения.

– Добрый вечер, Рамирес. Ты решил заглянуть к нам на огонек?

– Не к вам, – принимает вызов вампир. – К Марии.

– Заглянул? Можешь проваливать откуда пришел!

Мария определенно не настроена на долгие разговоры. И я понимаю ее ярость. Это был ее костер. Ее маленький островок наедине с любимым, с которым она может проводить так мало времени. Слишком мало... И вторжение чужого и неприятного ей существа воспринимается как вызов. Женщина шипит от ярости, как кошка, которую окунули в бассейн.

– Так грубо... Так некрасиво...

Слова похожи на змеиный шепот. Не шипение, а именно шепот. Если бы змеи заговорили...

– Не тебе говорить о красоте, – огрызается Мария. – Ты не знаешь, что это такое!

– Но я могу распознать ее, когда вижу.

На лице пришедшего нет такого восхищения, как у Даниэля. Ее любимый всегда мечтает показать ее красоту миру. Этот же – наоборот: только желание обладать. Чтобы

все принадлежало ему, и только ему. Красивая вещь, красивая женщина...

– Распознал? А теперь убирайся! Здесь тебе делать нечего!

Вампир вне себя от бешенства. Черные глаза обращаются в мою сторону.

– Мне не место? А ему?

– Не делай этого, – говорю я раньше, чем понимаю, что он желает сделать.

Но поздно.

Взмах рукой. Лезвие серого ножа, летящее в мою сторону. И – Мария. Бросившаяся между двумя вампирами. Защищает любимого, которому это не причинило бы вреда.

Лезвие проходит насквозь. И из ее груди брызжет фонтан ярко-алой крови.

Женщина запрокидывается назад и падает на руки Даниэля. Серые глаза встречаются с голубыми. Запах крови кружит голову, а боль разрывает сердце на части. Рамирес тоже рядом. Он склоняется над телом женщины. На его лице потрясение. Этого он никак не ожидал. Не зная, что бывает такая любовь, когда и босиком по углям пройдешь ... Когда все отдашь, чтобы у любимого не было ни царапинки. У нее была именно такая любовь. И в горячке любви Мария просто забывала, что Даниэль – вампир. Стоило им встретиться, и ничего уже не имело значения. Особенно такие мелочи.

– Зачем, Мария?!

И на губах женщины расцветает медленная и нежная улыбка. С усилием она поворачивает голову, поднимает руку и улыбается.

– Люблю тебя, Дани...

Имя остается недосказанным. Ласковое прозвище? Дани... Она всегда называла его этим именем.

– Я тоже люблю тебя.

Шепот сливается с шелестом ветра, уносящего душу женщины. Я поднимаю голову и встречаю бешеный взгляд черных глаз. Встречаю не дрогнув.

– Уйди. Она не хотела бы, чтобы ты знал, где ее могила. Этого удара Рамирес простить никогда не сможет. Потому что сказанное Даниэлем – чистая правда.

Это воспоминание явилось ко мне одним из первых. Но я знала, где могила Марии. Даниэль не стал уносить ее с того холма. Он вырыл яму – и похоронил там очередную свою мечту. Положил ей на грудь несколько простых полевых цветов – незабудки. И никогда не забывал. Даже сейчас, если мне захочется, я могу поехать в Польшу, найти тот город и тот холмик и зажечь там костер. В ее память. И видит Бог, когда-нибудь я это сделаю. Потому что, в отличие от Марии, я свою любовь убереечь не смогла.

Иногда я задавалась вопросом: что нашел во мне Даниэль? После нее. Потом мне становилось грустно. Даниэль видел меня такой, какой я могу стать. И стану! Обязательно! А

пока я не могу даже справиться с ночными кошмарами. Мне опять пришлось досмотреть все до самого конца. Боги, как же я иногда ненавижу свою память!

– Неужели кому-то еще здесь интересны твои сомнительные откровения?!

Даниэль улыбается. На этот раз не криво и зло, а неожиданно нежно. словно солнышко выступило из-за туч.

– Женщине, которая любит меня, Рамирес. Любит так, как никто и никогда не любил тебя.

Терять особенно нечего. Почему бы и не ударить по больному? Это ведь даже не ложь. Все сказанное – чистая правда и оттого еще более непереносимая.

Лицо вампира искажается злобной гримасой.

– Любит?! Ха!

– Любит. И не только мое искусство. Любит меня таким, какой я есть. Со всеми моими достоинствами и недостатками. Любит так сильно, что я даже благодарен Вадиму, который не дал нам попрощаться. Она бы этого не вынесла.

Это правда. Не вынесла бы. Не смогла. И сейчас не могу. Потому что схожу с ума от горя и боли. Хотя боль не так сильна, как в реальности. Любимый мой...

– Ты слишком высокого о себе мнения.

– Не о себе. О ней. У меня есть право на последнее желание? Рамирес криво улыбается, показывая клыки.

– Как и всегда. Потребуешь, чтобы приговор привел в ис-

полнение кто-нибудь другой?

– Зачем? Я не стану лишать тебя такого удовольствия. Я требую предоставить нам двоим, мне и ей, пять минут уединения.

Вадим сдвигает брови.

– Ты не станешь приводить ее в чувство?

– Нет. Я же сказал: она не вынесет. Она хоть и сильная, но ей порядком досталось.

– И не причинишь ей вреда?

Даниэль нежно улыбается. И все понимают, что эта улыбка адресована лежащей без сознания девушке. А у меня захватывает дыхание от тоски. Любимый мой... Родной мой... Единственный...

– Никогда и никакого.

Валентин медленно направляется к трону.

– За ним есть небольшой коридор. Там вы сможете побыть вдвоем. Недолго.

Он кладет меня на пол и быстро уходит. Даниэль опускается рядом со мной на колени и нежно приподнимает мою голову. Хлопает дверь. Он знает: никто не подслушивает и не подглядывает. Его пальцы мягко обводят контуры моего лица.

– Прости меня, девочка. За любовь, за надежду... за все, что у тебя сейчас отнимают! Прости... Рано или поздно ты увидишь все это. И тебе опять придется простить. Ты простишь, потому что любишь. А любящее сердце огром-

но. Любящая душа способна вместить целый мир. Любящий человек по силе своей равен богам. Тебе не понравится то, что я сделаю, но, прошу тебя, дай мне шанс. Мой последний шанс, которого я не заслуживаю. Единственное мое оправдание – я слишком тебя люблю. И не смогу оставить просто так, одинокую и беспомощную, родная моя. Знаю, сначала мой подарок будет причинять тебе боль. Но потом ты обязательно поймешь. И кто знает, может, мне удастся когда-нибудь найти тебя, идя по этому свету. Я тебя слишком люблю. Слишком...

Даниэль вытягивается на полу рядом со мной. Руки его смыкаются вокруг моего неподвижного тела. И я плачу во сне. Плачу от неизбежной боли и неизмеримой нежности. Даниэль, Даниэль, любовь моя...

Вампир медленно подносит руку к своему горлу, проводит ногтем по сонной артерии...

Наши губы смыкаются – в последний раз. И я чувствую вкус нашей смешанной крови. Его – и моей. И вместе с кровью в меня льется что-то еще. Что? Не знаю. Или знаю?

Знаю. Слишком хорошо.

Жизнь.

Даниэль добровольно растает с жизнью, передавая мне все то, что составляет самую его сущность. Чувства. Мысли. Воспоминания. Таланты. Печатью Тела – и нашими душами. На мне только одна Печать Даниэля, но сейчас это не имеет никакого значения. Никакого. Ведь мы лю-

бим. Мечислав оказался плохим пророком, когда говорил о чувствах вампиров. Мы любим друг друга, Даниэль и я. И любовь захлестывает нас волной. И это большие любви Печатей. Превыше любых сил, подвластных вампирам. Сильнее землетрясений и наводнений. Две души сливаются в одну – и сила, которая высвобождается при этом, может дробить скалы и поднимать континенты из морской пучины. Но Даниэлю нужно не это. Сейчас, пока я без сознания, он управляет нашей энергией так, как мне никогда и в голову не пришло бы. Мы соединены так прочно, что разорвать наше объятие не представляется возможным. И я понимаю: теперь мы навсегда будем вместе. Не так, как этого хотелось бы. Но и не двумя душами, запертыми в одном теле. Нет, душа Даниэля уйдет туда, где находятся все они перед тем, как вступить на новый круг перерождения. А сущность – его Божий дар и часть его памяти – останется у меня. Во мне.

Потому что Даниэль любил так же сильно, как и я. Именно меня. И именно такую. Слабую. Не слишком красивую. Пока еще бессильную. Смешную и в чем-то нелепую. Беспомощную перед своим невесть откуда взявшимся могуществом. Любил без меры и без памяти. Потому что только любовь способна дать такую близость. Только взаимная любовь. И не только любил, но и чувствовал свою вину. За что? За то, что втянул меня в порочный круг. В этом Мечислав не солгал. Даниэль действительно хотел расплатиться мной за свою свободу. Он же не знал, что полюбит! И

вина требовала оплаты. Даниэль не хотел оставлять меня одну. Он уходил, но оставлял мне частичку себя. Драгоценную частичку. К моему сожалению, я не могла родить ему ребенка.

Кровь заливала мое лицо, я чувствовала, как вместе с нею уходит и его жизнь, и за дверью это тоже почувствовали. Но сделать ничего не успели.

Даниэль понимал, что его все равно убьют, но гораздо более медленно и мучительно. И решил расстаться с жизнью добровольно. Так и тогда, когда сам выбрал. И провести обряд нашего единения.

Когда дверь вышибли и к нам ворвались вампиры и оборотни, Даниэль был уже мертв. Забавно: обычно вампиры так быстро не умирают. Даже если им разорвут горло, они могут выжить. Но Даниэль сознательно остановил регенерацию. А вампиры есть вампиры. Можно запихнуть в реанимацию человека, но как реанимировать того, кому не нужен ни воздух, ни вода, ни пища... возможно, помогла бы моя кровь. Но причинить мне вред не разрешили Вадим и Валентин. И тогда Рамирес оттянул голову Даниэля назад – и полоснул ножом по горлу, отрубая ценный трофей.

Наши объятия – мои и Даниэля – не разъединяли.

Тело вампира само рассыпалось в прах, как только отсекли голову. И голова тоже.

И я закричала именно в этот момент. Когда черты любимого лица дрогнули и начали осыпаться серым пеплом.

Я потрясла головой, разгоняя дурноту. Сейчас будут три чашки кофе, чтобы разогнать остатки сна, горячий душ, чтобы кровь разбежалась по венам, и легкая прогулка. На улице уже рассвело, а дома мне сейчас оставаться нельзя. Иначе сон опять будет проигрываться перед моими глазами. А это больно. Я же живая!

Программа-минимум прошла на удивление хорошо. Кофе и горячая вода помогли почувствовать себя человеком, и я начала собираться. Куда бы сходить? На пляж? Глупо. Находилась уже. Сыта. По самое дальшее некуда.

В магазин? Неохота. Все равно мне ничего не нужно, а получать удовольствие от шопинга я так и не научилась. На мой взгляд, более вредного занятия и не придумать!

В кино?! А что?! Так, по крайней мере, я не останусь одна. Я буду среди людей и даже попробую не отличаться от них! Забыть все свои мучения, хотя бы на минуту. Получится? Вряд ли. Но притвориться можно.

Это я и сделала. Отправилась в кино. Шла по улицам, выматывая себя нарочито быстрой ходьбой, почти вбежала в кинотеатр и потребовала билет на ближайший сеанс. Кассирша посмотрела на меня как на чокнутую. Бывает, тетенька. Аж самой тошно! А куда деваться?

Я с трудом дождалась момента, когда наконец зрителей запустили в зал, и плюхнулась на мягкое кресло.

В зале почти никого не было. Человек десять, из них – три парочки и один пенсионер. Но фильм не заслуживал да-

же такой аудитории. Это была какая-то псевдокомедия. Хотя даже на «псевдо» она не тянула. Ну кто, кто, какая сволочь сказала американским режиссерам, что портить воздух в гостиной смешно?! Или что можно рассмеяться при виде того, как человек попадает в нелепое положение? Мне, например, такого человека только жалко.

Не стоит и говорить, что никакого удовольствия фильм мне не доставил. Единственный плюс был в том, что я немного отвлеклась. Но ненадолго. Следовало вернуться домой и немного поспать. До наступления темноты. После захода солнца я проснусь. Так же как и вампиры.

Вампиры...

Встретимся ли мы сегодня ночью с Мечиславом? Что-то подсказывало мне, что он не позвонит, пока не возникнет необходимость в пополнении его *силы* или пока не приедет Рамирес. Так что можно немного отдохнуть. Почитать, порисовать... И кстати, у меня берлинская лазурь закончилась! А если еще нет, то скоро закончится!

В итоге я зашла в специальный магазин для художников (да, есть и такой в нашем городе, при единственной художественной школе) и прикупила пару тюбиков с красками. А заодно, до кучи, пару кисточек потоньше. Я писала в той же манере, что и Даниэль, предпочитая не размашистые мазки кистью, а точно выписанные детали. А первое время, пока не приобрела самые простые навыки, кисточки у меня дольше двух недель не жили.

Иногда мне казалось, что я могу писать письма кистями, как каллиграфы древней Японии или Китая. И хотя прекрасно осознавала, что до Даниэля мне пока еще как пешком до Шанхая, но старалась. Я таскала в сумке блокнот с карандашами, я рисовала в парке, бесплатно раздавая свои рисунки, я пыталась остановить каждое красивое мгновение в своей жизни – и с каждым наброском получалось все лучше и лучше. Словно кто-то большой и очень добрый стоял за моим плечом, показывая и направляя.

Если бы Даниэль не подарил мне свой талант (свой дар от Бога?), я бы просто не смогла жить.

А в подъезде меня ждал сюрприз. Даже целых два.

Ну, свежие цветы в вазе мне уже приелись. Но теперь на площадке, где стояла ваза, меня ожидали еще и двое людей. То есть человек и оборотень.

Оборотня я отлично знала. Чтобы Надя дольше пяти часов обошлась без сводок с фронта? Да никогда! Я выключила мобильный телефон на входе в кинотеатр, так что подруга позвонила мне домой, а не застав, решила нанести личный визит. Я могу не ответить по телефону, но уж дверь-то обязательно открою.

Хвост даю на отсечение, так и было. Ее хвост, конечно.

А вот второй визитер был гораздо интереснее.

Это был тот сопляк, с которым я «познакомилась» на пляже. И как он только меня нашел?! Проследил, что ли?! Теряешь хватку, Юлечка! Хотя какая там хватка? Ее и не было

никогда! Так, игрушки на опушке.

– Привет, – махнула я подруге. – Как дела?

– А это ты мне расскажи, как у тебя дела, – Надя определенно нервничала, но виду не подавала.

Я хлопнула ресницами.

– Да все просто восхитительно. Наш общий знакомый бывает таким лапочкой, когда получает то, что ему нужно! Но об этом мы поговорим не на лестнице. – И я тем же тоном обратилась к юноше: – Что вам здесь понадобилось, молодой человек?

– Меня зовут Сергей.

А паренек не из пугливых. Жаль. Здесь ему это не поможет. Здесь ему вообще ничего не поможет.

– Да, вы мне вчера это уже говорили. И что?

– А как вас зовут?

– Это, мальчик, Юлия Евгеньевна, – вступила в игру Надя. – А теперь быстренько говори, что тебе от нее нужно, и исчезай куда подальше.

– И исчезну! – не дрогнул паренек. – Если телефончик оставите!

– Мой, что ли? – Надя покривилась. – Совращением малолеток не занимаюсь!

– А я геронтофилией не страдаю, – огрызнулся парень. – Иначе пошел бы в дом престарелых, а не к Юлии... Евгеньевне.

Последнее слово он произнес так, что стало ясно: еще па-

ра секунд, и он прекрасно обойдется без отчества. Мы с Надей переглянулись, и я махнула рукой.

– Мальчик, ну зачем тебе это нужно?! Я некрасивая, у меня плохой характер и куча знакомых с отвратительными привычками! Не говоря уж о том, что ты мне не нравишься.

– Это дело наживное. Главное, чтобы ты мне нравилась! – заявил юный нахал.

Я покатила со смеху.

– Правда, что ли, дать тебе телефон? Но учти, характер у меня и в самом деле богомерзкий.

– Это мы уже проходили, – отмахнулся Сергей. – Ты сейчас ни с кем не встречаешься?

– А если да, то что? – прищурилась Надя.

– Будем выяснять отношения, – спокойно заявил этот балбес.

Я представила, как это чудо без перьев отправляется выяснять отношения с Князем вампиров города, – и чуть слюной не подавилась. На такое представление я бы билеты продавала! ИПФ точно купили бы! Даже по тысяче долларов за место на галерке. Под стулом. Рядом булькала Надя, представляя себе, видимо, то же самое.

– Деточка, – наконец выдавила она, – если ты отправишься выяснять отношения с человеком, который пытается ухаживать за Юлей...

– Помолчи, – оборвала я ее. – Может, еще объявление в газету дашь?!

– А что, хорошая идея!

– Записывай номер, – бросила я Сергею.

Выбора у меня просто не было. Надя определенно собиралась свести меня с этим молодым человеком. Или свести с ума – на выбор. Я выбрала первое. И решительно повернула ключ в замке.

– Можешь позвонить мне сегодня. Но не раньше восьми вечера. Я днем отдыхаю. До свидания. Заходи, сводня несчастная!

Надя, весьма довольная результатом своих действий, проскользнула в дверь. Я прошла за ней и щелкнула замком перед самым носом Сергея.

– А теперь объясни, зачем тебе это понадобилось?

Надя даже и не подумала смущаться.

– Я решила, что сейчас, когда ты опять начала тесно общаться с вампирами, понадобится какой-нибудь противовес. Мечислав – сволочь порядочная, через пару месяцев ты сама поймешь, что этот парень послужит хорошим буфером между вами.

Спорить я не стала. Просто кивнула подруге на кресло в гостиной.

– Присаживайся. Сейчас сделаю кофе и расскажу, что и как было.

Надя расплылась в улыбке, даже не пытаясь отрицать очевидное. Думаете, она за меня беспокоилась?! Фигушки! Ее любопытство грызло!

– Любопытство раньше тебя родилось, – проворчала я, отправляясь на кухню.

Но кофе заварила быстро. Мне тоже хотелось поделиться с подругой наболевшим.

Слушать Надя умела как никто другой. Когда я закончила, она некоторое время сидела молча, а потом кивнула.

– Пока все идет лучше, чем я думала.

Я не стала спорить. Лучше? Несомненно. Но...

– Мечислав достаточно умен, чтобы не давить на меня...

– Ты хочешь сказать – сразу, – подхватила мысль подруга.

– Именно!

Надя почесала кончик носа.

– Слушай, если уж говорить об обмене шила на мыло, то Мечислав – действительно отличный вариант. Я такого не слушалась от парней и девочек – в дрожь бросает! Кстати, и про Рамиреса тоже.

– А вот с этого места поподробнее. – Я поерзала в кресле и приготовилась слушать.

– Тут особенно подробно и не расскажешь. Жесток, как и все вампиры. Стар. Очень умен, иначе не достиг бы своего нынешнего положения. Коварен. Способен на любую подлость, чтобы добиться своей цели. И вместе с тем может заиграться. Понимаешь? Не способен контролировать свой азарт, если на кону стоит что-то очень большое.

Я вспомнила серое лезвие, летящее в горло Даниэлю. Вспомнила бросившуюся наперерез Марию – и ярко-алую

кровь. Людям она кажется черной в темноте. Вампиры же хорошо различают цвета даже в полном мраке.

– Я понимаю. Это все?

– Практически. Осталось сказать, что в постели он предпочитает голубоглазых брюнеток и плетки. И у него никогда еще не было фамилиара.

Я кивнула.

– Спасибо, Надюш. Это все?

– Это, пожалуй, все. О Рамиресе. Теперь о твоих прибудышах.

– Что?

– Сегодня ночью Мечислав обратился к Валентину с официальной просьбой взять твоего брата и его пади под временное покровительство стаи, до рассмотрения их дела.

– И что это значит?

– Что Клара может произвести хорошее впечатление на вольпов. Что твой брат может выбрать для себя инициацию, если пожелает. Что они, пусть и неофициально, становятся частью нашей стаи, так что против стаи Ивана Тульского будут свидетельствовать уже не только твои уроды. Если мы увидим, что Клара пострадала без вины, мы поддержим ее. Но только в этом случае.

– Спасибо.

– Не меня благодари. Мечислава и Валентина.

– Поблагодарю, – огрызнулась я. – Или ты думаешь, они о себе не напомнят? Особенно вампир. Еще кофе будешь?

Но сбить Надю с темы не удавалось еще никому.

– Валентину ты позвонишь быстро и с удовольствием. Это я знаю. А своему вампиру?

– Он не мой.

– Верно. С точки зрения нашего закона, скорее, ты его. И все же?

– Сегодня вечером, – вздохнула я.

– А почему так печально?

– Потому что это подразумевает еще один личный визит, – вздохнула я. – Думаешь, я не понимаю?

– Отлично понимаешь. Но не хочешь.

– Не хочу. Надоели все эти танцы с вампирами. Придется звонить Вадиму, осведомляться о местонахождении его шефа в такое-то время, потом ждать, пока он обо всем доложит Мечиславу... Занудство!

– Зато живем и здравствуем!

С этим спорить было сложно. ИПФ не дремало.

Узнав все, что хотела, Надя начала откланиваться. Я ее особо не удерживала. Закрыла дверь и набрала номер Валентина.

Оборотень снял трубку почти сразу.

– Да?

– Валентин? Привет! Это Юля!

– Привет, Кудряшка.

Я покривилась, но смолчала. Что поделать! Из всех вампиров и оборотней, которые хоть кончиком ногтя зависели

от Мечислава, называть меня по имени осмеливалась одна Надюшка. Валентин – только иногда. Но я и это ценила.

– Я тебя не разбудила?

– Да нет! Часом бы раньше я тебя пригласил присоединиться, а сейчас я даже душ принять успел!

– В следующий раз позвоню в шесть утра, – фыркнула я. – Но сейчас я звоню, чтобы поблагодарить.

Голос вожака стаи мгновенно посерьезнел.

– За это можешь поблагодарить Князя города.

– Поблагодарю. Но и тебя тоже. Ты ведь мог отказаться!

– Юля, это твои родные. А я тебе кое-чем обязан.

– Довольно! – вскипела я.

– Слушаюсь, Кудряшка.

– Сволочь ты все-таки, – задумчиво протянула я.

Уныние в голосе оборотня мгновенно сменилось на сдержанный смех.

– На том стоим, солнышко.

– И уши у тебя холодные, – тем же задумчивым тоном продолжила я.

– Теплые! Хвостом клянусь!

– Не верю!

– Мой хвост! Я смертельно оскорблен! А проверить хочешь?

– Хочу, – засмеялась я.

– Ну, тогда приезжай на тренировку!

– К оборотням?! Да я комплекс неполноценности наживу!

Тебе меня не жалко?

– Тебя? Не жалко!

– Нахал!

– Чья бы корова мычала!

– погоди, я тебе при встрече покажу корову!

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Я улыбалась. Валентин – лапочка. С ним поговоришь – и уже настроение прет вверх, как курс доллара.

– Ладно. Когда и во сколько?

– В спортзал. К двум. Идет?

– Договорились.

Я бросила взгляд на часы. Только одеться и доехать. В са-
мый раз.

– До встречи?

– До встречи.

Я хлопнула трубкой о рычаг. Поднимать ее совсем не хотелось. Я могу быть кем угодно... но! Быть неблагодарной тварью мне вовсе не хотелось. Меня не так воспитывали!

Я угрюмо вздохнула и набрала номер телефона Вадима.

– Алло, это Вадим Соколовский. Меня сейчас нет дома, но, если вы оставите сообщение, я отвечу на него, как только захочу. Говорите после гудка.

Я фыркнула. Ну никакой серьезности у вампира. Нет бы замогильным тоном вещать что-нибудь типа: «Смертный! Ты позвонил самому...» Этого от Вадима не дождешься. Он, как и я, твердо уверен, что если посмеяться над ситуацией,

то она устыдится и исправится.

– Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок Владимир ибн Мечислав, да будет благословенно и имя твое, и дом твой, и ты сам поленом осиновым по лбу три раза, – завелась я после гудка. – И не будь свиньей, перезвони как можно скорее мне на сотовый. Юля.

Я громыхнула трубкой о рычаг и отправилась переодеваться. Сунула в сумку спортивный костюм, стянула волосы в хвост и хлопнула дверью. Валентин бывает ужасной сволочью, если его заставить ждать. Во всем остальном он милейший человек и еще более очаровательный вольп, но опозданий не терпит. Ни своих, ни чужих.

В спортзале я оказалась без двух минут два. Валентин уже ждал меня.

– Я так и знал, что ты приедешь пораньше.

– Я за тебя рада, – огрызнулась я.

Вольп внимательно посмотрел на меня.

– Что случилось?

– Жизнь не получилась, – вздохнула я. – Пошли потренируемся, а? Хоть успокоюсь немного. Тогда и поговорим. Я сейчас на взводе, а на тебе срываться не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.